ДОН_новый 20/1-2

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза писателей России, министерства культуры Ростовской области и Ростовского регионального отделения Союза писателей России

Главный редактор Г.В. Студеникина

Общественный редакционный Совет:
А.Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В.А. Воронов, Ростов-на-Дону
А.И. Глазунов, Сальск Ростовской области
Н.И. Дорошенко, Москва
Г.В. Иванов, Москва
И.С. Капаев, Черкесск
В.И. Лихоносов, Краснодар
Б.А. Орлов, Санкт-Петербург
Г.Т. Селигенин, Ростов-на-Дону
Б.М. Стариков, Тихорецк Краснодарского края

Учредители: Союз писателей России
Ростовское региональное отделение СП России
Журнал выходит при поддержке министерства культуры РО

Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»

СОДЕРЖАНИЕ:

СООБЩЕНИЕ

В правлении Ростовского регионального отделения СП России. *Информация.* 4

ЮБИЛЕИ

К юбилею поэтессы.

Анна Ковалёва. *Весеннее — 2019.* Стихи. 5

Антонина Попова. «*И есть кому затеплить строчку...*» К юбилею Анны Ковалёвой. Эссе. 10

К 65-летию писателя.

Алексей Глазунов. *Мне без любви не жить.* Стихи. 17

Ольга Губарева. *Алексею Глазунову — 65 лет.* Очерк.21

К 65-летию писателя.

Александр Кравченко. *Прихоть природы. Соло для одинокого гармониста.* Рассказы. 23

К юбилею поэтессы.

Ирина Сазонова. *«... И ты поймёшь: случилось!..»* Переводы болгарских поэтов. 35

К 55-летию поэта.

Алексей Сазонов. *Сказка.* Стихи. 40

Ольга Губарева. *У моего товарища... юбилей.* Очерк.43

К юбилею поэтессы.

Маргарита Григорьева. *Ночная прогулка.* Стихи. 45

ПРОЗА

Вячеслав Зименко. *Кофе от Штумпфеля. Дети воскресения.* Новеллы. 56

Людмила Хлыстова. Вот так «WhatsApp»! Рассказ.128

Светлана Вьюгина. *Странные бабушки. Дядя Петя.* Рассказы. 133

ПОЭЗИЯ

Витка Витанова. *Источник доброты.* Загадки для детей. Перевод с болгарского и послесловие Клавдии Павленко. 52

Александр Дивеев. *Шепталась на ветру трава.* Стихи.60

Дмитрий Ханин. *Приняв смятение природы.* Стихи.130

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий Селигенин. *Верую.* Эссе. 50

ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ

Тамара Сальникова. *Карандашный набросок зимы.* Стихи. 64

Журнал «ДОН_новый» распространяется на территории России и стран СНГ

***

Содержание журнала не всегда отражает точку зрения редколлегии на затронутые авторами темы

***

За точность имён, фактов и чисел ответственность несут авторы

***

Редколлегия оставляет за собой право не разъяснять авторам причины отказа в публикации их произведений

***

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

***

Все произведения в журнале публикуются пока на безгонорарной основе. Авторам предоставляются бесплатно по 2 экземпляра номера журнала (с их публикациями). Присыл авторами своих произведений для печати в журнале «ДОН_новый» считается их согласием на безгонорарную публикацию

«КРУТОЯР»

Михаил Шолохов. *Путь-дороженька.* Повесть. 68

Николай Стальский. *Шолохов в «Журнале крестьянской молодёжи».* Из книги «Друзья-писатели». 98

Лидия Слюсаренко. *Роль музея-заповедника М.А. Шолохова в сохранении культуры.* Очерк. 105

Григорий Рычнев. *Листая страницы музея...* Очерк. 114

Победители областного литературного конкурса «Степные всполохи - 4»

Надежда Федченко. *Память.* Стихотворение. 116

Наталья Воронина. *На мглистой переправе.* Стихотворение. 117

Анатолий Токарев. *Хлеб.* Рассказ. 118

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ РОССИИ

Проза:

Елена Натальченко. *Беги, Полина.* Эссе. 142

Алина Осокина. *Святые угодники.* Рассказ. 150

Алина Гребешкова. *Элли-бэлли.* Маленькая повесть 160

Поэзия:

Анжелика Салтанова (Шульженко). *Бокал лета.* Стихи. 146

Артём Горшенин. *Стеклянный мир.* Стихи. 157

Марина Перова. *Сотканный из мыслей.* Стихи. 174

Условия набора и присылки литературных материалов в журнал «ДОН_новый»

Свои произведения авторы присылают в журнал только электронной почтой по адресам: **donpisatel@yandex.ru** или **don_new@rambler.ru** в программе «**WORD**» без архивирования и макетирования.

***

Рукописи для публикации в журнале «ДОН_новый» принимаются только при соблюдении следующих правил набора:

1. Обязательное использование в наборе буквы «Ё»
2. Не допускается использование знака «дефис» (-) или знака «нижнее подчёркивание» (_) вместо знака «тире» (—) и наоборот.
3. При наборе прозы и публицистики использовать знак «длинное тире»(—), при наборе поэзии знак «короткое тире» (–).
4. Не допускается установка абзацев текста при помощи кнопки «Табулятор».
5. В обязательном порядке на файлах с произведениями должно быть указано имя автора, а сами произведения подписаны.
6. В обязательном порядке в названиях фотофайлов должно быть указано кто или что изображено на фотографии. Фотофайлы с цифровым обозначением в названиях приниматься не будут.

Рукописи, не соответствующие условиям набора, рассматриваться не будут.

***

По вопросам подписки на журнал «ДОН_новый» и издания книг обращаться по адресу: 344000, Ростов-на-Дону, пр. Шолохова 1, ООО «Издательство «Донской писатель», тел. 8-918-599-67-51.

В правлении Ростовского регионального отделения Союза писателей России

Правление Ростовского регионального отделения сообщает писателям и читателям журнала «ДОН_новый» о том, что в год 115-летия со дня рождения Великого Донского писателя Михаила Александровича Шолохова Правление Союза писателей России (г. Москва) учредило золотую медаль им. М. А. Шолохова, которой наградило ряд творческих коллективов и некоторых писателей и работников культуры РО индивидуально.

Среди награждённых коллективов:

Ростовское региональное отделение Союза писателей России.

Всероссийский литературно-художественный журнал «ДОН_новый».

В числе награждённых донские писатели:

Береговой Алексей Григорьевич, прозаик, председатель правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России.

Студеникина Галина Валерьевна, поэт, главный редактор Всероссийского литературного журнала «ДОН_новый».

Воронов Василий Афанасьевич, прозаик, шолоховед.

Рычнев Григорий Фёдорович, прозаик, шолоховед.

Ханин Дмитрий Игоревич, поэт, главный редактор сайта «www. donpisatel.ru»

Золотой медалью им. М.А. Шолохова также награждены работники Вёшенского музея-заповедника М.А. Шолохова:

Анистратенко Ольга Александровна, директор музея-заповедника М.А. Шолохова;

Шолохова Валерия Владимировна — заместитель директора музея;

Тищенко Наталья Михайловна — главный хранитель музея;

Попова Мария Фёдоровна — заведующая отделом молодёжной программы;

Попова Елена Владимировна — старший научный сотрудник отдела «Усадьба М.А. Шолохова»;

Шолохова Валентина Исмаиловна — заведующая отделом «Усадьба М.А. Шолохова»;

Шолохова Светлана Михайловна — дочь Михаила Александровича.

Золотой медалью им. В.М. Шолохова также награждены работники МК РО:

Ерёмина Марина Ивановна, заместитель директора муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая центральная библиотека им. М.А. Шолохова — за проект «Наш Шолохов»;

Шапошников Геннадий Викторович, главный режиссёр ГАУК РО «Ростовский академический театр драмы им. М.Горького» — за спектакль «Тихий Дон».

Горячо поздравляем всех лауреатов с заслуженными наградами!

К юбилею поэтессы

Анна Ковалёва

ВЕСЕННЕЕ - 2019

* * *

Нет, не цветет еще, но розов
в полураскрытых почках сад,
дождем берёзовых сережек
асфальты двориков блестят.

Ветров зазывные сирены
пока еще на крышах спят,
но первой зеленью сирени
вдруг так внезапно ослепят.

Ночами все туманы чаще,
и все тревожней поезда
кричат, что есть дорога к счастью
и что бегут они туда.

Так молодо нетерпеливы,
так восхитительно милы,
трепещут у заборов ивы
в горячем шёпоте весны,

что вновь бессильно и напрасно
настанет слов твоих черед,
когда решительно и властно
несбывшееся позовёт!..

* * *

Не два крыла, а два орла,
точнее – сокол и орлица...
Лечу – доколе даль легла,
и волен ты, где приземлиться.

И то лишь верно, что одно
дано нам небо для разбега,
и то лишь горько, что темно
в твоей душе, как в царстве снега…

* * *

Среди людей, не в одиночку,
с бедой и радостью живу.
И есть кому затеплить строчку,
и есть
к кому склонить главу.
Один зажжёт, второй остудит,
о третьем — вечно горевать...
В мир выводя, «гляди, как люди»,
меня напутствовала мать.
С годами и утрат побольше,
и путь все круче и трудней,
но твёрже мамино:
– Не бойся,
пока живешь среди людей.

***

Растерянность сосновых однолеток,
и я средь них, как старшая сестра...
Мне снится почему-то этим летом
та первая, та давняя весна.
И сосенок нетлеющие свечи,
и вишен восхитительный убор –
всеё спуталось, все высветилось в вечер,
в не знающий об утре разговор...
Уходит очень многое навеки
и знаков о себе не подаёт,
но юности могущественной реки
непознанного взламывают лед.
И снова все цветёт и обмирает
от легкого касанья ветерка,
и, может быть, поэтому, кто знает,
не «сякнет» вдаль бегущая строка…

* * *

Зацветали любви нашей маки,
Серебристых дождей невода
опускались в прибрежные злаки...
Боже, как я была молода!

И не шла, а струилась, светилась
та дорожка среди камыша,
по которой к нам солнце спустилось.
Боже, как я была хороша!

А потом время вывело маки,
по лугам нашим выжгло траву...
Я рисую солярные знаки
и живу...
Боже, как я живу?!.

***

Это весна!
Густо крашены в стронций,
ивы желтеют в окошках проталин.
Ветер, пронизанный свистом
и солнцем,
мечется в них не осой ли ужален?

Это весна.
И ночные морозы
всуе рядятся в одежды Сизифа.
Помолодевшую кору берёзы
глажу рукой обнажённою тихо.

Это весна...
Ее жаркие токи
снова бугрят тополиные жилы!
Хочется жить. И по краю протоки –
хор воробьиный:
Мы живы, мы живы!..

***

Розовеют сады...
На безоблачной сини
капилляры берёз тёмным пламенем
пышут.
Бок нагретой сосны пополудни
остынет,
когда солнце скользнёт за околышек
крыши.

Но у южной стены разомлевшего дома
вспыхнет вишенный куст,
как заморская птица,
и по сонной земле разольётся истома,
и чуть видный паро́к на свету
заискрится.
И, вдыхая его, поспешит разодеться
молодая верба̀ в серебристые
смушки...
И, совсем не узнав, как пронзят
мое сердце,
прозвенят две стрелы – две прелестных
девчушки...

***

Сдаюсь,
сдаюсь весне на милость,
и сбрасываю скорость бега!..
Кора берёзок обновилась
до белизны белее снега.
Всё-всё!
Останусь здесь, в долине
больших снегов, таящих воды,
в кругу берёз, под сводом линий,
начертанных рукой свободы,
на ложе двух стволов, сплетённых
так крепко, что лишь смерть сильнее,
пока на красновато-темных
ветвях последний луч сомлеет...
Покой...
Покой меня остудит,
и кротость разольётся в теле,
и снова мне приснятся люди,
прекрасней, чем на самом деле.
И, главное, сама я буду
средь них отзывчивей лучины
и возвращусь к простому чуду
любить без меры, без причины!..

***

Вновь земля от края и до края –
в зелени весенней и цвету...
Красота у каждого такая,
кто как понимает красоту.
Но сегодня мне до боли ясно,
что законы красоты просты,
что всегда воистину прекрасно

только то, что носишь в сердце ты.
И не надо думать очень долго,
почему весну так любим мы,
ведь пора сердечного восторга
и весна по возрасту равны.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Тихий, ласкающе гибкий,
нежно туманящий даль,
ветер в сосновые зыбки
розовый сыплет миндаль.
Птицы в изглавье стрекочут,
бабочки вензели вьют...
Я узнаю этот почерк
благовещающих утр.
Я узнаю эти речи,
полные света и мглы,
вновь повторяемой встречи
пламенных уст и волны,
той, где сегодня, как в сказку,
хочется тенью скользнуть,
чтобы принять твою ласку,
Ангел, венчающий Путь…

ВЕРА

На крыше веточка рассвета
как дня приветливая весть.
Мне надо знать, что где-то, где-то
в далеком небе солнце есть.
Мне надо знать, что сумрак сгинет,
что парус в море чист и бел,
что ветер мой остался синим,
а ты, как прежде, горд и смел.
Мне надо знать, что утро будет,
что травы вспыхнут – зелены,
что мы опять навстречу людям
пойдём в огне своей весны!

Антонина Попова

«И ЕСТЬ КОМУ ЗАТЕПЛИТЬ СТРОЧКУ…»

К юбилею Анны Ковалёвой,

Автобус плавно отходит от перрона, и моя долгожданная поездканачинается. Я еду в город, в котором была всего два раза в жизни, да и то — в глубокой молодости. Какой он теперь? Изменился, наверное. Подрос, повзрослел…

За окном проплывают туманные поля. Кое-где снег стаял, и видны ярко зелёные иголочки озимых. Овраги и придорожные озёрцанаполненыгусиным пухом тумана. Он постепенно рвётся на маленькие облачка, уплывает из овражков вверх, тает на глазах.

По лесополосам тоже бродиттуман. Его клочки гуляют между деревьями, пытаются вырваться из плена веток, чтобы также растворитьcя в воздухе. Сыро, слякотно, пасмурно. Обычная ранняя весна на Дону.

В салоне автобуса тепло, пассажиры то переговариваются вполголоса, то смотрят в окно, кто-то слушает музыку, кто-то дремлет. А я листаю взятую в дорогу книгу Анны Ковалёвой «Цикорий»:

Ночами всё туманы чаще,
и всё тревожней поезда
кричат, что есть дорога к счастью
и что бегут они туда.
(А. Ковалёва. Нет, не цветет ещё, но розов…)

Автобус скользит по шоссе, обгоняя попутки, подпрыгивая на неровном асфальте, осторожно объезжая припаркованные на обочине фуры. День постепенно просыпается, иногда даже показывая из-за тучи кусочек солнца. «Дразнится», — думаю я. Размеренный ход машины убаюкивает, и я засыпаю. Ненадолго, минут на 20-30. Но этого хватает, чтобы, открыв глаза, увидеть

Попова Антонина Анатольевна — публицист, литературовед, критик, член Союза писателей России, автор нескольких литературоведческих книг, посвящённых в основном незаслуженно забытым донским поэтам.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

в окне совсем другую картину — разыгралась метель. Самая настоящая! Снег идёт крупными, тяжёлыми хлопьями, падает, и тут же тает. Вот вам и весна!..

***

Душа поверила в возможность
коснуться счастья наяву,
и снег упал так осторожно,
боясь нарушить тишину.
И та, обычная сначала,
волшебной стала, неземной,
и сердце реже застучало,
ещё не зная, что со мной.
И — смутно-смутно, зыбко-зыбко,
как луч рассвета в полумгле,
там, в небесах, пропела скрипка…
И так в ответ запелось мне!..
(А. Ковалёва)

Мы продвигаемся на север области. Это заметно по пейзажу за окном. Уже нет проталин на полях, всё укрыто снежным покрывалом. Весной тут и не пахнет! За окном сюрреалистичный пейзаж сгоревших прошлым летом деревьев. Стволы обуглены.Они наклонились к земле, словно прося у неё помощи. А она в ответ им приказала: «Стоять!» И они застыли в полу падении немым укором всем проезжающим мимо.

Ещё часа три пути, и я приеду вВолгодонск, самый молодой город донского края. В 2020 году он отмечает своё семидесятилетие. Но это вовсе не означает, что город был построен в голой степи. Испокон веков здесь жили люди. Белая Вежа, Саркел, Пятиморск, Волго-Донск…

На просторе бескрайнем и диком,
у гнездовий орлов и орлиц,
*статный юноша Дон сребролик*ий
в светлых струях поил кобылиц…
…Напоит он бескрайние дали,
и в сказанья уйдет его плес...
Встанет город из камня и стали,
будет имя ему — Волгодонск...
(А. Ковалёва. На рождение Волгодонска)

Захожу со смартфона в Википедию: «Волгодонск: География… Климат… История… Первая великая стройка… Вторая великая стройка… Третья великая стройка… Официальные символы Волгодонска. Флаг… Герб… Гимн: музыка Юрия Шеина, слова Анны Ковалёвой:

В просторах донских, там, где Дикого поля
Гудели ветра и свирепствовал зной,

Раскинулась ширь рукотворного моря
И встал над волной Волгодонск молодой…

Случайности не случайны. Я нахожу нужную мне информацию именно тогда, когда она необходима. Продолжаю мучить смартфон, ищу целенаправленно информацию об Анне Ковалёвой: «Результатов: примерно 53000»!

«…Родилась и выросла в Курской области 6 февраля 1945 г. Жила и работала в Калмыкии, в городах Тольятти, Сальске, Волгодонске. Участник Волгодонского литобъединения. Автор поэтических книг: «Храм заблуждения» (1990 г.), «Окликаю тебя по имени» (1997 г.), «На земле, носившей Иисуса» (1999 г.), «Кавказская рана» (1999 г.), «Пространство света» (2000 г.) и др....»

Продолжаю читать книгу. Мне нужно как можно больше узнать об авторе — ведь я еду к ней в гости. А что может больше и лучше рассказать о человеке, как не его творчество?

«Среди людей, не в одиночку,
с бедой и радостью живу.
И есть кому затеплить строчку,
и есть к кому склонить главу…»

Я еду в Волгодонск! Много лет назад судьба (в виде комсомольского строительного поезда «Атоммашевец-83»)забросила меня в этот городна строительство завода. Жили горе-строители, среди которых были молоденькие выпускницы вузов, телефонистки и «химики», прямо в поезде. Была середина октября, по ночам уже подмораживало. Но нам не выдали тёплых одеял, а сопровождающим — угля.

Девчонкам по очереди приходилось делать вылазки с проводником на территорию соседнего предприятия, возле которого стоял наш состав, чтобы набрать дров и угля, протопить вагон и вскипятить чай. Жили мы так целый месяц…

Здесь начну писать стихи я,
здесь пойму, что жизнь — борьба.
Волгодонск — моя стихия,
Волгодонск — моя судьба.

Кто мог знать, что поезд скорый
резко здесь затормозит,
что вот этот скифский город
грудь насквозь мою пронзит?
(А. Ковалёва. Волгодонск — моя судьба)

В 1983 году нас привезли в молодой, промышленный, и, казалось бы, совершенно неромантичный город. Каждый день мы, надев строительные робы и каски, по заданию прораба выполняли посильные работы на Атоммашстрое:

то подметали пол в возведённых цехах и выносили из них мусор, то начисто заливали жидким цементом бетонные плиты пола, то лезли в люки шпаклевать стыки между кирпичами. Было холодно, сыро и неуютно.

Нам и в голову не могло прийти, что всё это можно воспевать в стихах и песнях. И никто из нас тогда не знал, что здесь живёт талантливая поэтесса Анна Ковалёва, сумевшая воспеть поэтической строкой свой любимый Волгодонск:

***

Заметает. В тёмном доме тихо.
Спит мой сын, посапывает дочь.
За окном, как белая слониха,
выгнув спину, прикорнула ночь.
Час не ранний. Только мне не спится.
Выхожу неслышно на балкон.
Снежной пылью шелестит страница
книги года. Снежен небосклон.
Город спит. Снег запорошил ямы,
горы труб, траншеи... Снег метёт.
Вскинув стрелы, над дорогой краны,
словно стражи, караулят год.
Нет, уйдёт. Уйдёт, и не заметят,
что сменилась веха... Скоро — век...
Спит мой дом. Посапывают дети.
Тихо-тихо. В Волгодонске — снег...

Автобус приближается к пункту назначения, а я прокручиваю в памяти разговор с Анной Ивановной о её детстве, любимом городе, творчестве…

«Самое сильное воспоминание детства — мой отец.Удивительно добрый,талантливый (он прекрасно пел,много знал,учил меня и помогал делать уроки,а когда я приходила из школы и говорила, что получила пятёрку,радовался, как дитя!) Отец с войны вернулся инвалидом,работать на обычных работах не мог,поэтому работал сторожем.В частности,сторожил колхозный сад,и я постоянно бывала там с ним,о чём написала в стихотворении «Легенда о саде»:

...Родительский сад обнимал меня снова,
и песня могучая шла по росе,
и старозабытое русское слово
цвело и играло в рассветной красе.
Стонали кугиклы, рожки, балалайки,
стонал и гудел до утра карогод,
и шла моя мама в цветной холодайке
по длинной дороге — лицом на восход...

Дома у нас было заведено правило — читать вслух книги зимними вечера-

ми.Читала обычно моя старшая сестра или сам отец. Пушкин,Гоголь,Лермонтов,Горький...Чьи только произведения не звучали этими длинными вечерами! Часто пели.В семье сложился прекрасный акапельный ансамбль:прекрасными голосами, кроме отца, обладали моя старшая сестра,брат,тётя(отцова сестра),её муж...Пели так,что дух захватывало! Часто читали вслух Библию — семья была верующей.Помню все праздники,которые нетолько соблюдались,но и отмечались по всем правилам и очень красиво!Помню,что стихи,стихотворные прибаутки, поговорки,шутки звучали постоянно, поэтому стихи для меня — это тоже родная стихия:

...О, родина! Сад — от порога,
сирени в саду, соловьи!
Лог справа, лог слева, лог прямо,
и снова сады над бугром.
Три холмика: бабушка, мама,
отец мой...
Родительский дом...
(А. Ковалёва. Малая родина)

…Проехали посёлок Краснодонский. Ещё час и мы на месте. Сердце почему-то начинает вырываться из груди, я волнуюсь, думая о предстоящей встрече. Стараюсь успокоиться, вспоминая наш короткий разговор:

— Сохранилась ли у Вас любимая книга, игрушка, вещица из детства?»

— Сохранилась подаренная мне в школе за отличную учебу репродукция картины Крамского «Лунная ночь».Заведённая в рамку,она до сих пор висит в родительском доме.

— А как к Вам пришло желание писать стихи? Кто для Вас был кумиром в поэзии?

— Поскольку стихи звучали в доме постоянно, они были для меня привычной атмосферой,и я постоянно что-нибудь бормотала во время всяких игр и после. А когда стала старше(я уже читала Блока!)захотелось всё это записать! Так возникли первые опыты.

Кумиром был и остаётся Пушкин.И ещё — Блок.Потом были и Есенин,и Цветаева,и Ахматова, позже —Вознесенский,Ахмадулина...Да все хорошие поэты!Сегодня с удовольствием читаю стихи нашего ДимыХанина.И у каждого из наших ныне пишущих нахожу много интересного.

Росы прозрачная слеза
скатилась — и пахнули синим
глаза цикория — глаза
моей земли, моей России.
Моей родни. Отец и мать,
брат, сестры, бабушки, чьи сказы
о предках можно продолжать, —
все, как один, голубоглазы.
Голубоглазы сын и внук,

и внучка… И сама я, кстати,
невестка, зять… И даже друг,
и даже лучший наш писатель…
(А. Ковалёва. Цикорий)

Я снова погружаюсь в чтение стихов Анны Ковалёвой. Благодаря её творчеству я поняла, что значит любить свой город, наблюдать за его преображением, радоваться его достижениям, печалиться неудачам.

Я перечитываю ещё и ещё раз некоторые страницы, стараясь найти тайный смысл, понять каждую строфу, прочувствовать каждую строчку. Они наполнены любовью. К траве на лугу, к ласточке в небе… Читаю стихи, а меня одолевает странное чувство. Кажется, что это мои мысли, и просто меня опередили, подслушали. Ведь я тоже так думаю! Философские раздумья об отношениях между людьми, о добре и зле, о месте человека в этой жизни. Да мало ли разных тем нам предлагает окружающий мир!? Но не у всех есть такая способность рассказать о своих чувствах в стихах, всколыхнуть душу, заставить сопереживать и думать. У Анны Ковалёвой это получается.

Лиха беда ли? — выпал снег!
Но как связал собой он всех,
связал, как сотни бус снизал,
тепло рукам, светло глазам.

Светло глазам, легко устам,
словесный ринг — то тут, то там,
веселый гам, беззлобный смех —
о, как могуч ты, первый снег!

Снимая жар, сминая боль,
вдоль темных рек, тех улиц вдоль,
сметая ложь, счищая грех, —
к вискам, к щекам — белейший снег.

Забыть, заспать — лиха ль беда?
Промчался год, пройдут года,
все сладит даль, все скроет снег.
Махнув, ныряю в чей-то смех!..
(А. Ковалёва. Первый снег)

Я представляю себя то идущей по раскалённой степи, то любующейся на первый снег из окна, то сидящей под раскидистым деревом в раздумьях... Стихи Анны Ковалёвой наполнены воздухом:то морозно-колким, то знойно-обжигающим, то по-весеннему тёплым. Они дышат легко и свободно. И, читая, словно наполняешься этой живительной свежестью.

Развёрнуты, распахнуты над лесом
большие кучевые облака.
Душа моя, покоем поднебесным
*Расправлена, распрямлена, — легк*а…

Наконец, автобус въезжает в Волгодонск, вынуждая меня оторваться от чтения. Он едет по улицам, пробираясь к автовокзалу, а я смотрю в окно на совершенно незнакомый мне город. Да, он изменился. Я помню его одной большой новостройкой, наполненным звуками забиваемых свай, рёвом самосвалов, криками такелажников. Теперь всё по-другому. Спокойно, тихо, сосредоточенно. Город готовится к юбилею.

Первый квартал Волгодонска.
Первый бульвар… Его вязы
помнят ещё Пятиморска
имя, ушедшее в сказы…
(А. Ковалёва. На улице Почтовой)

Выхожу вслед за другими пассажирами из автобуса. Говорю водителю «спасибо», и слышу в ответ ласковый голос «навигатора»: «Вы приехали. Маршрут окончен».

А, может, он только начинается?

К 65-летию писателя

Алексей Глазунов

МНЕ БЕЗ ЛЮБВИ НЕ ЖИТЬ

* * *

В тебя я веровал, любя,
И от судьбы не ждал аванса.
Пусть рядом не было тебя,
Но я с тобой не расставался

ВСЕЛЕННАЯ ЛЮБВИ

Какая ночь! Какие звёзды!
И мы не чувствуем земли.
Какие птицы вьют там гнёзда,
В чужой заманчивой дали?

Загадка Космоса извечна,
Кто знает, что же впереди?
За руки взявшись, в бесконечность
Бежим по Млечному пути.

С Большой Медведицею рядом
Я звёзды черпаю ковшом,
И ты под звёздным водопадом
Стоишь в восторге нагишом.

Слова любви, признаний – где вы?
Эх, только б не сойти с ума!
И не созвездие ты Девы,
А Дева звёздная сама!

И столько праздничного света,
И столько в душах чистоты!
Да разве б я один заметил
Безумство звёздной красоты?

ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ

Как ты жил,
Как ты жил беспробудно
Средь кривых запыленных зеркал?
Ты раскрась,
Ты раскрась наши будни
Степью, морем, сиянием скал.

Ты солги,
Ты солги, что как прежде
Обожаешь и любишь меня.
Ты оставь,
Ты оставь мне надежду
На рассвет, на восторженность дня.

Растопи,
Растопи моё сердце
Жарким взглядом, сжигающим тьму.
Не молчи,
Не молчи и доверься,
Я поверю, прощу и пойму.

Подожди,
Подожди, – воет ветер, –
Пусть тебя не коснётся беда.
Уходи,
Уходи в стылый вечер,
Я не буду жалеть никогда!

Я смогу,
Я смогу жить на свете,
О любови твоей не скорбя.
Если ты не придёшь на рассвете...
Я умру,
Я умру без тебя...

МОРЕ

Как же страстно ты море любила,
Сколько света в тебе и тепла!
Как же душу мою ты знобила,
Как же сердце безжалостно жгла!

Убегала к нему без огляда,
Уплывала в лазурный рассвет
И ласкала его до заката,
И шепталась ты с ним тет-а-тет.

Голубым, и зеленым, и серым,
И спокойным, и буйным – любым
Ты его обожала без меры…
Если б я был тобой так любим!

И готов я, на то есть причина,
Не жалея ни душу, ни стать,
Буревестником кануть в пучине,
Чтобы моря частицею стать.

ТЕБЕ

И снова мы с тобой на «Вы»,
Как даль небесной синевы,
Как шелест будущей листвы,
Как зелень скошенной травы.

И снова мы не знаем встреч,
Как будто гаснет пламя свеч,
Как будто некому сберечь
 Огонь тех глаз и губ, и плеч.

И до тебя, как до звезды,
Лишь достают мои мечты.
Я в ожиданье высоты,
Когда же вновь мне скажешь «ты».

ПЕСНЯ

Мы споём такие песни –
Стихнут в рощах соловьи!

Зазвучат счастливой вестью
Над землёю о любви.
Мы споём,
Куплетов гроздья
Нанизав на звучный лад,
И про вечер, и про звёзды,
И про нежный
Синий взгляд,
И про росные рассветы,
И про стук сердец в груди,
И про всё,
Про всё на свете…
Поскорее приходи!
Мы споём, – слов не забыли,
В голосах – задор и пыл!
Только б ты меня любила,
Только б я тебя любил…

Ольга Губарева

АЛЕКСЕЮ ГЛАЗУНОВУ — 65

Очерк

Можно, я поставлю в конце заголовка вопросительный знак?

Потому, что это неправда! Ну, да, по анкетным данным выходит, что это так и есть. Но, Лёш, я не верю!

Твоя хитроватая улыбочка, твои подшучивания и многозначительное покашливание: «Кгм…» там, где за смыслом слов трудно не заметить второй, а то и третий смысл. Твоя элегантность — в одежде, в общении, выдающая настоящего интеллигента, которых сейчас по пальцам можно пересчитать…

Твоё пацанство, в конце концов, вечная энергия, задор, твои разносторонние интересы: рыбалка, музыка, путешествия, картины, общение с интересными людьми. Всё это даёт тебе неиссякаемые темы для творчества. Стихи, зарисовки, рассказы, романы.

Лёш, ну, какие твои годы! Какие 65?! Не смеши!

Я давала тебе рекомендацию в Союз писателей. Знаешь, ни на минутку не пожалела. В своём движении ты обогнал своего рекомендателя. И дай, Бог, тебе воли и сил на дальнейшее движение вперёд и вверх.

Помню, как ты привозил мне свой роман «Узел» в рукописи, как ждал, пока прочту, с каким вниманием и интересом выслушивал моё мнение. Это тоже не часто встречается среди нас, пишущих. Зачастую чужое мнение встречается в штыки, игнорируется. Ты с лёгкостью и пониманием относишься к замечаниям, можешь принимать или не принимать их, но обиды я не ощущала.

Вместе с тобой мы выступали перед различными людьми: школьниками, студентами, рабочими, учителями и врачами. И всюду ты владеешь аудиторией, общаясь с ней легко, непринуждённо, грамотно, понятно, но не заискивающе.

Вместе с тобой мы ездили в Краснодарский край на встречу донских и

Губарева Ольга Ивановна, поэт, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических и прозаических сборников. Живёт и работает в п. Сандата Сальского района Ростовской области.

кубанских писателей, вместе с тобой я побывала в гостях у Василия Афанасьевича Воронова, плыла на стареньком пароме через Дон, приезжала на совещания писательской организации. Для меня это было открытием мира, давало темы для творчества, вдохновляло. Ты помогал мне сделать мир ближе, яснее, значимей. Спасибо тебе и за это.

Вообще, Лёша, спасибо за дружбу. Не знаю, принято ли благодарить за это?.. Но то, что человеческие отношения во многих случаях сейчас оцениваются в деньгах, связях, степени значительности — грустная правда нашей жизни. Хорошо, что ты к этому не имеешь никакого отношения.

И в конце несколько строчек в моих стихах, посвящённых тебе:

Привет тебе, товарищ по перу,
Чего греха таить, – и по пирушке.
Твоя «союзписателей подружка»,
Стою перед тобой, как на юру.
Я рада, что судьба нам шанс дала
Узнать друг друга, сделала друзьями.
Мы в жизни многого добились сами,
Но есть у нас и общие дела.
Твои года…Да, что – твои года?!..
С годами только красит жизнь мужчину.
Года – совсем не повод для кручины.
А для дурачеств повод есть всегда!
Пускай же будет твой дальнейший путь
С пером, в пиру и с женщинами тоже.
И, коль тебе рука моя поможет,
Тебе я рада руку протянуть!

К 65-летию писателя

Александр Кравченко

ПРИХОТЬ ПРИРОДЫ

Рассказ

Лето. Воскресный день. На берегу Донца множество рыболовов. Вторую неделю идёт сазан. И особо азартные, забыв сон, забросив домашние дела, пропадают на берегу среди паутин закидных удочек.

Под Двумя Сестрами, двумя похожими друг на друга кряжистыми горами у Донца, особенно многолюдно. Здесь занимают места с вечера. Иначе сюда не попадёшь.

Дело ближе к полудню. Все предметы на берегу словно вобрали в себя тени. По небу размётаны перистые облака. Рыбаки, разомлев на солнце, лениво бродят среди молчащих колокольчиков удочек. Никто не расходится, боясь потерять место, в ожидании вечерней поклёвки. День складывается неудачно — никто ничего не поймал.

Под вербой в тени сидит тощий старик, сухой, коротко стриженный, в пляжной шапочке. Рядом с ним разлёгся, прикрыв маленькие глазки рыжий детина с бугристый лицом.

— Слышь, Гришка, — толкает босой пяткой старик в огромную ручищу, на которую Гришка опирается головой.

— Ну? — спрашивает тот, не открывая глаза.

— Проверь пойди закидухи.

— Сам проверяй, — беззлобно огрызается он.

— Колька! — закричал старик.

От берега к вербе прибежал мальчишка лет десяти. Наголо стрижен, на облезлом носу проступали веснушки.

— Ты, Колюшка, таво... Смотри за удочками. Клювать начнёт, ты шумни.

Мальчишка ушёл. Было тихо. В небе кружил коршун. Карабкаясь по

Кравченко Александр Александрович, прозаик, член Союза писателей России с 1997 года. Автор ряда книг прозы, в том числе двух романов. Многократно публиковался в периодической печати. Живёт и работает в хуторе Богураев Белокалитвенского района Ростовской области.

каменистой осыпи от берега к вербе выбрались двое. Толстый, в клетчатой рубашке, отирая рукой потное красное лицо и шумно вздыхая, спросил:

— Мужики, в тенёк к вам можно? Спарились совсем.

— Са-а-а-дитесь, — медленно произнёс Гришка, подтянул длинные ноги, освобождая место.

Толстый грузно сел на линялую траву.

— Сергей Иванович, — сказал он спутнику. — Садись передохнём.

Усаживаясь, Сергей Иванович — низкорослый крепкий мужчина средних лет, спросил старика:

— Ну, что рыба будет сегодня?

Гришка осклабился, лениво улыбнулся.

— Ну-ка Прихоть природы, объясни товарищам, какая у них сегодня рыбалка получится.

Живо сверкнув чёрными, будто маслины глазами, Сергеи Иванович переспросил:

— Прихоть природы — это что?

— Это он, — ткнул пальцем Гришка в старика. — Это у нас в хуторе его так называют.

— Прихоть природы, — хмыкнул толстяк. — Занимательно.

— Какая там прихоть, — отмахнулся старик. — Иван Васильевич я, — помедлив чуть и поправляя шапочку, сползшую на глаза, добавил.— С Богураева мы, а вы, видать, городские.

Эти двое утром прибыли сюда на водных мотоциклах. С шиком, рассекая водную гладь Донца, они подкатили, заглушили моторы и пришвартовались к берегу. У низкорослого из-под спасательного жилета выглядывала рукоятка пистолета в наплечной кобуре. Прибытие столь шумных гостей вовремя утренней поклевки, среди рыбаков вызвал неоднозначную реакцию. Некоторые борцы за справедливость было кинулись морду лица бить нарушителям утреннего покоя у Донца. Но вид пистолета сразу охладил горячие головы. Только комментарии: «Суки, крутые, развелось их на наши головы, как собак не резанных»…

— Видать, — улыбнулся Сергей Иванович.— Ну, так как же с рыбалкой сегодня?

— До вечера доживём, там посмотрим... — неопределённо пожал плечами старик. — На прошлой неделе я вот так же целый день маялся, а под вечер двадцать пять штук выловил и все как один килограмма на полтора.

— Да ну? — удивился толстяк. — А на что ловите на макуху или на хлебу.

— У нас своё снадобье, — хитро сощурившись, ответил старик.

Сергей Иванович подмигнул толстяку. Тот утвердительно кивнул головой.

— А не приспела ли пора перекусить?

Не ожидая ответа, он грузно встал и пошёл к водным мотоциклам, стоящим внизу у берега. Он вернулся с целлофановым пакетом и свёртком в руках.

— Не откажитесь составить компанию? — усаживаясь удобнее на вылинялую траву, спросил Сергей Иванович.

— Отчего ж, — сдержанно ответил старик и ткнул пяткой Гришку в бок.

Тот на четвереньках полез в кусты, долго возился и наконец, извлёк брезентовую сумку. Толстяк выложил из пакета бутылку коньяка и бутерброды. Гришка высыпал из сумки помидоры и яблоки, густо пересыпанные табаком. Развернул белую тряпицу, положил ломоть ноздреватого пахучего хлеба...

— Сходи помой, — осмотрев яблоки и помидоры, заметил старик.

— Так они чистые, я их утром мыл, — лениво протянул Гришка.

— Колька! — крикнул старик.

— Ну чего тебе, — отозвался тот от берега.

— Ладно, играйся, — передумал старик. — Об штаны оботрём, и так сойдут.

Толстяк глянул на Сергея Ивановича, тяжело отдуваясь собрал рассыпанные помидоры и яблоки, пошёл к реке мыть. Гришка не обратил на это никакого внимания, подцепил бутылку в ярких наклейках.

— Коньяки пьете, — весёлым голосом заметил он. — Видать начальство...

— Видать, — согласился Сергей Иванович, изучающе разглядывая Гришку.

— Мы дюже в них вкусу не понимаем, что однозвездовый, что больше. А бы в голову бил.

— А не боишься? — Чего?

— Что голову пробьёт.

— Гы-гы, — засмеялся отрывисто Гришка. И посмотрел прямо в глаза Сергею Ивановичу.

— Ты об моей голове не волнуйси. Она у меня дюже крепко не плечах сидит.

От реки вернулся толстяк.

— Помыл, — кратко не выдохе сказал он и сел рядом с Сергеем Ивановичем.

Разлили по кружкам. Выпили. Гришка свернул папиросу и откинулся на спину, уставился в небо, где ещё кружил коршун. Сергеи Иванович аккуратно укусил бутерброд. Вытер губы ладонью.

— Так какое, Иван Васильевич, мы употребляем снадобье для рыбалки, — спросил он, хитро прикрыв глаза.

— Да, расскажите московскому гостю, — подсуетился толстяк.

Старил выглянул сквозь реденькие ресницы на Сергея Ивановича.

— Вот, какая раньше рыбалка была. Это что сейчас рыба? — старик замолчал, закрыл глаза.

По Донцу прошла баржа, огласив побережье гулом, музыкой. Гришка вздёрнул голову.

— Прихоть природы, расскажи товарищем про сома, что на Донце поймал. Старик притворно переспросил:

— О каком соме рассказать? О том, которого пред войной?

Толстяк было заикнулся:

— Так за наживу...

— Да, — продолжил старик, не обращая внимания не толстяка. — Дюже добрый сом… А было это вот так.

Сергеи Иванович переглянулся с толстяком и пожал плечами. А старик продолжал:

— В то время, здесь на хуторе Какичеве, разговоры ходили — стали пропадать утки, гуси, индюшки и другие птицы. Думали лисы таскают. Но когда бельё у баб исчезать начало, которое после стирки полоскали в реке, хуторяне совсем растерялись. В конце концов сошлись в одном мнении: не иначе в Донце водяной завелся. Детвора совсем перестали в реке купаться. И лишь в полдень по жаре можно было спокойно разные работы на Донце проводить. Один день получился такой случай: сидели старики на завалинке мирные беседы вели. Вдруг от Донца раздался душу раздирающий крик, — старик сделал паузу и обвёл взглядом сидящих. Шапочку он сдвинул на затылок, сел на корточки.

— Значит, выскакивает из переулка Параня, — продолжил он.— Так Никитову бабу звали, после этого случая она постепенно загнулась. Глаза от страха шире ворот, у которых старики сидели. Кричит: «Там кит! Я в Донце кита видела!» Принесли ей колодезной воды, напилась, вроде успокоилась и рассказала такую вещь: полоскала она белье в реке. Только опустила руки в воду — обдало ее волной. Затем вода из-под ног уходить стала. Глянула и обмерла — какое страшилище! Голова больше котла, что в колхозной бригаде на общем питании, а зубья больше, чем в пароконных граблях. Ни дать ни взять — настоящий кит. Старики её спрашивает: «Парня, а ты кита хоть раз видела?» Стала она уверять, что у сына в книжке точно так же нарисован.

Так бы и забылась эта история, но через некоторое время снова молва по хутору прошла. Видели этого кита рыбаки. Сидели они на берегу, а рядом индюшка с индюшатами ходила. Напротив них вода забурлила и тут же успокоилась. Глядят-индюшата один за одним, как солдаты в воду пошли. Где это видано, чтобы индюшки сами добровольно в воду шли? Рыбаки бегом к этому месту, и пока добежали — индюшка вслед за индюшатами в воде исчезла. Господи! Правду Параня сказала — истинный кит: голова громадная, длиннющие усы, словно хорошие кнут, а то и арапник. Глазища, что на бричке колёса. Только Параня зря уверяла, что кита видела...

Старик обвёл взглядом сидящих, глаза у него блестели. Сергей Иванович придвинулся к нему ближе, спросил:

— Ну и что же там было?

— А был там самый настоящий сом, и глаза у него, по всему видать, были небиты до краёв гипнозам, потому как индюшка с индюшатами добровольно в его жерло пошли.

Старик взял яблоко, громко хрустнул и стал медленно жевать. Гришка задремал. Он тихонько похрапывал, запрокинув голову на бугорке.

— Вот, значит, — продолжил старик.— Надоело какичёвцам убытки терпеть через того сома. В воскресенье, однажды, лежу я в хате отдыхаю. Будит меня жена Ксения.

— Вставай, — говорит, — Какичёвцы к тебе пришли.

Выхожу я к ним, а на пороге целая делегация стариков-староверов стоит. До воины на хуторе Какичеве две веры было-православная, но больше староверы...

Самый старший старовер Трифон Еремеевич, он у них навроде попа был, говорит:

— Мы, Иван Васильевич, на поклон к тебе пришли. Ты только можешь от бедствия нас ослобонить. Убытки мы несём великие. К берегу не ходим. Сом, злыдень, завёлся у нас в Донце. В одноконные оглобли не поместится. Того и гляди дитя какое загубит.

А надо сразу вам сказать, дорогие товарищи, что не было в ту пору лучше меня рыбака и охотника. Ныряльщик такой, что и по пол часа в воде мог сидеть. Во всей округе об этом все казаки знали.

— Ну, да-а, — хмыкнул толстяк.

Старик обиделся.

— Гришка, — ткнул он дремавшего парня.

Тот вздёрнул голову. Ошалело завращал глазами.

— Скажи, какой я раньше был ныряльщик?

— Угу, — пробормотал Гришка и откинулся назад.

— Ну, так вот. Я про этого сома уже, конечно, прослышал. Хорошо старики, — говорю. — Обдумаю всё, тогда ответ дам.

Еремеевич говорит:

— Мы тебя с ответом не торопим. Что надо будет — поможем, потому как это дело не простое.

Дело, конечно, не простое. Самое главное, когда им заниматься. Нужно брать отпуск, а нам, богураевским каменотесам, было дано задание особенные плиты для товарища Сталина в Кремль подготовить. Но кто же лучше меня с этим делом справится — значит, об отпуске и помышлять нечего. Кому угождать? Какичёвцам или... В общем, вопрос сложный.

И началась для меня умора. Днем камни тешу, а ночами на Какичев, а до него пять километров, хожу. Хожу не просто так — несу с собой различные фонари и прожектора. Делал я их сам, так как раньше таких не было. Заправлял их карбидом, а абажуры делал водонепроницаемые. Нырну, бывало с таким прожектором под воду на пол часа, а то и больше — он горит, хоть бы что и освещает

кругом метров на десять. Видно всё: хоть иголки рассылай и собирай. И под водой я ходил не в простой обуви. Сом, тот чувствовал её за километр, поэтому нужно было приспосабливаться. Ходил я в валенках из специальной шерсти свалянных, с добавлением особой травы, которой уже нет.

Неделя прошла, другая, а результата никакого. Ксения моя уже ругаться начала.

— Глянь на себя, — кричит. — Извёлся весь, исхудал. Штаны без ремня не держатся.

А что я могу поделать? Не нахожу я сомова жилища, хоть провались от стыда. Обещал помочь какичёвцам, а не получается. Работы по обтёсыванию камня к концу подходили. Да и трудно было совмещать — днём не карьере, а ночью под Какичевом в воде, решил я закончить работу по камню, а там взяться за поиски сома.

Но чувствую — не могу справиться с собой. Заразился я этим сомом. Начал я вновь поиски, уж очень сильно мне хотелось обнаружить его. Каких

я только под водой рыб не видывал. Попадались сомы — да не те. Пошёл я в отпуск и тут совсем стал прокисать у Донца. И вот, как-то однажды меня осенило, думаю: дай-ка я огляжу свои места рыбалки. Ведь здесь, у Двух Сестёр, глубина больше десяти метров. Начал я обследовать дно. И что вы думаете — в старом русле, под обрывом, вроде дыры что-то такое. Подхожу, освещение направил, правда — видать пещера, а вход, как будто маскировку имеет. Я страха под водой обычно не имел, а тут страх взял. Думаю: заходить в эту дыру или нет? Целую минуту раздумывал и всё таки решился.

Проник я через эту маскировку — точно пещера подводная. А в глубине сом. По всем признакам тот самый, что какичёвцам страх и ущерб наносит. Смотрит он на меня своими глазищами и столько в них удивления и растерянности. Усищами водит из стороны в сторону, того и гляди меня зацепит. Плохи шутки. Включил я свой прожектор во всю силу, норовлю ослепить его. Ведь, если пасть откроет, то засосёт меня, и всё тут, Ивану Васильевичу — могилушку сам себе сыскал. Гляжу и глазам своим не верю — сом на слитках золотых лежит. Ма-а-ть, моя — женщина! Пещера огромная — на треть драгоценностями завалена… В общем, начал я пятиться задом к выходу и зацепился за маскировочную защиту валенком. Взбудоражился сом, закачалась вода и подтянуло меня к нему вплотную. Вмиг мы рассмотрели друг друга, словно запоминая посмотрел он на меня. А тут воздух почти закончился, свет у прожектора стал меркнуть. Осмотрел, обнюхал, запах, видать, ему не понравился, потому как — он чихнул, да так, что я в момент оказался поверх воды. Это меня и спасло. Плыву к берегу, а сам думаю: ну погоди, мерзавец, я тебе такую куликовскую битву устрою, что ваше рыбье племя надолго запомнит Иван Васильевича. Всё припомню, и про прожектор не забуду, который в пещере остался.

Никому про клад богатый в пещере под Двумя Сестрами не рассказываю. Страшно. Думая, ну откуда столько золота и драгоценностей?! Это ж какой-то караул! И вот я вспомнил, как старики баили, что где-то здесь у нас Запорожских казаков казна спрятана. Казаки Запорожской Сечи нанимались воевать за какие-либо страны, а им платили жалованье — то дукаты, то пиастры, другие золотые деньги. Все они везли на Запорожье, но у них был обычай — часть отдавали на церковь божью, часть на выкуп пленных братьев, другую — вдовам, и лишь одна часть от целого оставалась казаку — или от —дувана, или из набега. Свои личные деньги казак мог прятать где угодно — в кувшин, кувшин — на бечевку да в Днепро скинул: лишь один он знал, под какой вербой бечевку можно найти, а там кувшин с золотом. А вот Войсковая скорбница — по выкупу пленных братьев долгое время копилась и там целое состояние собралось — в монетах, в изделиях, но последний атаман Войска Запорожского — Конишевский, приказал переплавить золото в слитки и слитки по преданию казачьему слитки эти спрятали в наших местах, потому что были на то особые условия. Сохранилась старинная песня, в которой есть намек на то: «Ой, ты лэти-лэти, галочка, да на Дон рыбу йисти, отнеси ты, галочка, Конышовы висти…» После разгрома Запорожской Сечи войсками Екатерины, сам Конышевский был заточен в крепость, в угловой башне Соловецкого монастыря. Он прожил около ста пятидесяти лет, а посадили

его уже глубоким стариком — в девяносто лет. Шестьдесят лет он провел в яме и лишь один раз в год его поднимали наверх на Пасху. Держали его там для того, чтобы он сознался, куда дел Войсковую казну — несколько возов золота. Догадывались, что можно такое количество золота спрятать легко в реке. А вот где? Об этом Конышевский так и не признался. Видно атамана со своей ватагой здесь под Двумя сёстрами клад свой и спрятали.

Ладно, думаю, у меня главная задача — не золото добыть, а сома-злыдня изничтожить, чтобы какичевцев освободить от страха.

После этого знакомства начал я обмозговывать, каким образом его изловить. На обычный крючок — не возьмёшь, да и леска простая не выдержит.

Заказал я в кузню Щебзавода отковать специальный крюк на три якоря, примерно такой, как кошка для вылавливания затонувших ведер из колодцев. А вместо лески я свил верёвку. Изготовил из специального дерева "клок", так называется инструмент, который при резком опускании в воду издаёт звук сома, когда они на нерест идут. Лодку мне сделали кекичёвцы килевую — она устойчивее не воде.

И вот я начал охоту на это чудище.

Первую ночь использовал я на насадку обыкновенного зажаренного цыпленка. Не пошёл сом на него. На другую ночь зажарили индюшонка, затем гусёнка — не идёт. Какие только приманки я не использовал, а он не берет, рыло своё воротит.

Бывает вижу: вот подходит, а всё мимо...

Живьём птицу всякую с берега таскает, и обнаглел уже так, что на глазах всего честного народа это делает. Пошли разные насмешки надо мной: вот, мол, трепач, Иван Васильевич, крутит сом ему кукиш.

Разное мне говорят, а тут отпуск к концу подходит. Время на исходе. И вот однажды придумал я такое. Говорю какичёвцам: дайте мне племенного гусака.

Гусак тот был в хуторе самый лучший. Долго они советовались — будет дело или нет. Гусака, мол, загубит, где после такого достанешь? Он ведь один на весь район. Всё-таки решили отдать. Пока они советовались я придумал специальную сбрую, рассчитанную на то, чтобы сом поймался, а гусак живым выбрался.

По понедельникам я обычно не рыбалил. Но на этот раз поплыл в ночь с понедельника на вторник — уж очень мне хотелось испытать новое приспособление. К месту откуда я начинал обычно рыбалку, подплыл около одиннадцати ночи, как только перевалило за полночь высадил я из лодки гусака, облачённого в рыболовецкую сбрую.

Отряхнулся он и поплыл в сторону Какичева. Верёвка оказалась ему не помехе. Как только верёвка размоталась метров на десять, последовал за ним и я. Так мы с гусаком плавали до рассвета. Думаю: вновь ни с чем возвращаться.

В этот момент гусак, как закричит. Я обернулся к нему, а его и след простыл на воде. Всё, думаю, не сработало приспособление. Пропал гусек и сом не засёкся на якорь. Ан нет, чувствую, лодку ведет в сторону, а метрах в пятидесяти гусак пулей из воды выскочил и на своих крыльях домой полетел.

Вот она моя победа!

Но слишком рано я обрадовался. Верёвка ослабла и лодка остановилась. Я за верёвку, а на ней пусто и у крючка все три якоря отломлены. Вот досада — все мои задумки попусту пропали.

Всё начиналось сначала.

Крючок я заказал другому кузнецу: теперь уж четырёх якорный. А тут и отпуск подошёл к концу. Кругом все с насмешками и вопросами: как же так, Иван Васильевич, негожий ты рыбак, оказывается? Думаю себе: поклёвка-то была. Рано или поздно сом все равно мой будет. Нужен только срок.

А где же этот срок возьмёшь — надежда только на выходные. Дома по хозяйству дела перестал делать. Ксения ревновать меня стала, а к кому не знаю. Я вначале не замечал. Однажды пошёл в ночь на Какичев, дошёл до половины пути, в карман полез за кисетом — закартело курить, а кисета-то нет. Какая рыбалка без курева! Надо возвращаться. Поворачиваюсь назад, гляжу, а над оврагом тень. Вначале оробел, мало ли что — может ведьма? Тогда у нас их было полно. Краем-краем оврага, сам головы не отворачиваю и в хутор по переулку к дому, а дом закрыт. Я под крыльцо встал и, вижу Ксения по переулку крадётся. Только она на крыльцо, а я как закричу: а ну стой! Она с испугу и обмерла. Я уже и так, и сяк.

Это ж я, говорю, Ваня. Насилу успокоилась.

Тут она мне и призналась, что меня выслеживала. А мне-то об ту пору не до баб было. Пропала в эту ночь рыбалка. Но под утро не утерпел, пошел на Донец. Через Ксению передал, что отгул беру на работе. Гусака я мог брать в любое время в курятнике Еремеевича. Какичёвцы уже уверовали, что их племенной гусь живым останется.

Отплыл я на своей лодке от берега среди бела дня. В пять утра уже солнце высоко. Песчаную косу проплыл и тут думаю: стоп, дайка я попробую кинуть здесь живца, может клюнет. Выпустил я гуся, начал слабину верёвки выбирать и тут на глазах гусь под водой исчез. Верёвку из рук вырвало, хорошо, что на корме успел закрепить. Натянулась она как струне, лодка задрожала, а потом на течение понеслась так, что я еле устоял. Закричал от радости: «Ура, поймался!»

А бабы с берега: «Кто поймался?»

Мне даже обидно стало: «Вы что ж — не знаете, сом поймался!»

Лодка в это время такую скорость набрала, что не каждый современный катер на подводных ущельях догонит. По хутору Какичеву слух разнёсся моментально: Иван Васильевич сома заякорил. Все от мала до велика на берег высыпали.

Я вначале радовался, а там и побаиваться начал. Тащит он меня к железнодорожному мосту, что через Донец, у Белой Калитвы. Заведет лодку под мост, а охрана-то не знает, что не сам я туда плыву. Был бы у меня какой-никакой гудок, я бы им посигналил, как это делают пароходы, когда под мостом проплавают. Охрана тогда знает, что свои плывут. А то пальнут из ружья, вот и всё Иван Васильевичу — погиб при исполнении общественного долга.

И вот, когда я об этом думал, верёвка ослабла, лодка остановилась. Видать, бестия, мои мысли прочитал. Развернулся сом и назад к Какичеву меня

потащил, но уже тише. Думаю: тащи, всё равно сам себя заводишь, вверх брюхом опрокинешься.

Гляжу — ненадёжно верёвка на корме закреплена. Только изловчился конец закрепить, а сом дёрнул, и как не было меня в лодке! Не успел даже захватить нужное количество воздуха. Бросить верёвку никак нельзя — уйдет сом, пропадут все старания. Дождался я, когда он напустит слабину верёвке, вынырнул, захватил полные лёгкие воздуху — кто его знает, сколько он меня под водой держать будет. Хуторяне на берегу шум подняли, лодки отвязали и ко мне на помощь плывут.

Но сом, бестия, всё предугадал, окунул и не выпускает меня из-под воды — ориентир, значит, не подаёт. Под Сёстрами сом остановился, видно, в свою пещеру хотел забраться, но передумал и потащил меня в сторону хутора Богатова.

Верёвка всё слабеет, слабеет. Думаю: дай же погляжу, как он себя чувствует. Набрал я слабину верёвки и оказался перед самым носом, а он и рта не может открыть. Крючок вонзился в язык и в нёбо, потому он и слова не может вымолвить. Гляжу ему в глаза, а у него слёзы — да такие крупные.

Ну что поделаешь, милок. Не для того мы с тобой всю эту кутерьму затеяли, чтобы слёзы распускать. Как говорят полководцы: победителей не осуждают.

Старик задвинул пляжную шапочку на глазе. Столько у него в голосе было боли и страдания... Огрызок яблока он держал в руке, будто заметив впервые, он внимательно осмотрел его и отбросил через куст.

Солнце повисло у самых Сестёр, цепляясь за зубастые хребты своими лучами. Тень от вербы переместилась в сторону, и вся компания оказалась на солнцепеке. Но слушая рассказ они не обращали на это ни малек него внимания. Гришка подтянул ноги, и коленки у него торчали выше плеч. Толстяк лежал на боку жевал травину.

— Ну, Иван Васильевич, что же сом?

— Сом, — продолжил старик с какой-то грустинкой в голосе. — Ну вот, значит, вынырнул я, огляделся. Оказывается подтащил он меня к Чёрной белке. Подходящего месте, чтобы его вытащить нет — берег кряжистый и обрывистый. Нырнул я к нему назад, за верёвку дёрнул, потащил он меня дальше, а я стараюсь направит его по течению. Так и доплыли мы с ним до богатовской переправы. Вынырнул я и кричу паромщику: — Гони паром к правому берегу!

Он видать сразу смекнул в чём дело — мобилизовал народ канат тянуть. Быстренько паром на середину Донца выскочил. Привязал я конец веревки к канату и команду дал — к берегу! Берег как раз подходящий — пологий. Налегли ребята на лебёдку, а сом упирается, понял, наверное, что конец его подходит. Но как он не упирался, а все таки подтащили его к берегу, вызвали из колхоза трактор Фардзон, название у тракторе такое было. Прицепили верёвку к трактору. Он буксует на месте, а сома вытащить не может. К этому времени народа на берегу собралось — не проступишься. На лодках приплыли с Какичева, с Богатова. Все взялись за верёвку и не успел я глазом моргнуть, как сом был на берегу.

Здесь-то мы его и разглядели: оброс весь мхом, ракушками, а сколько пиявок на нем — прямо гадко смотреть. «Вот так, — говорю я ему. — Хулиганил ты безнаказанно, теперь всё. Уносите гармошку — кончился бал. Победил я тебя».

Прикатили бричку, померили — мала. Пришлось грузить на две подводы. Вкатили его по брёвнам, уложили, а хвост ещё по земле волочится. Везли его до хутора Какичева двумя парами быков. Часть сомятины колхоз взял на общественное питание, часть народ разобрал, да и мне не балык хватило. Вот какая раньше была рыбалка, дорогие товарищи, — закончил старик.

Он как-то выдохся весь, угас, сбросил смуглые руки на колени. Все смотрели на тщедушную его фигурку, на седенькие волосы, торчащие из-под пляжной лапочки.

Сергей Иванович, достал сигарету из нагрудного кармана, размял её тонкими пальцами, черкнул спички о коробок, дал ей разгореться и лишь потом закурил.

Толстяк приподнялся с земли, отряхнул траву со штанов.

— Ну а золото? Что с кладом Запорожских казаков?

— А что, золото? Завалилась пещера подводная — к едрене-Фене… Без сома — охранника… — старик зевнул.

— Фантазёр!

— Какой такой фантазёр? — обиделся за старика Гришка.

А тот сидел весь понурый и сгорбленный, но вот от берега раздался голос мальчишки. — Деда-а! Колокольчик звенит!

Старик с Гришкой резво подскочили, двинулись к своим удочкам. И от берега уже раздался тонкий голос старика: — Гришка, спокойнее тяни, гляди, чтобы не оборвался! Сейчас я его подсачком накрою.

Солнце скрылось за Двумя Сестрами. Воскресный день подходил к концу. Толстяк собрал пакеты. Сергей Иванович отбросил сигарету. Они пошли к своим спиннингам и водным мотоциклам. Сергей Иванович улыбнулся и заметил, обращаясь к толстяку, шагающему рядом:

— Артист, — но в голосе не было обиды.— Ведь так и не сказал, какой пользуются наживой, — И ни к кому не обращаясь, словно сам с собой советуется человек: — Может быть экспедицию организовать подводную — в поисках казны казаков Запорожской Сечи. А что? Чем черт не шутит, пока бог спит! Лежит себе под Гребенными горами — Двумя Сестрами золото казаков и ждет своего часа…

СОЛО ДЛЯ ОДИНОКОГО ГАРМОНИСТА

Рассказ

1

Бывает — тоска схватит за глотку. Уцепится. Прильнёт. Поднимет над суетой и явит мир серым, грязным и мерзким. В такие вот минуты выть хочется от безнадёги и отчаяния. Кажется, что жизнь подарена в насмешку над человеком. И одиночество — тайная тропа безрассудства, единственное убежище.

Ничто не веселит. Не радует. Исчезают желания и надежды. Душа томится в темнице безверия. И тоска является в эти минуты слабости. И бросается человек в бездонную пропасть мытарств духа и плоти — в пьянство. И уже после первой рюмки летит в пропасть и рождается незамысловатая мелодия, словно одинокий гармонист в лунной ночи наигрывает бесхитростную мелодию…

И всё уже безразлично. Всё «до лампочки». Всё «до фени». И не думает никто, что каждая пропасть заканчивается дном и можно удариться больно. Очень больно.

Сергей Иванович Недвигин был очень талантливый человек, мастер на все руки. Но — запойный пьяница. Жил бы он благополучно, безбедно и даже где-то процветал, если бы не его болезнь.

Трижды был женат. Дважды разведён. Приспело время третьего развода с женой Зоей.

На кухне Сергей Иванович с Зоей вели строгий, занудный и злой разговор.

— Всё. Надоело. Ты можешь понять: мне надоело выносить твою пьяную рожу, — Зоя говорила резким истерическим голосом. — Забирай вещички и уматывай к своей маме!

— Ну, что ты так сразу — уматывай. Три года жили и ничего…

Сергей Иванович был с похмелья, и затуманенный мозг не находил для ответственного разговора правильных слов. Чтобы он не сказал сейчас, всё звучало как неумелая и жалкая попытка оправдаться.

— Уходи к своим дружкам и шалавам. Пей, хоть утони в этой водке. Я тебе говорю окончательно и бесповоротно — с тобой я жить больше не буду. Все. Точка. На-до-ело!

Зоя выкрикивала все это свистящим шепотом.

2

Не было причин сомневаться, что свое решение она приняла «окончательно и бесповоротно». Сергей Иванович это понял. И — смирился.

Он сказал:

— Послушай, отдай гостиный гарнитур…

— Что?! Ч! Ч-то!? Чт-о-о-о!!!!…

Надо сказать, что Сергею Ивановичу один знакомый фирмач за эту стенку предлагал пять тысяч долларов. Фирмач этот знал толк в дереве, знал истинную стоимость и зря бы такие деньги не стал предлагать.

Знала об этом предложении и Зоя.

Два года Сергей Иванович собственными руками делал эту стенку. Он использовал кедр, ясень, бук, берёзу, дуб. Каждую деталь шлифовал и доводил до того мерцающего ласкового блеска, который свойствен только дереву. И в конце покрывал воском со скипидаром.

Когда мебель делается мастером с душой, живёт в ней некая теплота и уют, создаёт она настроение праздничное и радостное.

Стенку Сергей Иванович делал с очень большой душой…

Зеркальные и стеклянные витражи дополняли красоту шкафов.

— Что ж ты меня без копейки выгоняешь? Сколько я тебе денег давал? Какую я тебе квартиру сделал — паркет на полу, потолки стеклянные и зеркальные — мозаикой, спальный гарнитур — натуральное дерево, «прихожку» кожей обтянул. И ты меня вот так запросто выгоняешь?… Слышь, отдай «гостинку»…

Всё это Сергей Иванович проговорил тусклым глухим голосом.

— А вот тебе! — Зоя сунула ему под нос кукиш. — А кто мне заплатит за нервы, которые я на тебя извела!? За то, что безропотно сносила все твои запои?…

— Так я стенку ещё не закончил, вот ты и сносила,.. — вставил Сергей Иванович.

— Бессонные ночи, когда ты не ночевал дома… Эту твою присказку — Змея Особо Ядовитая — то есть я…

3

— Так ты не отдашь? — спросил подрагивающим голосом Сергей Иванович.

Зоя визгливо расхохоталась.

— Конечно же, нет. И никаким судом ты у меня ее не отсудишь!

— Ну-ну, — сказал Сергей Иванович.

Он взял разделочный топорик из кухонного набора и пошёл в гостиную.

Он бил стекла у шкафов. Рубил дерево…

Через двадцать минут гарнитур превратился в груду досок, обильно осыпанных стеклом и битым зеркалом. Сергей Иванович в работе даже вспотел. Зоя словно окаменела. Она стояла на пороге безмолвно, прижав к груди ладони.

Сергей Иванович отёр руки о штаны. Бросил топорик под ноги Зое…

— Вот так.

Он вышел из квартиры и хлопнул за собой дверью. Как был в штанах и рубашке — ушёл в мартовскую ночь.

Шёл по ночному городу, куда глаза глядят. В груди ширилась и росла боль. Соло для одинокого гармониста и бесхитростный мотив: «Чижик-пыжик, где ты был?…»

Тоска…

К юбилею поэтессы

Ирина Сазонова

«...И ТЫ ПОЙМЁШЬ: СЛУЧИЛОСЬ!..»

Переводы современных болгарских поэтов

ВЕСЕЛИН ЧЕРНЯЛСКИ

ПОЭТЫ

Хинко Георгиеву

Не место для поэтов – этот свет,
Те словно и не ходят по планете.
И поглощает их неясный след
Порывом бессердечным колкий ветер.

Уйдя душой в торжественную ночь,
Днём поджидают звон шестого чувства
И гонят суету и бренность прочь,
Сбегая в горький миг в приют искусства.

Не согревает их приличный дом,
Далёких странствий им милее блики.
Ликуют и скорбят они молчком,
Стихам отдав всю боль, слова и крики.

Сазонова Ирина Анатольевна, поэт, член Союза писателей России. Родилась и живёт в Ростове-на-Дону. Автор восьми поэтических сборников, трёх книг прозы. Её произведения публиковались в донской периодике, газете «Российский писатель», в зарубежных изданиях. Призёр Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Дрезден-2007». Участник10-й и 11-й Международной писательской конференции «Побратимы светове» (Болгария). Лауреат газеты «Российский писатель» 2017 г. в номинации «Художественный перевод». Преподаватель поэтического Семинара при РРО СП России.

Нежданной сумасшедшинкой они
Внезапных встречных часто озадачат,
В глазах их – вечно юные огни,
А молодость и в старости маячит!

Они вас неуклюжестью смутят –
Витая сверх житейских представлений –
И одиноко, по-солдатски, спят.
И прям их путь – ошибок, заблуждений...

Нередко пуля, – в сердце или вслед, –
Смертельный яд – конец их приближают...
Не место для поэтов – этот свет…
А он без них каким бы был? Не знаю.

ОСМАН МУСТАФОВ

ПО МОДИЛЬЯНИ

«Не привыкнуть к жизни без рук твоих»
Гюлшен Алиева

Золотокоса и зеленоока.
Тонка. И ослепительно бела.
Моим рукам безмерно одиноко –
С тобой в них роза чувства расцвела.
Ещё мои не позабыли очи
В твоих глазах полночного греха.
Огонь любви горит и кровоточит
И пламенем жестоким жжёт пока.
Хозяйка сердцу моему без срока –
В котором – то отметина, то шрам...
Золотокоса и зеленоока!
Я рисовал, свободу дав губам,
что по тебе скользили за руками...
И кистью – Амадео Модильяни.

ЯНА ВЕРБЕЕВА-НЕДЕЛИНА

КОГДА ЗАХОЧЕШЬ

Когда захочешь, ты любовь найдёшь.
Ищи её в проулках потемнее –
она босой отправилась под дождь,
навеяна бессонницей твоею.

Когда желаешь истинной любви,
притронься к сердцу тёплою рукою –
ты ощутишь неровный ток крови,
почувствуешь – она уже с тобою.

Она витает где-нибудь в пути,
иль в шаге от тебя. Вот, налетела!
Ты не уверен, а она, гляди,
тебя крылом задела птицы белой.

Иссечена осенней моросьбой,
сквозь сто земель она к тебе стремилась,
рукой согрета сильною, мужской,
тебя зажжёт...
И ты поймёшь: случилось!

ГЮЛШЕН АЛИЕВА

МОЙ РОМАНТИЧНЫЙ ГЛАДИАТОР

Когда ты поцелуешь на рассвете
меня, мой романтичный гладиатор,
целуй мои уста, и лоб, и щёки
и родинку, темнеющую слева, –
пока не проклял ты свою любовь.
Когда притихла на твоих коленях
и стан мой в полнолунии белеет –
возьми пион – цветок души расцветший
от тёплого ласкающего взгляда.
Возьми меня глотком в минуту жажды,
как выстрелом одним, молниеносно
владей, пока слеза струится по щеке,
прими, не отрекайся и целуй же,
как жертвенную брагу, всласть отведай
любовь и необузданной, и дикой,
пустившей щедро почки, как распятье, –
испей, мой романтичный гладиатор.
Но прежде, чем убьёшь там, на арене
(пока я жду от цезаря пощады),
и с криком разметёшь по полу кудри
оттенка окровавленного платья
в неистовстве библейского потопа –
целуй – наперекор всем поученьям,
шипам колючим, терниям, преградам,

целуй, пред миллиардом глаз смотрящих,
под тихий шёпот нежного рассвета
меня, мой романтичный гладиатор.

БОЯН ГОРАНОВ

РОЗОВОЕ ПЛАТЬЕ

Ты в розовом себя предпочитаешь,
Поверь, в любой дерюжке ты пленяешь!
Но если обнажилась дерзновенно –
Меня с ума ты сводишь совершенно!

А розового вдруг не оказалось –
Надела то, что под руку попалось, –
То, хоть наряд не блещет новизною, –
Предстанешь чаровницей предо мною!

И если жду – в каскаде пляски водной –
Напрасно – то сама ты так решила!
Права во всём – ведь женщина свободна!
Права ты – даже если согрешила!..

АЛБЕНА ДЕКОВА

* * *

Ты слышал ли хоть раз,
как сердце начинает гулко биться,
когда в тиши
распустятся однажды
все лепестки бутона белой розы?
Когда в тиши
вдруг озарит всё цветом белой розы,
ты слышал ли
высокий миг, в котором
мембраны чувств восторженно звенят?

ЛАЛКА ПАВЛОВА

ВИНО ЛЮБВИ

Моей ушедшей юности вино –
дух ягод, трав и ветер ожиданий.

Уст водопад, тел, жаждущих давно,
и лёгкое касанье робких дланей…
Сверкает в чаше памяти моей
слеза о невозвратности тех дней.

А знойное вино цветущих лет –
Впечатанная прочно в сердце марка.
Единственный, связавший нас билет
и музыка ночных блужданий жарких.
Мельканье ног, босых, разгорячённых…
И танец – как на углях раскалённых!

Осеннее созревшее вино –
В нём колокола гулкое звучанье,
Обеты причащенья и венчанья –
Всё то, что в генах Небом мне дано.
В нём россыпи храню воспоминаний –
Минувших и несбывшихся желаний.

ХРИСТИНА КОМАРЕВСКА

* * *

Когда я был из плоти, крови –
Мир жил реальностью иной.
Теперь я – семя в бренной нови,
Трава желтеет надо мной.
И дождь колотит заунывно,
Перемежая ритм, стучит.
И всё живое прочь от ливня
В свои прибежища спешит.
А осень мстит туманной мглою –
Природный цикл неотменим.
О солнце и траве весною
Придёт черёд мечтам моим...

Алексей Сазонов

ЖИЗНЬ – ВЕРТИКАЛЬ

«СКАЗКА»

Насте и Жене Жижко

Отзывались дети
На чужую ласку.
Говорили дети: –
«Нарисуй нам сказку!
Сказки есть на свете-
Далеко от дома!»
Приносили дети
Школьные альбомы.
Расцветала краски
Акварельной сырость...
Извините: сказка
В жизни не случилась!
Сказки есть на свете,
Где-то за лесами...
Вы теперь не дети,
Нарисуйте сами!

***.

Жизнь – вертикаль. Позади темно.
Попутчики стали тенью.
Я поднимаюсь, давным-давно,
Ступенечка за ступенью...
Всё время вверх – по дороге вниз,
В погожий день и в ненастье.

Порой окликнет: – Поберегись!
Откуда-то сверху счастье.
И я кричу в ответ: – Подожди!
Но счастье... оно-то – было?!
Или за бедами впереди,
Как морок, меня манило?
Раз всё-равно ожидает дно,
Зачем мы штурмуем стены,
И кровь, горячее, как вино,
Огнём обжигает вены?
Там, наверху – торжество зимы.
Там места для жизни нету!
Но мы-то знаем, что мы из тьмы
Уходим навстречу Свету...

СОЛДАТСКОЕ…

Есть Дух господень, и есть нутро,
Утроба (не накормить!)
Куда ты денешь своё добро,
Коль жизни прервётся нить?
Другие пали, а я живой,
Влачу груз брони и лет;
И что мне смерть, если Бог со мной?
Зачем мне жизнь, если нет?
Никто не умер в свой смертный час,
Отправившись в небеса.
Но, почему-то, порой из глаз
Скользит по щеке слеза.
Не знают люди ни дат, ни мест,
Где их исполнится срок,
Но перед боем целуй свой крест,
И ясный точи клинок!

***.

В ранней юности был нужен
Целый мир, как отчий дом,
Но с годами стал обужен
Этот личный окоём.
Ограничено пространство:
Дом… работа – без затей…

Вот такое постоянство-
Самый минимум друзей. –
Независимой квартиры
Неустойчивый уют…
Что тебе громадность мира,
Если туфли ноги жмут!

***

Солнце красное – за вишнёвый сад.
Не горел пожар, догорал закат,
Догорал закат, как в костре зола...
Не клубился дым – опускалась мгла.

Опускалась мгла – хоть горшки лепи!
Пролетал свинец в тишине степи.
Пролетал свинец на исходе дня,
Сотни вёрст вокруг, а попал – в меня!

А попал в меня, повстречав в пути:
Видно, вор стрелял, Бог его прости!
Бог его прости, вора в темени;
А мне б с седла сойти, вон из стремени!

Но, почуяв кровь, потеряв узду,
Конь пустился вскачь, на мою беду;
Конь пустился вскачь – век тому назад –
А всё летит свинец, всё горит закат.

Всё несёт мой конь, не меня – тоску,
По седой траве, да по камням-песку...

Ольга Губарева

У МОЕГО ТОВАРИЩА ПО ПОЭТИЧЕСКОМУ ЦЕХУ — ЮБИЛЕЙ.

Очерк

Алексей Сазонов родился и постоянно живёт в Белокалитвенском районе в посёлке Коксовый. Как правило, в маленьких провинциальных городках России чаще всего рождаются и крепнут таланты — писатели, поэты, художники, музыканты. Сила и величие страны прирастает провинцией, и судьба Алексея — яркое тому подтверждение.

А. Сазонов по профессии строитель, по призванию — поэт, личность с удивительно разнообразным кругозором. Его интересует литература, история, философия, техника. Кроме того, он прекрасно рисует, а еще увлекается историей флота и занимается судомоделированием.

В своё время я давала ему рекомендацию для вступления в Союз писателей, пленившись его поэтическим сборником «Колея» .

По самой сути я бы отнесла Алексея к бродягам в хорошем смысле этого слова.

С моей точки зрения у него нет конкретной цели, нет намеченного маршрута, но большая часть дорог, по которым он идёт, оказывается любопытна не только ему, но и тем, с кем он делится впечатлениями, кому об этом рассказывает в своих стихах.

Время, в котором мы сейчас живем, столь стремительно и многообразно, что нас невозможно чем-либо удивить. Алексей Сазонов удивляет многогранностью интересов и обширностью познаний, буйной фантазией и практичным прагматизмом. В его стихах живут викинги, и индейские вожди с берегов Амазонки, влюблённые испанцы и предавший Иисуса Иуда. Очевидно, что для Алексея Сазонова привычны, близки и понятны герои его стихов, будь то Будда Шакьямуни, Фарнак из Пантикопея или Ярл Эрик из Варенгер-фьорда.

Одним словом творчество А.Сазонова обозначить трудно. Он выступает и как лирик, и как публицист, и как весёлый рассказчик. Лирика поэта Сазонова негромкая, основанная на полутонах, ярких образах, неожиданных сравнениях.

Легко, весело читаются его то ли стихи, то ли пересказанные поэтическим слогом истории о незадачливом доне Педро, о влюбленном в поэтов и не любящем критиков вожде Нуги-Нуи. Слова от строчки к строчке катятся, как горошины с горки. Кажется, автору самому было весело писать их, с трудом поспевая за бегущей впереди карандаша мыслью.

Не чужды А. Сазонову и простые человеческие чувства: любовь к женщине, к природе и наполненные трагизмом печали о судьбе Родины.

Недаром сказано: «Поэт в России — больше, чем поэт!» Настоящему поэту и видится глубже, и слышится дальше. Беды Отечества для него первичны и болят по-особенному. А.Сазонов сам задает вопрос о предназначении поэта:

«…Что это — дар небес или наказанье…», и сам отвечает: «…Мы не думаем —рвёмся к свету…» («Странники»).

Рассуждая о своей жизни, поэт выводит формулу человеческой стойкости:

«….Надо поверить в успех
Хоть на мгновенье,
Чтобы стремлением вверх
Стало паденье…» («Крылья»)

Возможно, эти строки помогут кому-нибудь из читателей пережить жизненные невзгоды, подняться и идти дальше. Ведь поэзия — кроме всего прочего ещё и аптека для души.

Поздравляя сегодня Алексея Сазонова с юбилеем, хочется пожелать ему вдохновения, жизненных удач, новых интересных стихов и, конечно, новых книг.

Река Калитва у хутора Погорелов Белокалитвенского района Ростовской области.

К юбилею поэтессы

Маргарита Григорьева

ГОРИ, НАДЕЖД НЕСБЫВШИХСЯ МАЯК

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Повсюду тьма. Лишь точки-фонари
В ночи сверкают жёлтыми глазами.
Остановлюсь у чьей-нибудь двери.
Застынет льдинка где-то там, внутри,
Непролитыми прошлыми слезами.

Пройду – в чужую дверь не постучу.
Зачем? Я никого за ней не знаю.
Ничей покой нарушить не хочу.
Я по ночному городу гуляю,
Дыханье неба слушаю, молчу…

АПОФЕОЗ ОХОТЫ

Я – зверь, которого затравят скоро.
Идёт по следу, сатанея, свора.

Григорьева Маргарита Александровна, член Союза писателей России с 2014 года, поэт. Родилась в 1975 году в городе Новошахтинске Ростовской области. Первая проба пера состоялась в 14 лет. Позже её юношеские стихи были опубликованы в городской газете «Знамя шахтёра». В 2002 году поступила в Ростовский государственный университет (ныне Южный федеральный университет) на факультет филологии и журналистики (специализация «журналистика»). В 2008 году закончила обучение.

Автор поэтических сборников: «Сердце на ладони» 2005 г., «Я однажды рядом прошла…» 2013 г. «Эра одиночества» 2013 г.

Живёт и работает в городе Новошахтинске Ростовской области.

Псов опьяняет кровь, из рваных ран
Ложась на снег неровной строчкой алой.
Свободным быть осталось мне так мало:
Ждут на пути тенёта иль капкан.

Осознаю: бороться бесполезно.
И жребий ныне – клетка или бездна.
Слабей мои дыханье и прыжки.
Свой верх уже почуяли собаки.
Я обречён, но всё же ринусь в драку –
Вонзятся во врага мои клыки.

Возвращение в осень
Я завтра возвращаюсь в осень,
Где астр багряных ордена
Сентябрь в награду преподносит;
Где золотая тишина
Хранит торжественную просинь,
И где прощается вина.
Я завтра возвращаюсь в осень...

Я завтра покидаю лето
Прошедшее под знаком бурь.
Увы, не будет мной воспета
Его поблёкшая лазурь –
Милей расплавленного света
Осенняя седая хмурь.
Я завтра покидаю лето...

Рискну, с судьбой сыграю в кости.
Пытаясь получить ответы,
Опустошусь: ни слёз, ни злости,
Душа отмыта и отпета.
Я завтра возвращаюсь в осень,
Я завтра покидаю лето –
Двенадцать выпало мне в кости.

СТАРУХА

Старый дуб шумит и стонет глухо.
Врос по окна в землю мрачный дом.
Древняя согбенная старуха
Век свой доживает в доме том.

Гнутся под ногами половицы
И дрожит свечи неровный свет.
В памяти проходят вереницей
Лица тех, кого с ней рядом нет.

По углам замшелым – паутина.
В ветхом кресле дремлет рыжий кот.
Унесла война красавца-сына,
Дочка где-то в городе живёт.

Близок срок – почти иссякли силы.
Набежит непрошено слеза:
Кто её проводит до могилы,
Пальцы чьи закроют ей глаза?..

Заберётся кот-хитрец на руки,
О плечо потрётся головой.
Снова день прошёл. Затихли звуки.
Бродит тенью сторож-домовой.

Под щекой морщинистой подушка.
Заглянул в оконце лик луны.
Всеми позабытая старушка
О годах минувших видит сны.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

Ночь укрыла дом с мезонином.
В небо вышла звёздная рать.
Мы сидим вдвоём у камина.
Только, что я должна сказать?

Ком признаний в горле теснится.
Безнадёжно голос продрог.
Затрепещут ваши ресницы,
С губ сорвётся неслышный вздох.

Не сердитесь, что мне так тяжко.
Вы позвать с собою пришли.
Столько лет я жила монашкой,
Усмирив порывы души.

Как девчонка в вас я влюбилась.
И сгораю теперь в огне.

Объясните, сделайте милость,
Что такого нашли вы во мне?

Но менять что-то в жизни поздно.
На исходе зимнего дня
Замерзающий сад и звёзды
Не отпустят уже меня.

Вы ошиблись, и я – другая.
Между нами порвётся нить.
Вы уйдёте. А я не знаю,
Что на память вам подарить.

Ах, как страсть во мне закипела!
Оттого так дрожит рука.
Не перечь мне, грешное тело.
Твой черёд не настал пока.

А хотите, возьмите душу!
Мне нисколько её не жаль.
Ей противны шторы из плюша,
Старый сад, безмолвный рояль.

Подарите вы ей свободу,
Пусть она поживёт в миру,
Пусть покажет себя народу…
Распрощаемся поутру.

Полумрак одиноких комнат
Другом станет в этой глуши.
Вас до смерти я буду помнить.
Только как же жить без души?

НИЩЕНСКОЕ

Коль жила бы сто лет назад,
Не стыдилась пойти с сумой
Мимо тихих изб, мимо хат,
Осеняемых синевой.

И смотрела сквозь муть окон,
Как мерцают огни лампад,
Затеняя лики икон.
И молилась бы невпопад.

Без стыда тянула ладонь,
Принимала бы медяки.
Любовалась, как под гармонь
В пляс ведут девчат пареньки.

А когда мне шум надоест,
Уходила бы в храм дубрав.
Я бы слышала благовест
В робком шорохе росных трав.

Луг закатным светом омыт.
Подведя всех дорог итог,
Убаюкал бы мирный скит –
Одинокий духмяный стог.

БЕССОННИЦА

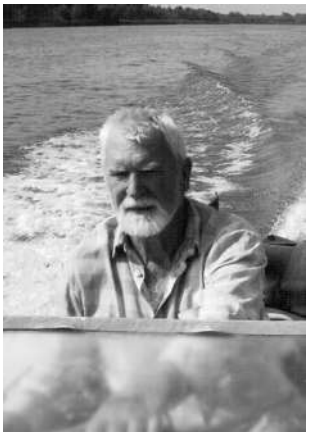
Зажги свечу, поставь на подоконник.
Гори, надежд несбывшихся маяк.
А в тишине застывшей вечер-скромник
Разлил по небу синий полумрак.

Тоска терзает. Вновь тебе не спится.
До проблеска зари покой забыт.
Глянь, вьюга в поле мечется, клубится
И плачет об утраченном навзрыд.

Что видится тебе за далью белой
В морозном сумраке седой ночи?
Зачем, скажи, ты прикоснулась смело
К огню покорно тающей свечи?

Осталась память шрамом от ожога.
Погасло пламя, и темно в окне.
Бессонница у твоего порога
Незваной гостьей в снежной пелене…

Геннадий Селигенин



ВЕРУЮ…

Эссе

Мне семнадцать … Не помню название болезни, но она держит меня в кровати вторую неделю. Я уже работал токарем на заводе, учился в вечерней школе. Больше всего жаль,что пропускаю занятия.

Вечереет… В окно вижу — солнце касается верхушки груши. Во дворе, на завалинке отец и мама. О чём-то говорят. Мама поднимается и правится к флигелю. Заходит в комнату, щупает мой лоб.

— Как ты себя чувствуешь?

— Мама!.. Хорошо. Мне хорошо.

— Может, тебе покушать? Может, молока?

— Нет, мама, мне ничего не надо. Мне правда хорошо. Кажется, что я лечу.

Со мной и впрямь происходит что-то волшебное. Я чувствую себя легким и свободным, словно птица в полёте. Вижу две слезинки, скатывающиеся по щекам мамы. Она гладит мою голову, говорит, что уже есть спелые груши. Уходит. Поворачиваюсь к окну. Вижу её во дворе. Что-то говорит отцу. Говорит со взрыдами. Дабы показать, что я на самом деле герой, решаюсь выйти к ним, успокоить.

Поднимаюсь с кровати, расправляюсь и рушусь на пол. В темноту… Слышу голос. Он далёкий, далёкий. И тёплый, тёплый. Открываю глаза. У моих ног — женщина. Я понимаю, она пожилая. Но лицо… Я не видел

Селигенин Геннадий Тарасович, член Союза писателей СССР, России с 1988 года, прозаик, публицист, родился 25 октября 1936 года в хуторе Скачки Морозовского района Ростовской области. В 1959 г. поступил на историко-филологический факультет Ростовского госуниверситета и, окончив его, избрал профессию журналиста.

Первыми публикациями Геннадия Селигенина стали рассказы, напечатанные в Ростовской периодике, затем вышли его книги «Повозка с голубыми жар-птицами», «Санитарный час», «Зелёная корона» и другие.

Г.Т. Селигенин — лауреат премии «Творчество Дона», учреждённой администрацией области и Региональным общественным фондом поддержки писателей и литераторов Дона, лауреат Всероссийской литературной премии им. В. Белова 2011 года.

Живёт и работает в г. Ростове-на-Дону

подобных. Оно прекрасное своей потаённой мудростью. Но к этой мысли приду гораздо позже. А тогда…

Она водит надо мной серебряным крестом и произносит молитвенные слова. Я знаю, что они молитвенные. Слышал похожие от мамы. (Когда мне бывает худо — в памяти всплывает иконописное лицо давней спасительницы. А худо не покидало. Девять операций до сегодня, с ног до головы.)

Потихоньку меня смаривает сон. Плыву на облаке, а внизу, на земле отец и мать. Машут мне руками. То ли провожают, то ли приглашают. Я вижу себя как-бы со стороны. Вот я иду на работу. У входа на завод — сосенка. Я останавливаюсь, трогаю её шершавый ствол. Это как бы моё приветствие новому дню…

… Другой дом, в котором живу, другая дорога, стиснутая новостройками. Каждое утро прохожу по ней. Это — вместо зарядки. Достигнув забора, останавливаюсь. За ним — роскошная ёлочка. Поднимаю костыль, дотягиваюсь до её изумрудных ветвей, приветствую.

Это, конечно, другая ёлочка, но очень похожая на ту — из заводской юности. Постояв,поворачиваю назад.

Мне восемьдесят четыре… Теперь-то я знаю: уходя в мир иной болезнь на какое-то время отпускает и даёт почувствовать как прекрасен мир. При здоровье, замороченные проблемами, мы, увы, часто не замечаем этого.

Река Дон в Ростовской области.

Витка Витанова

ИСТОЧНИК ДОБРОТЫ

Загадки для детей в переводе с болгарского
Клавдии Павленко

***

Ни рук, ни ног, есть тело
у каждого пострела.
И голова, что жаждет
поджечь огарок каждый.
Они лежат в коробке,
годятся для растопки.
Когда они сухие,
во власти их – стихия.

(спички)

***

Не люди это,
а фигурки.
Чтоб отдохнуть,
берут их в руки.

Болгарская поэтесса Витка Витанова из Плевена, города-побратима Ростова-на-Дону, в этом году 28 апреля отмечала свой юбилей. Журнал на своих страницах представляет новую книгу загадок для детей «Источник доброты» («Изворче на доброто») поэтессы, недавно вышедшей в свет на русском языке. Пусть эта публикация в журнале станет в какой-то мере компенсацией за некоторую задержку с выходом книги, — мною книга задумывалась, как подарок автору к юбилею. Сейчас книга готова, но отправить её адресату, по известным всем причинам, не было возможности.

Многолетняя дружба донских и болгарских писателей возобновилась пять лет назад в Плевене на Десятой Международной встрече писателей славянских стран и Греции. С тех пор мы, в меру своих скромных возможностей, обмениваемся новыми книгами, переводим произведения болгарских друзей, они — переводят наши. И, благодаря этому, приходит осознание, что всё — не напрасно.

Хочу пожелать Витке Витановой, — талантливой болгарской поэтессе, — здоровья, добра, тепла, новых книг и — многая-многая лета....

Клавдия Павленко, член Союза писателей России

Идёт борьба, –
никто не ранен,
оружья нет
на поле брани.
А побеждают
«шах» и «мат»
в игре с участием…
(шахмат)

***

Аромат она нежнейший щедро дарит.
Прославляет на весь мир она Болгарию.
Защищается от рук чужих шипами.
Так красива, будто солнечное пламя.
Королева – ни намёка нет на позу.
Про болгарскую мы говорили…
(роза)

***

Приехал из южной страны.
Как сладкие зёрна сочны,
как бусинки льют красный свет –
был плод щедро солнцем согрет.
Красив, витамином богат.
Его называют…
(гранат)

***

Вот ползёт на животе
палка пёстрая, прямая.
Вопреки любой мечте,
вряд ли станем мы друзьями.
(змея)

***

Острые есть шпоры,
кто с ним станет спорить?
Вмиг слетит с забора
и погасит ссору.
Гордый гребень, острый слух.
Все зовут его…
(петух)

***

В поле крошечные солнца,
а с небес прохлада льётся.

Если кто-то занеможет,
средство верное поможет:
эти солнца заварить,
понемногу пить да пить.
Солнца в беленьких рубашках –
травка добрая...
(ромашка)

***

Жаден, насекомояден.
Вечно прячется в засаде.
Мастер ткать такие шторы –
просто сказочны узоры.
По углам он ткёт ловушки,
чтобы в них попались мушки.
Исполняет этот трюк
тот, кого зовут…
(паук)

***

Кто босиком по ней пройдёт, –
и не огонь, а обожжёт!
Когда б её сварить – она
сочна бывает и вкусна.
Но надо, чтоб её собрать,
всегда перчатки надевать.
(крапива)

***

Большая помощница
в доме.
Замены нет другу
такому.
Без веретена
и кудели
гоняет клубок всю
неделю.
И носится без
передышки,
как будто преследует
мышку.
Погладишь её ты
ладошкой –
потянется ласково…
(кошка)

***

Доводилось вам хоть раз
побродить в дождливый час?
Кто хранил лицо и плечи,
если ливень брёл навстречу?
Твой приятель добрый он –
и зовётся просто …

(зонт)

***

Дом складной берём с собою
в путешествие любое
по горам и по равнине.
В нём тепло, спина не стынет.
Спишь в нём – значит, ты в порядке.
Называют дом …

(палаткой)

***

Он проворен и изыскан.
распыляет пар и брызги.
По белью скользит, горячий,
по футболочке ребячьей,
по платкам, по «стрелкам» брюк…
Называется…

(утюг)

***

Без мотора и без крыльев.
Оттолкнёшься сильно-сильно,
став ногой на древеса,
и взлетаешь в небеса,
а потом – опять на землю
опускаются…

(качели)

***

Есть карманы и кармашки,
ремешки, цветные пряжки.
Носят чаще на спине,
и удобен он вполне.
Книги носят в нём, тетрадки,
свитера и шоколадки.
Он не любит кавардак,
называется….

(рюкзак)

Вячеслав Зименко

КОФЕ ОТ ШТУМПФЕЛЯ

Новелла

Любая философия согласна,
что в мире от евреев нет спасенья,
науке только всё ещё не ясно,
как делают они землетрясенья?
(Игорь Губерман)

Да, господа-товарищи! Да! Дефицит в нашей замечательной стране был! Вы можете спросить: «А связи?» Конечно, были и связи, благодаря которым дефицит можно было достать. Наверное, поэтому Женя Штумпфель и подался в военные связисты, а когда понял, что это совсем не та «связь» — было поздно: из армии обратно на гражданку просто так не отпускали…

Как у нас случаются недоразумения? Недоразумения нас всегда посещают внезапно: только вы приготовились к службе — а они, хоп, и уже тут как тут! Майор Штумпфель как раз и был таким казусом в воинской части, именуемой

Зименко Вячеслав Александрович, прозаик, член Союза писателей России с 2013 г., секретарь правления РРО СПР с 2015 г., член общественной редакционной коллегии литературной газеты «Донской писатель». Военный врач. Участник дальних морских походов в Тихий и Индийский океаны. Больше 30 лет работал в системе высшего образования страны, кандидат медицинских наук, доцент.

Родился в середине прошлого века в хуторе Краснюков, что на юго-востоке Ростовской области. Ещё в раннем детстве проявил склонность к сочинительству: придумывал смешные сказочные истории, пользовавшиеся большим успехом у сверстников. Писать по-настоящему стал уже в зрелом возрасте после того, как судьба нечаянно, в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии, свела с писателем Александром Покровским. Он и «благословил» на литературное творчество.

Первая книга юмористических рассказов «Несъедобный флот» вышла в Сибири (2006, издательство «STT»). Затем пробовал себя в лирической прозе (сборники «Провинциальные истории», 2013 г., и «Качели времени», 2016 г., — издательство «Донской писатель»). Публиковался в периодических изданиях «Дон и Кубань», «Дон_новый», «Культура Дона», «Донской литературный альманах», в литературной газете «Донской писатель». Увлекается живописью.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

узлом связи. Каким образом «недоразумение» смогло дослужиться до чина майора — еврейская загадка.

Типичный представитель сынов Израилевых, Женя, конечно, не был виноват в том, что в кране нет воды, а также — в градобитии посевов и в вымерзании озимых. Но грешок за ним всё-таки водился: он частенько, и довольно зло подшучивал над окружающими.

Ясен пень! Многие пострадавшие мечтали примотать обидчика к столбу на площади, обложить дровишками и чиркнуть спичкой…

Сегодня день у Жени не задался: командир с утреца нещадно выдрал его за плохую проводную связь с командным пунктом тыла флота. Этого следовало ожидать, поскольку телефонные контакты на проводах, в нарушение инструкции, давненько не протирались спиртом. Ведь «спирт — это очень странный предмет: если он есть, то его сразу нет!» Устранив замечания, майор бесцельно, как сторож по колхозному огороду, побродил по объектам своего заведования и вышел на плац. Всё его тело чесалось от желания срочно над кем-нибудь подшутить и таким образом сжечь накопившийся после вставленного командиром фитиля адреналин. И тут блуждающий взор Штумпфеля упал на военный магазин — «островок коммунизма»! Майор даже ликом посветлел. Многие обыватели справедливо полагали, что в кладовых военторга живёт изобилие. Там — дефицит: всё чего душа пожелает и даже больше — в подсобках лежит то, чему не придумали ещё названия. Действительно, иногда торговля выбрасывала в продажу что-нибудь экзотическое, и тогда народ ломился за буржуйскими изысками.

Женя быстренько сгонял в свой кабинет, нашёл в столе две стеклянные банки из под индийского растворимого кофе (давно собирался выбросить, да всё руки не доходили) и, бабахнув в них песочку, сел в засаду у двери магазина. Долго ждать не пришлось: в курилке напротив, материализовалась стайка желающих подымить связисток.

Демонстративно, взяв в каждую руку по банке, майор медленно продефилировал от магазина в сторону штаба так, чтобы пройти рядом с курилкой…

Он даже не обернулся, когда за спиной послышался восхищённый женский визг и дружный удаляющийся топот. Мало того. Знакомая мадам с противозачаточной внешностью, томно закатывая глаза затампонировала своими выпуклостями дверной проём штаба и, не пропуская майора внутрь, заявила:

— О-о-о, Женечка!.. Пароль? — но взглянув на банки, уже вполне примирительно изумилась, — это, что… в нашем магазине есть кофе?!

— Да, и очереди нет. Беги быстрее!

— Я только за деньгами слетаю! — и дверь штаба разблокировали.

Через пару минут всё женское население «конторы», задорно задрав хвосты, скакало в сторону дефицита…

Чувство самосохранения подсказывало майору, что в штаб идти не надо, нужно магазинное «цунами» переждать где-нибудь в сторонке, и он благоразумно нырнул под трибуну. Обычно на этом архитектурном сооружении размещаются почётные гости и командование узла связи во время парадов и торжественных построений. Но чтобы вот так, под трибуной!.. Однако

внизу оказалось вполне комфортно, хотя и тесновато, а в щелку можно было мониторить плац.

В магазине толпа быстренько выяснила, что дело с кофиём обстоит крайне кисло, то есть никак.

— Да откуда вы это взяли? — не жалея голосовых связок отбивалась от наседающих покупательниц продавец.

— Сами видели, как из магазина шёл Штумпфель с двумя банками! Значит, офицерам есть, а нам нет! — блажили дамы…

Ну, вы поняли — положение создалось пикантное: случился шумный скандальчик!

— Ладно, отсижусь пока тут, а когда всё рассосётся — вернусь в свой кабинет, — решил шутник…

Местный пёс Бублик, освежив со знанием дела пару кустиков, тихо подошёл с тыла, и заинтересованно уставился на торчащую из отверстия трибуны тазобедренную композицию майора: стоящие на коленях два военно-морских копыта соединённые огромной толстой перемычкой. Бублик заговорщицки взвизгнул, пододвинулся поближе и аппетитно тяпнул Штумпфеля посредине перемычки, как раз в том месте, где у каждого уважающего себя самца растёт репродуктивный аппарат. И-и-и-и-ех! Майор выпучил глаза как африканский прыгун, схватился обеими руками за отрываемый орган, пружинисто разогнулся и ударился головой о выступающую конструкцию трибуны. Солнце померкло…

— Ну, — сказал забинтованному, пытающемуся принять строевую стойку майору командир, — вы, хотя бы заметили, кто это вас так отблагодарил за провокацию? Вас нашли без сознания за нашей трибуной. Мне назначать административное расследование?

— Да нет, товарищ командир, не надо. Это я сам.

— Ну, тогда присаживайтесь, будем пить кофе. У меня есть индийский!

ДЕТИ ВОСКРЕСЕНИЯ

Новелла

Поздний августовский вечер, разбрасывая по углам клубящуюся мглу, медленно струился над селом. Бабушки, управившись по хозяйству, уже традиционно расселись на уличных лавочках, и сарафанное радио передало новость: Машка «монголка» опять на сносях; девятого понесла!

Семья Машки Черноторовой, крепко дружившая с алкоголем, являлась предметом пристального внимания населения хутора потому, что в ней ежедневно что-то происходило из ряда вон, а драки были обычным и самым безобидным делом. Односельчан удивляли не только многодетность (отсюда и такая кличка), бедность, цыганский уклад жизни, но и особенности психического развития членов этого табора. «Дети воскресения», так на медицинском сленге именуют зачатых в пьяном состоянии. У Черноторовых все были воскресными. Справедливости ради заметим, что дефекты развития в семейке проявлялись не только со знаком минус, но и со знаком плюс! Ведь

безумство и гениальность всегда где-то рядом. Двое детей сильно заикались, у одного с рождения недоставало большинства пальцев на руках и это всех огорчало. Зато одарённость других проявилась в способностях к иностранным языкам и математике.

Босоногую и жившую впроголодь детвору подкармливали сердобольные соседи. Но и сами младшие Черноторовы демонстрировали чудеса сообразительности в добыче хлеба насущного. Летом кое-как прокормиться можно было, сама природа помогала. Василий — старший из сыновей, не без успеха рыбачил на прудах. Девочки по балкам собирали шелковицу, тёрн, дикую ежевику и смородину, а в собственном (да и колхозном, чего греха таить) саду обносили фруктовые деревья. Но вот зимой приходилось туго. Поэтому в самую бескормицу, каждый старался проснуться раньше конкурентов, на цыпочках выйти из дома и рвануть в курятник, чтобы собрать снесённые за ночь яйца и, подсолив, жадно выпить хотя бы парочку…

Прошли годы, дети выросли. Девчонки вышли замуж и разъехались. Глава табора спился окончательно и благополучно почил. Теперь семья состояла из престарелой, иногда беседовавшей сама с собой Машки, попивавшего, так и не женившегося Василия и сильно пьющего, неработающего, но физически крепкого беспалого Толика. Отныне главным кормильцем Черноторовых был Василий (ведь пенсии матери и брата — одно название!). Безропотный и скупой в устремлениях, он, то нанимался в цех обжига местного кирпичного заводика, то перебирался в школьную кочегарку, где с утра до вечера кидал уголь, дышал пылью и угарным газом. От вредной работы лицо его стало землисто-серым, таким же, как однообразная и непутёвая жизнь. Василий сторонился людей, редко разговаривал и никогда не смеялся. Но частенько, после дозы хмельного, когда его вымороженная душа оттаивала, а жизнь начинала казаться розовой и наполненной — садился в уголок, и тихо чему-то улыбался…

Мелькали дни, проплывали месяцы, сменялись времена года. Никчёмная, но размеренная жизнь Черноторовых так бы и текла мутным потоком, если бы однажды Толик сильно не избил Василия и не отобрал у него получку. Потом это повторилось снова и снова; Толик был сильнее…

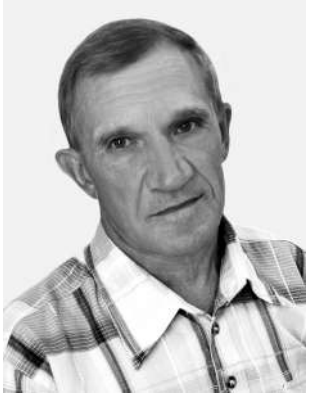
В один из летних тихих вечеров, как обычно, на скамейке клубились бабушки. Среди них, разметав по плечам паутину седых волос, отстранённо сидела Машка. Она не слушала последние новости сарафанного радио, а смотрела, как зажигаются огни в окнах напротив, как в палисаднике сгущаются тени, как восходит молодая луна. Потом, глубоко вздохнув, вдруг буднично заявила:

— Сейчас Васька зарубил топором Толика. Вот этого я не одобряю!

Над скамейкой повисла невообразимая тишина. Многодетная мать говорила об убийстве сына, будто речь шла о зарубленной на суп курице. Многие не поверили, но кто-то сбегал во двор и посмотрел.

Это оказалось правдой!

Александр Дивеев



ШЕПТАЛАСЬ НА ВЕТРУ ТРАВА

БЕРЁЗА

Я нёс её сквозь снег и ветер
Сторожко на исходе дня.
И дела не было на свете
Важней сегодня у меня.

Я понимал – быть может, поздно…
Но мысли бились об одном:
«Я посажу тебя, берёза,
В честь встречи с милой, под окном.

Я посажу, чтоб о подруге
Любимой помнить ночь и день.
А что случится – в зной разлуки
Твоя нужна мне будет тень…»

И я, не скрою, с сожаленьем
Воспринимал, поняв сполна,
Прохожих лица в удивленье:
Мол, зря, не примется она.

Александр Алексеевич Дивеев родился в 1951 году в деревне Ундольщино Ртищевского района Саратовской области. Выпускник экономического факультета СЭИ. Работал в финансовых структурах, руководителем отделения миграционной службы.

Автор поэтических книг «Звезда Антарес», «Плащаница Души», «На кресте любви». Публиковался в журналах «ДОН_новый», «Волга–XXI век» (Саратов), «Природа и человек. XXI век» (Москва), «Странник» (Саранск), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «Наш современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Сибирь» (Иркутск), «Подъём» (Воронеж). альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов».

Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014».

Член Союза писателей России.

Живёт в г. Ртищево Саратовской области.

…Закончил я работу поздно.
Шепталась на ветру трава.
А на ветвях небес не звёзды,
Дрожали – синяя листва. Дрожала

НЕ ГРУСТИ

Не грусти под печальной звездой, –
Станут слёзы обычной водой,
Сизой мглой – белоснежные свечи,
Ясной зорькой – малиновый вечер.

Не грусти, ни о чём не грусти,
Пожалей лишь меня и прости
За журавушку в пасмурной стуже,
Поцелуй первый мой неуклюжий.
Не грусти…

БУСЫ

Никогда – бедняжке мне –
Не сбежать из плена,
Где в прудах ромашковых
Солнца по колено,

Где девчонки-ивушки
Косы моют в водах,
Огурцы в пупырышках
Спят на огородах.

Там туманы русы
Облака в пыли,
И избушки-бусы
На груди земли

ЖУРАВЛИНЫЙ РОМАНС

Солнце. Тишь. Прохлада
Над рекой и полем.
Цвет губной помады
Поменяли зори.

Горизонт в корсете
Серебристой дымки.
Паучки, как сети,
Тянут паутинки.

Синь небес латает
Облаками осень.
Тёплый вечер. Стаи
Листьев бьются оземь.

Над рябиной рыжей,
Над дорогой длинной –
Плач романса слышен
Скрипки журавлиной…

ПАМЯТЬ

Вечер… нить… веретено…
Кот… цветок алоэ…
Клуб… индийское кино…
Счастливы герои…

Шорох… тихие шаги…
Ветра тайный шёпот…
Блеск серебряной реки…
Аромат укропа…

Чувств беспечных детский всхлип…
Сердца трепетанье…
Стук в окошко… двери скрип…
Первое свиданье…

Память… вид издалека…
На столбе афиша…
Двадцать коп. из кошелька…
Стук в окошко…
Слышишь?

ЗОРЬКА ПОГАСЛА

Я живу на окраине города.
Это, может быть, и не случайно:
С детских лет рокотанье комбайнов
Мне, в деревне рождённому, дорого.

Вижу редко сторонку я отчую,
Но душой не расстался я с нею.
До сих пор многих слов мне яснее
Жёлтых копен в полях многоточие.

Вновь вечерняя зорька погасла…
Добрый сон в край родимый уводит,
Где в тиши за околицей ходит
Конь стреноженный, масти Пегаса.

НА СХОДЕ

Светлой памяти мамы –
Евдокии Александровны

В городке районном век течёт мой
К морю Мёртвых, вдалеке от нив.
А душа колхозницей почётной
Горбится в селе за трудодни.

Я приехал к труженице в гости.
Мне тут уваженье и почёт:
Земляки, как в клубе, на погосте
Собрались на свой последний сход.

Нет у грусти тропочек и просек.
Колет сердце, марево в глазах.
Памятники, как шипы, а розы…
Розы, милый друг, на небесах.

Каждый ком землицы тут оплакан.
Каждому отмерил долю Бог.
А твоя могилка, мама, – плаха
За мою безмолвную любовь.

Я шпаргалки памяти листаю.
А поодаль от могил, венков –
Волны ковыля качают стаи
Полевых лебёдушек-цветов…

Тамара Сальникова

КАРАНДАШНЫЙ НАБРОСОК ЗИМЫ

***

Памяти злая процентщица
Ночью ведёт в закрома.
Что тебе, старая, ценности
В этих несбывшихся снах,
В соли по-крупному смолотой
В мельнице сумрачных дней?
В свете сусального золота,
Там, где песчаный репей
Сохнет, на нитки нанизанный,
Сыплет свой прах на тряпьё,
Битое молью и крысами,
Вижу я руки её.
Тычет костлявыми пальцами
В дверь, за которой в углу
Девочка в ситцевом платьице
С книжкой сидит на полу.

***

А он из глины дудочки лепил
И свиристелей выдыхал на небо.
А он без шапки по зиме ходил.
Поужинав водой и лёгким хлебом,
Лицом ложился в зыбкую траву,
И вещности вокруг черты тончали,
Пока не истончились в синеву,

Сальникова Тамара Анатольевна родилась в г. Красноярске-26 (Железногорске). С десяти лет живёт в Екатеринбурге. Окончила Университет Российской Академии образования (УРАО) по специальности педагог-психолог.

Публиковалась в журналах «Урал», «Работница», «Смена», «ЛиТерра», «Зарубежные задворки» (Германия), «Млечный путь» (Израиль), «Чайка» (США).

И он остался светом безначальным,
Ходить один, без шапки, на ветру.

***

Вишнёвой косточкой под языком
Катаю сон. Бог лёгкими руками
Качает на весу мой сад и дом,
Скворечню с желторотыми птенцами,
Ежонка с беззащитным животом.
Я вверх лечу, а подо мной дымами
Деревня в небо дышит. Ёжик маме
В нос тычется горячим жадным ртом.
И косточка горчит под языком,
Чтоб поутру продолжиться словами.

***

Подушку взбивают, и спят в высоту,
И думают дети, что ночью растут,
И верят, что сны могут сбыться.
Им ангел целует ресницы,
А ты нецелованным жмёшься к стене,
Глаза безымянные видишь в окне
И это не зверь, и не птица,
И страшно, что сны могут сбыться.

***

Смеркается. И я, ещё старик,
Латаю глиной ласточкины гнезда,
Вдыхая землю, выдыхая крик,
Переводя на ласточкин язык
Мерцанье мха, шуршание берёсты.
А надо мною, в загустевший воздух
Медведица вонзает острый клык,
У медвежат вычёсывая звезды,
Переходя с ворчания на рык,
Переводя меня на свой язык.

***

По осени встаёт за домом сад,
Где яблоки, надкушенные смертью,
Шуршат в траве и тянутся назад,
И прирастают к высоте над ветвью
У яблони, растущей сквозь себя,
За небо и невероятно выше –
До ног босых, до живота, до лба,
До аистов вернувшихся на крышу.

***

В придорожном кафе, на салфетке –
Карандашный набросок зимы,
Снег – оттенка берёзовой ветки,
Гомонья воробьёв-горемык.
Не идёт, не летит, не ложится,
Заключённый в графитовом сне,
С ним уже ничего не случится,
Ни сейчас, ни потом по весне.
Как же страшно, как, Господи, страшно –
Белый листик на весь окоём,
И как в зеркале – в снеге бумажном –
Отражение видеть своё.

***

С добрым утром, матушка моя,
Ты жива? А знать и я, и славно.
Значит подождёт ещё земля,
Хоть ты и хлопочешь неустанно,
Каждый час взирая – как тут я:
Под твоей настойчивой рукой,
Не устал ещё? Её не сбросил?
И готов к тому, что упокой
Повенчает бронзовую осень
С деревянной струганой доской?

***

Среди одуванчиков, щепотью лунного света,
За носик семянку незримо рукой ухватив,
Болтает босыми ногами чумазое лето,
Под только что Богом придуманный нежный мотив.

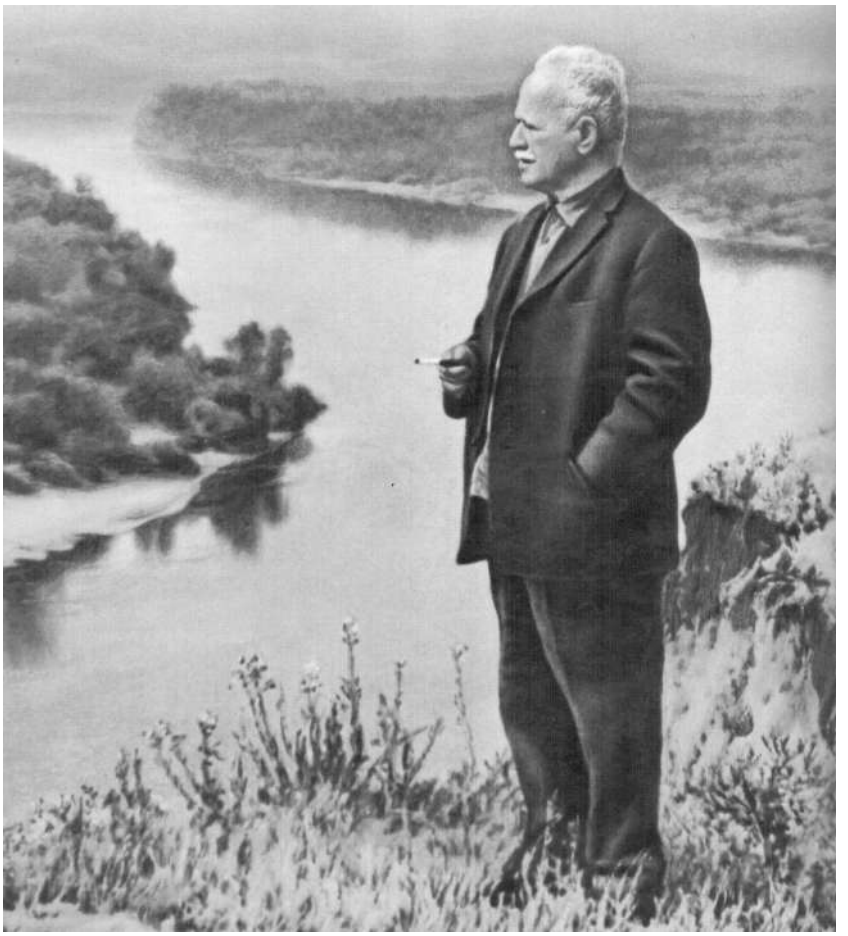
И сыплется лёгкое, тонкое, белое Божье,
Укутывать пыльную мякоть земного тепла,
Как будто над полем вздохнула душа осторожно,
И каждый цветок на прощание приобняла.

***

В воздухе тает прощальный напев журавля,
Небо ложится в земную прокисшую мякоть.
Хочется плакать, так осенью хочется плакать,
Воздух целуя в полях.
Солнце ловлю золотым и разглаженным лбом,
Выщелкнув душу в мешок хлебороба с рассветом.
Хлебом, оставь меня, господи, хлебом –
Пятым за общим столом.

Крутояр

Раздел посвящён Донскому краю,
донским писателям и деятелям искусств



«КРУТОЯР» — любимое место на Дону Михаила Александровича Шолохова.

Михаил Шолохов

ПУТЬ-ДОРОЖЕНЬКА

Повесть

Часть первая

I

Над Доном до самого моря степью лежит Гетманский шлях. С левой стороны пологое, песчаное Обдонье, зелёное чахлое марево заливных лугов, изредка белёсые блёстки безымянных озёр; с правой — лобастые насупленные горы, а за ними, за дымчатой каёмкой Гетманского шляха, за цепью низкорослых сторожевых курганов — речки, степные большие и малые казачьи хутора и станицы и седое вихрастое море ковыля.

* * *

Осень в этом году пришла спозаранку, степь оголила, брызнула жгучими заморозками.

Утром, перебирая в постовальне шерсть, сказал отец Петру:

— Ну, сынок, теперь работёнки нам хоть убавляй! Морозы двинули, казачки шерсть перечёсывают, а наше дело — струну поглаживай, да рукава засучай повыше, а то спина взмокнет!..

Приподнимая голову, улыбнулся отец, сощурились выцветшие серые глаза, на щеках, залохматевших серой щетиной, вылегли чёрные гнутые борозды.

Пётр, сидя на столе, обделывал колодку; поглядел, как на усталом лице отца тухнет улыбка, промолчал.

В постовальне душно до тошноты, с кособокого потолка размеренно капает, мухи ползают по засиженному слюдовому оконцу. Сквозь него заиневший плетень, вербы, колодезный журавль кажутся бледно-радужными, покрытыми ржавой прозеленью. Взглянет мельком Пётр во двор, переведёт взгляд на голую согнутую спину отца, шевеля губами, высчитывает уступы

на позвоночном столбе и долго глядит, как движутся лопатки и дряблая кожа морщинистыми комками собирается на отцовой спине.

Узловатые пальцы привычно быстро выбирают из шерсти орепьи, колючки, солому и в такт движениям руки качается лохматая голова, и тень её на стене. Приторно и остро воняет пареной овечьей шерстью. Пот бисерным горошком сыплется у Петра по лицу, мокрые волосы свисают на глаза. Вытер ладонью лоб, колодку кинул на подоконник.

— Давай, батя, полудновать? Солнце, гля-кось, куда влезло, почти в обеды.

— Полудновать? Погоди… Скажи на милость, сколько этого репья!.. Битый час гнусь над шерстью.

Соскочил Пётр со стола, в печь заглянул. Потные щёки жадно лизнула жарынь.

— Я, батя, достаю щи. Больно оголодал, жрать охота!..

— Ну, тяни, работа потерпит!

Сели за стол, не надевая рубах, не торопясь хлебали щи, сдобренные постным маслом.

Пётр покосился на отца, сказал, прожёвывая:

— Худой ты стал, будто хворость тебя точит. Не ты хлеб ешь, а он тебя!..

Задвигал скулами, улыбаясь, отец:

— Чудак ты какой! Равняй себя с отцом: мне на Покров пойдёт пятьдесят семой, а тебе — семнадцать с маленьким. Старость точит, а не хворь!.. — и вздохнул.

— Мать-покойница поглядела бы на тебя…

Помолчали, прислушиваясь к басовитому жужжанию мух. На дворе остервенело забрехала собака. Мимо окна топот ног. Распахнулась дверь, стукнувшись о чан с вымоченной шерстью, и в землянку вошёл задом Сидор-коваль. Шапки не снимая, сплюнул под ноги.

— Ну, и кобеля содержите! Норовит, проклятый, не куда-нибудь кусануть, а все повыше ног прицеляется.

— Он сознаёт, что ты за валенками идёшь, а они не готовы, потому и препятствует.

— Я не за валенками пришёл.

— А ежели не за ними, то присаживайся вот сюды, на бочонок, гостем будешь!

— В кои веки в гости заглянул, и то на мокрое сажаешь! Не будь, Петруха, таким вредным человеком, как твой батянька!..

Посмеиваясь в кустастую бородёнку, присел Сидор около двери на корточки, долго негнущимися пальцами сворачивал цигарку и, закуривая, плямкая губами, пробурчал:

— Ничего не знаешь, дед Фома?

Отец, заворачивая шерсть в мешок, качнул головой, улыбнулся, но в глазах Сидора прощупал острые огоньки радости и насторожился.

— Што такое?

Сквозь плёнку табачного дыма проглянуло лицо Сидора, губы по-заячьи ёжились в улыбку, глаза суетились под белёсыми бровями обрадованно и тревожно.

— Красные жмуть, по той стороне к Дону подходят. У нас в станице поговаривают отступать… Нынче на заре вожусь в своей кузнице, слышу — скачут по проулку конные. Выглянул, а они к кузнице моей бегут.

— Кузнец тут? — спрашивают.

— Тут, — говорю.

— В два счёта штобы кобылицу подковал, ежели загубишь — плетью запорю!..

Выхожу я из кузницы, как полагается, чёрный от угля. Вижу — полковник, по погонам, и при нем адъютант.

— Помилуйте, — говорю, — ваше высокородие. Дело я своё до тонкости знаю.

Подковал я ихнюю кобылку на передок, молотком стучу, а сам прислушиваюсь. Вот тут-то и понял, што дело ихнее — табак!..

Сидор сплюнул, затоптал ногой цигарку.

— Ну, прощевайте! На свободе забегу покалякать.

Хлопнула дверь, пар заклубился над потными стенами постовальни. Старик долго молчал, потом, руки вытирая, подошёл к Петру.

— Ну, Петруха, вот и дождались своих! Недолго казаки над нами будут панствовать!

— Боюсь я, батя, брешет Сидор… Какой раз он нам новости приносит, всё вот да вот придут, а ихним и духом вблизи не пахнет…

— Дай время, а то так запахнет, что казаки и нюхать не будут успевать!

Крепко сжал старик жилистый кулак, румяна чахло зацвели на обтянутых кожей скулах.

— Мы, сынок, с малых лет работаем на богатых. Они жили в домах, построенных чужими руками, ели хлеб, политый чужим потом, а теперича пожалуйте на выкат!..

Едкий кашель брызнул из отцова горла. Молча махнул рукой, сгорбившись и прижимая ладони к груди, долго стоял в углу, возле чана, потом вытер фартуком губы, покрытые розоватой слюной, и улыбнулся.

— По двум путям-дороженькам не ходят, сынок! Выпала нам одна, по ней и иди не виляя до смерти. Коли родились мы постовалами-рабочими, то должны свою рабочую власть и поддерживать!..

Под пальцами старика струна запела, задрожала тягучими перезвонами. Пыль паутинистой занавеской закутала окно. Солнце на минуту заглянуло в окошко и торопясь покатилось под уклон.

II

На другой день в постовальню пришёл офицер и сиделец из станичного правления. Молодой одутловатый хорунжий спросил, щёлкая хлыстом по новеньким гетрам:

— Ты — Кремнев, Фома?

— Я.

— По приказанию станичного атамана и начальника интендантского управления я обязан забрать у тебя весь имеющийся запас готовых валенок. Где они у тебя?

— Ваше благородие, мы с сыном год работали. Ежели вы заберете их, мы подохнем с голоду!..

— Это не мое дело! Я должен конфисковать валенки. У нас казаки на фронте разуты. Я спрашиваю, где они хранятся у тебя?

— Господин хорунжий!.. ведь не потом, кровью мы их поливали!.. ведь это — хлеб наш!..

У хорунжего на прыщавых щеках ползет слизняком ехидная улыбочка. Зубы золотые из-под усов поблескивают.

— Говорят, ты — большевик? В чём же дело? Придут красные, они тебе заплатят за валенки!..

Попыхивая папироской, звякая шпорами, шагнул в угол, ручкой хлыста сковырнул рядно.

— Ага, вот эти самые валенки мы и заберём! Шустров, бери и выноси на двор, подвода сейчас подъедет.

Отец и Петька плечо к плечу стали, собой заслонили сложенные в углу валенки.

Пунцовой яростью вспух хорунжий, роняя с трясущихся губ тёплые брызги слюны, но, сдерживаясь, прохрипел:

— Я с тобой завтра буду по-иному разговаривать, когда тебя, старую собаку, за шиворот притянут в военно-полевой суд!..

Оттолкнул старого постовала, ногами совал к порогу обглаженные, просушенные валенки. Сиделец брал их в охапку и выбрасывал в настежь открытую дверь.

За плетнём прогромыхала бричка, остановилась у ворот. Из угла пара за парой убывали валенки. Молчал старик, но когда сиделец мимоходом взял с печки и его приношенные седые валенки, шагнул к нему и неожиданно отвердевшей рукой прижал его к печке. Сиделец с рябым туповатым лицом рванулся (поношенная рубашка мягко расползлась у ворота) и не размахиваясь ударил старика в лицо.

Петька вскрикнул, кинулся к отцу, но на полдороге от сильного удара рукоятью нагана в висок упал, вытягивая руки.

Хорунжий вывернул кровью дурной налитые глаза, подскочил к старому постовалу, звонко хлестнул его по щеке.

— …Руби его, Шустров!.. я отвечаю!.. да бей же, в закон твою мать!..

Сиделец, не выпуская из левой руки валенок, правой потянулся к шашке. Упал старик на колени, голову нагнул, на высохшей коричневой спине задвигались лопатки. Глянул сиделец на седую голову, уроненную до земли, на дряблую кожу старика, обтянувшую костистые ребра и, пятясь задом, поглядывая на офицера, вышел.

Хорунжий бил старика хлыстом, хрипло, отрывисто ругался… Удары гулко падали на горбатую спину, вспухали багровые рубцы, лопалась кожа, тоненькими полосками сочилась кровь и, без стона, всё ниже, ниже к земляному полу падала окровавленная голова постовала.

Когда очнулся Петька, приподнялся, качаясь, в постовальне никого не было. В распахнутую дверь холодный ветер щедро сыпал блеклые листья тополей, порошил пылью, а возле порога соседская сука торопливо долизывала густую лужицу запёкшейся чёрной крови.

III

Через станицу лежит большой тракт.

На прогоне, возле часовни, узлом сходятся дороги с хуторов, тавричанских участков, соседних выселков. Через станицу на северный фронт идут казачьи полки, обозы, карательные отряды. На площади постоянно народ. Возле правления взмыленные лошади нарочных грызут порыжелый от дождей палисадник. В станичных конюшнях интендантские и артиллерийские склады 2-го Донского корпуса.

Часовые кормят разжиревших свиней испорченными консервами. На площади пахнет лавровым листом и лазаретом. Тут же тюрьма. Наспех сделанные ржавые решётки. Возле ворот охрана, полевая кухня, опрокинутая вверх дном, и телефонная будка.

А по станице, по глухим сплюснутым переулкам, над хворостяными плетнями ветреная осень метёт ржавое золото листьев клёна и кудлатит космы камыша под крышами сараев.

Прошёл Петька до тюрьмы, у ворот часовые.

— Эй ты, малый, не подходи близко!.. Стой, говорят тебе!.. Тебе кого надо?

— Отца повидать… Кремнёв Фома, по фамилии.

— Есть такой. Погоди, спрошу у начальника.

Часовой идёт в будку, из-под лавки выкатывает надрезанный арбуз, медленно режет его шашкой, ест, с хрустом чавкая и сплёвывая под ноги Петьке бурые семечки.

Петька смотрит на скуластое, бронзовое от загара лицо, дожидается, пока часовой кончит. Тот, размахиваясь, бросает арбузную шляпку в ковыляющую мимо свинью, долго и серьёзно смотрит ей вслед и, позёвывая, берёт телефонную трубку.

— Тут к Кремнёву парнишка пришёл на свидание. Дозволите пропустить, ваше благородие?

Петька слышит, как в телефонной трубке хрипит чей-то лающий бас, слов не разберет.

— Погоди тут, тебя обыщут!

Минуту спустя, в калитку выходят двое казаков.

— Кто к Кремнёву? Ты? Поднимай руки вверх!..

Шарят в Петькиных карманах, щупают рваный картуз, подкладку пиджака.

— Скидай штаны! Ну, сволочь, засовестился, что ты, красная девка, что ли?..

Калитка хлопает за Петькиной спиной, гремит засов, над решётчатыми окнами идут в комендантскую, и из каждой щели на Петьку смотрят разноцветные глаза.

В длинном коридоре воняет человеческими испражнениями, плесенью. Каменные стены цветут влажным зелёным мохом и гнилыми грибами. Тускло светят жирники. У крайней двери часовой остановился, выдернул засов, пинком ноги распахнул дверь.

— Проходи!..

Нащупывая ногами дырявый пол, протягивая вперёд руки, идёт Петька к стене. Сверху сквозь малюсенькое окошечко, выдолбленное под самым потолком, просачивается голубой свет осеннего дня.

— Петяшка!.. ты?!.

Голос отца стучит перебоями, как у долго болевшего. Рванулся Петька вперед, на полу нащупал босой ногой войлок, присел и молча охватил руками перевязанную отцову голову.

Часовой стоит, прислонясь к растворенной двери, играет ремнем шашки, поёт разухабистое «страдание».

Под сводчатым потолком испуганно шарахается эхо. Петькин отец, захлёбываясь, сыплет бодрящим смешком, а в круглоглазое окошко с пола видно Петьке, как на воле клубятся бурые тучи и под ними режут небо две станички медноголосых журавлей.

— Два раза вызывали на допрос… Следователь бил наганом, заставлял подписать показания, какие я с роду не давал. Не-ет, Петяха, из Кремнёва Фомы дуриком слова не вышибешь!.. Пущай убивают, им за это денежки платят, а с того путя-дороженьки, какой мне на роду нарисован, не сойду.

Петька слышит знакомый сиповатый смешок и с щекочущей радостью вглядывается в опухшее от побоев землянисто-чёрное лицо.

— Ну, а теперя как же? Долго будешь сидеть, батяня?

— Сидеть не буду! Выпустят ноне или завтра… Они меня, сукины коты, за милую душу расстреляли бы, но боятся, что мужики иногородние забастовку сделают… А им это, ох, как не по нутру!..

— На вовсе выпустят?

— Нет. Для пущей видимости назначают суд из стариков нашей станицы. Судить будут сходом… а там поглядим, чья сторона осилит!.. Бабушка Арина надвое сказала!..

Часовой у двери щелкнул пальцами и, притоптывая ногой, крикнул:

— Эй, ты, весёлый человек, прогоняй сына! Свидание ваше на нынче прикончилось!..

IV

Перед вечером в постовальню к Петьке прибежал соседский парнишка.

— Петро!

— Ну?

— Беги скореича на сход!.. отца твово убивают на площади, возле правления!..

Не надевая шапки, опрометью кинулся Петька на площадь.

Бежал, что есть мочи, по кривенькому, притаившемуся над речкой переулку. Впереди него над краснoталым плетнём маячила розовая рубашка соседского парнишки; ветром запрокидывало у него через голову жёлтые погоревшие под летним солнцепёком пряди волос, около каждого двора верещал пискливый рвущийся голосишко:

— Бегите на площадь!.. Фому-постовала убивают казаки!..

Из ворот и калиток выбегали кучки ребятишек, дробно топотали по переулку босыми ногами.

Когда подбежал к правлению Петька, на площади никого не было, переулки и улицы всасывали уходящих людей.

Возле ворот поповского дома толстая попадья, приложив к глазам руку лодочкой, смотрит на бегущего Петьку. У попадьи на ситцевое платье накинута шаль, в тонких ехидных губах застряла недоумевающая улыбочка. Постояла, глядя вслед Петьке, почесала ногою толстую, студнем дрожащую икру и повернулась к дому.

— Феклуша, где же постовала бьют?

— И вот тебе крест! Своими глазынькими видала, матушка, как его били!.. — По порожкам крыльца зашлёпали шаги. К попадье, ковыляя, подбежала кривая кухарка, махая руками, захлебнулась визгливым голосом:

— Гляжу я, матушка, а его ведут из тюрьмы на сходку. Казаки шум приподняли, а ему хоть бы што! Идёт старый кобель и ухмыляется, а сам собой весь чёрный до ужасти!.. его ещё допрежде господа-офицеры били… подвели его к крыльцу и как начнут бить, только слышу — хрясь!.. хрясь!.. а он как заревёт истошным голосом, ну тут его и прикончили… кто колом, кто железякой, а то всё больше ногами.

С крыльца правления, вихляя задом, сошёл станичный писарь.

— Иван Арсеньевич, подите на минуточку!

Писарь одёрнул широчайшие галифе и мелким шагом, любуясь начищенными носками сапог, направился к попадье. Не дойдя шагов восемь, перегнул назад сутулую спину и, стараясь подражать интендантскому полковнику, небрежно приложил два пальца к козырьку фуражки.

— Добрый день, Анна Сергеевна!

— Здравствуйте, Иван Арсеньевич! Что это у вас за убийство было?

Писарь презрительно оттопырил нижнюю губу.

— Постовала Фому убили казаки за принадлежность к большевизму.

Попадья передёрнула пухлыми плечами и простонала:

— Ах, какие ужасы!.. неужели и вы принимали участие в этом убийстве?

— Да… как сказать… Знаете ли, когда начали его, мерзавца, бить, а он, лежа на земле, кричит: «Убейте, от советской власти не отступлюсь!» Тут, конечно, я его ударил сапогом и сожалею, что связался. Одна неприличность только… сапог и брюки в кровь измарал…

— Я и не воображала, что вы такой жестокий человек!

Попадья, прищурив глазки, улыбается франтоватому писарю, а у крыльца правления Петька присел на мокрый от крови песок и окружённый цветной ватагой ребятишек долго кружился возле бесформенно-круглого кровянистого кома…

V

Летели над станицей журавли, сыпали на захолодавшую землю призывные крики. Из окошка постовальни смотрит, часами не отрываясь, Петька.

Пришел в постовальню Сидор-коваль, поглядел, как промеж двух кирпичей растирает Петька зёрна кукурузы, вздохнул.

— Эх, сердяга, страданьев сколько ты принимаешь!.. Ну, ничего, не падай

духом, скоро придут наши, легче будет жить! А завтра беги ко мне, я те муки меры две всыплю.

Посидел, нацедил сквозь прокуренные зубы сизую лужу махорочного дыма, наплевал возле печки и ушёл, вздыхая и не прощаясь.

А легче пожить ему не довелось. На другой день перед закатом солнца шёл через площадь Петька; из ворот тюрьмы выехали два казака верхами, между ними в длинной, ниже колен, холщёвой рубахе шёл Сидор. Ворот расшматован до пояса, в прореху видна обросшая курчавыми и жесткими волосами грудь:

Поровнялся с Петькой и, сбиваясь с ноги, голову к нему обернул:

— На распыл меня ведут, Петенька-голубчик, прощай!..

Рукой махнул и заплакал…

Как в тяжёлом удушливом сне таяло время. Завшивел Петька, жёлтые щёки обметал волокнистый пушок, выглядел старше своих 17-ти годов.

Плыли-плыли, уплывали спеленутые чёрной тоскою дни. С каждым днём, уходившим за околицу вместе с потускневшим солнцем, ближе к станице продвигались красные; пухла, водянкой разливалась тревога в сердцах казаков.

Утром, когда выгоняли бабы коров на прогон, слышно было, как бухали орудия за Щегольским участком. Немой гул метался над дворами, задремавшими в зелёной утренней мгле, тыкался в саманные стены постовальни, ознобом тряс слюдовые оконца. Слезал Петька с печки, накидывая зипун, выходил в зад двора, ложился около сморщенной старушонки-вербы на землю, скованную незастаревшим тоненьким ледком, и слышал, как от орудийных залпов охала, стонала, кряхтела по-дедовски земля, а за кучей сгрудившихся тополей, смешиваясь с грачиным криком, захлебываясь, стрекотали пулемёты.

Вот и нынче вышел Петька на двор раньше раннего, прижался ухом к мёрзнувшей земле, обжигаясь липким холодком, слушал. Сонно бухали орудия, а пулемёты бодро по-молодому выбивали в морозном воздухе глухую чечётку:

— Та-та-та-та-та…

Сначала пореже, потом чаще, минутный перебой и снова еле слышное:

— Та-та-та-та-та…

Чтобы не мерзли колени, подложил Петька под ноги полу зипуна, прилёг поудобнее, а из-за плетня простуженный голосок:

— Музыку слушаешь, паренёк? Музыка занятная… — Дрогнул Петька, вскочил на корточки, а через плетень сверлят его из-под клочковатых бровей стариковские глаза, в бороде пожелтелой хоронится ухмылочка.

Угадал Петька по голосу деда Александра, Четвёртого по прозвищу. Сказал сердито, стараясь переломить в голосе дрожь:

— Иди, дед, своей дорогой! Твоё дело тут вовсе не касается!..

— Моё-то не касается, а твоё, видно, касается?

— Не цепляйся, дед, а то пужану в тебя вот этим каменюкой, после жалиться будешь!

— Больно прыток! Прыток больно, говорю! Я тебя, свистуна, костылём могу погладить за такое к старику почтение!..

— Я тебя не трогаю, и ты меня не трожь!.

— Сопля ты зелёная, по-настоященски ежели разбираться, а тоже щетинишься!..

Взялся дед за колья плетня и легко перекинул через огорожу сухое жилистое тело. Подошёл к Петьке, оправляя изорванные полосатые порты, присел рядышком.

— Пулемёты слыхать?

— Кому слыхать, а кому и нет…

— А мы вот послухаем!..

Петька, скосившись, долго глядел на растянувшегося плашмя деда, потом нерешительно сказал:

— За вербой ежели прилечь, дюжей слышно.

— Послухаем и за вербой!

Переполз дед на четвереньках за вербу, обнял оголенные коричневые корни руками, на корни похожими, и минуты на две застыл в молчании.

— Занятно!.. — привстал, отряхая с колен мохнатый иней, и повернулся к Петьке лицом.

— Ты, малец, вот што: я наскрозь земли могу всё видать, а тебя с полёту вижу, чем ты и дышишь. Слухать этую музыку мы могём до бесконечности, но мы с сыном не то надумали… Знаешь ты мово Яшку? Какого за большевизму пороли нашинские казаки?

— Знаю.

— Ну, так мы с ним порешили навстречу красным итить, а не ждать, покель они к нам припожалуют!..

Нагнулся дед к Петьке, бородой щекочет ухо, дышит кислым шопотком:

— Жалко мне тебя, паренек. Вот как жалко!.. Давай уйдем с нами отсель, расплюёмся с всевеликим войском Донским! Согласен?

— А не брешишь ты, дед?

— Молод ты мне брехню задавать! По-настоященски выпороть тебя за такие подобные!.. Одна сучка брешет, а я правду говорю. Мне с тобой торговаться вовсе без надобности, оставайся тут, коли охота!..

И пошёл к плетню, мигая полосатыми портами.

Петька догнал, уцепился за рукав.

— Погоди, дедушка!..

— Неча годить, желаешь с нами итить — в добрый час, а нет, так баба с возу — кобыле легче!..

— Пойду я, дедушка, а когда?

— Про то речь после держать будем. Ты заходи нынче к нам ввечеру, мы на гумне с Яшей будем.

VI

Александр Четвёртый испокон века старичишка забурунный, во хмелю дурной, а в трезвом виде человек первого сорта. Фамилии его никто не помнит. Давненько, когда пришёл со службы из Иваново-Вознесенска, где постоем стояла казачья сотня, под пьянку заявил на станичном сходе старикам:

— У вас царь Александр III, ну, а я хоть и не царь, а все-таки Александр Четвёртый и плевать мне на вашего царя!..

По постановлению схода лишили его казачьего звания и земельного пая, всыпали на станичном майдане 50 розог за неуважение к высочайшему имени, а дело постановили замять; но Александр Четвёртый, натягивая штаны, низко поклонился станичникам на все четыре стороны и, застёгивая последнюю пуговицу, сказал:

— Премного благодарствую, господа-старики, а только я этим ничуть не напужанный!..

Станичный атаман атаманской насекой стукнул:

— Коли не напуженный — ещё подбавить!..

После подбавления Александр не разговаривал. На руках его отнесли домой, но прозвище Четвёртый осталось за ним до самой смерти.

Пришёл Петька к Александру Четвёртому перед вечером. В хате пусто. В сенцах муругая коза гложет капустные кочерыжки. По двору прошёл к гуменным воротцам — открыты настежь. Из клуни простуженный голосок деда:

— Сюда иди, паренёк!..

Подошёл Петька, поздоровался, а дед и не смотрит. Из самородного камня мастерит молотилку, рубцы выбивает, стоя на коленях. Брызжут из-под молота ошкребки серого камня и зеленоватые искры огня. Возле веялки сын деда, Яков, головы не поднимая, хлопочет, постукивает, прибивая к бортам оборванную жесть.

— К чему хозяйствуют-то, в зиму глядя? — подумал Петька, а дед стукнул последний раз молотком, сказал, не глядя на Петьку:

— Хотим оставить старухе всё хозяйство в справности. Она у меня бедовая, чуть што — крику не оберёшься! Может, кинул бы всю справу, как есть, но опасаюсь, что нареканиев много будет. Ушли такие-сякие, скажет, а дома хоть и травушка не расти!..

Смеются у деда глаза. Встал, похлопал Петьку по шее, сказал Якову:

— Кончай базар, Яша! Давай вот с постоваловым сынком потолкуем насчёт иного прочего…

Выплюнул Яков изо рта на ладонь мелкие гвоздочки, какими жесть на веялке прибивал, подошёл к Петьке, губы в улыбку растягивая:

— Здорово, красненький!

— Здравствуй, Яков Александрович!

— Ну, как, надумал с нами уходить?

— Я вчера деду Александру сказал, что пойду.

— Этого мало… можно с дурной головой собраться в ночь, и прощай станица! А надо памятку по себе какую-нибудь оставить. Оченно мы много добра от хуторных видали! Батю секли, меня за то, што на фронт не согласился итить, вовсе до смерти избили, твово родителя… эх, да што и гутарить!..

Нагнулся Яков к Петьке совсем близко, забурчал, ворочая нависшими круглыми бровями:

— Про то знаешь ты, парнище, што они, кадеты, т.-е. артиллерийский склад устроили в станичных конюшнях? Видал, как туда тянули снаряды и прочее?

— Видал.

— А, к примеру, ежели их поджечь, што оно получится?

Дед Александр толкнул Петьку локтем в бок, улыбнулся.

— Жу-уть!..

— Вот папаша мой рассуждает: жуть говорит и прочее, а я по-иному могу располагать. Красненькие под Щегольским участкам находются?

— Крутенький хутор вчерась заняли, — сказал Петька. — Ну вот, а ежели, к тому говорится, сделать тут взрыв и лишить их харчевого припасу, а также и военного, то они будут отступать без огляду до самого Донца! Во!..

Дед Александр разгладил бороду и сказал:

— Завтра, как толичко начнёт смеркаться, приходи к нам на это самое место… тут нас подождёшь, прихвати с собой, что требуется в дорогу, а за харч не беспокойся, мы свово приготовим.

Пошёл Петька к гуменным воротцам, но дед вернул его.

— Не иди через двор, на улице люди шалаются. Валяй через плетень, степью… Опаска, она завсегда нужна!

Перелез Петька через плетень, канаву, задернутую пятнистым ледком, перемахнул и мимо станичных гумен, мимо седых от инея, нахмуренных скирдов зашагал к дому.

VII

Ночью с востока подул ветер, повалил густой мокрый снег. Темнота прижухла в каждом дворе, в каждом переулке. Кутаясь в отцовский зипун, вышел Петька на улицу, постоял возле калитки, прислушался, как над речкой гудят вербы, сгибаясь под тяжестью навалившегося ветра, и медленно зашагал по улице ко двору Александра Четвёртого.

Из-под амбара из темноты голос:

— Это ты, Петро?

— Я.

— Иди сюда, левей держи, а то тут бороны стоят.

Подошёл Петька, под амбаром дед Александр с Яковом возятся. Собрались. Дед перекрестился, вздохнул и зашагал к воротам. Дошли до церкви. Яков, сипло покашливая, прошептал:

— Петруха, ты, голубь мой ясный, неприметнее и ловчее нас… тебя не заметют… Ползи ты через площадь к складам; видал, где ящики из-под патронов вблизи стены сложенные?

— Видал.

— На тебе трут и кресало, а это конопли в керосине смоченные… подползёшь, зипуном укройся и высекай огонь. Как конопли загорятся, клади промеж ящиков и гайда… к нам. Ну, трогай, да не робей!.. мы тебя тут ждать будем.

Дед и Яков присели около ограды, а Петька, припадая животом к земле, обросшей лохматым пушистым инеем, пополз к складам.

Петькин зипунишко прощупывает ветер, холодок горячими струйками ползёт по спине, колет ноги. Руки стынут от земли, скованной морозом. Ощупью добрался до склада. Шагах в пятнадцати красным угольком маячит цигарка часового. Под тесовой крышей сарая воет ветер, хлопает оторванная доска. Оттуда, где рдеет уголёк цигарки, ветер доносит глухие голоса.

Присел Петька на корточки, закутался с головой в зипун. В руке дрожит кресало, из пальцев иззябших выскакивает трут.

— Черк!.. Черк!..

Еле слышно черкает сталь кресала об края кремня, и Петьке кажется, что стук слышен по всей площади, и ужас липкой гадюкой перевивает горло. В намокших пальцах отсырел трут, не горит… ещё и ещё удар, задымилась багряная искорка, и светло и нагло пыхнул пук конопли. Дрожащей рукой сунул под ящики, мгновенно уловил запах палёного дерева и, приподнимаясь на ноги, услышал топот ног, глухие, стрянущие в темноте голоса:

— Ей-богу, огонь!.. А-а-а, гляди!!!

Опомнившись, рванулся Петька в настороженную темь, вслед ему грохнули выстрелы, две пули протянули над головой полоски тягучего свиста, третья бринжанием забороздила темноту где-то далеко вправо. Почти добежал до ограды. Сзади надсадно кричали:

— По-жа-ар!.. По-жа-ар!..

Стукали выстрелы.

— Только бы до угла добежать! — трепыхается мысль в голове у Петьки. Напряг все силы, бежит. Колючий звон режет уши.

— Только бы до ограды!..

Горячей болью захлестнуло ногу, ковыляя, пробежал несколько шагов, ниже колена по ноге ползет теплая мокрость… Упал Петька, через секунду вскочил, попрыгал на четвереньках, путаясь в полах зипуна.

Долго сидели дед с Яковом, ветер турсучил в ограде привязанную к большому колоколу веревку и, раскачивая языки у маленьких колоколов, разноголосо и тихо вызванивал.

В темноте, возле складов, застывших посередь площади сутулыми буграми, сначала глухие, изорванные ветром голоса, потом рыжим язычком лизнул темноту огонь, хлопнул выстрел, другой, третий… Над оградой топот, прерывистое дыхание, голос придушенный:

— Дедушка, помоги!.. Нога у меня…

Дед с Яковом подхватили Петьку под руки, с разбегу окунулись в тёмный переулок, бежали, спотыкались о кочки, падали. Миновали два квартала, когда с колокольни сорвался набат, звонко хлестнул тишину и расплескался над спящей станицей.

Рядом с Петькой дед Александр хрипит и суетливо вскидывает ногами. Петькины щёки щекочет его разметавшаяся борода.

— Батя, в сады!.. В сады держите!..

Перескочили канаву и остановились, переводя дух.

Над станицей, над площадью словно треснула пополам земля. Прыгнул выше колокольни пунцовый столбище огня, густо заклубился дым… Ещё и ещё взрыв…

Тишина, а потом разом по всей станице взвыли собаки, снова грохнул онемевший было набат, истошный бабий крик повис над дворами, а на площади жёлтое, волнистое полымя догола вылизывает рухнувшие стены складов и, длиннорукое, тянется к поповским постройкам.

Яков присел за нагим кустом тёрна, сказал потихоньку:

— Убегать теперь совсем невозможно. По станице хоть иголки собирай, ишь, как полыхает!.. Да и ногу Петяшкину надо бы поглядеть…

— Надо подождать зари, пока не угомонится народ, а потом будем продвигаться до казённых лесов.

— Довольно пожилой вы человек, батя, а располагаете промеж себя, как дитё! Ну, мыслимо ли это дело — ждать в станице, когда кругом нас теперя ищут? Опять, ежели домой объявиться, то нас сразу сбатуют. Мы в станице первые на подозрении.

— Оно так, ты верно, Яша, говоришь.

— Может, в нашем дворе, в катухе переднюем? — морщась от боли, спросил Петька.

— Ну, это подходящее; там рухлядь есть какая?

— Кизеки сложены.

— Потихоньку давайте трогаться!.. Батя, и куда вы лезете передом? Шли бы себе очень спокойно позаду!

VIII

К утру в прикладке кизек Яков с Петькой вырыли глубокую яму, чтобы было теплее, застелили её снизу и с боков сухим бурьяном, спустились туда, а верх заложили сухой повителью, арбузными плетями, свезёнными с бахчей для топки.

Яков порвал на себе исподнюю рубаху и перевязал Петьке простреленную ногу. Сидели втроём до самого вечера. Утром во двор приходили люди. Слышен был глухой разговор, лязг замка, потом голос совсем неподалеку сказал:

— Постовалов-парнишка, должно, на хуторе работает. Брось, браток, замок выворачивать! На кой он тебе ляд? У Постовала в хате одни воши да шерсть, там дюже не разживёшься!..

Шаги заглохли где-то за сараем.

Ночью ахнул мороз. С вечера слышно было, как лопалась на проулке земля, с осени щедро набухшая влагой. По небу, запорошенному хлопьями туч, засуетился в ночном походе кособокий месяц. Из тёмно-синих круговин зазывно подмаргивали звёзды. Сквозь дырявую крышу ночь глядела в катух.

В яме под дерьмом и кизеками тепло. Дед Александр, уткнув подбородок в колени, спит, всхрапывая и шевеля ногами. Петька и Яков разговаривают вполголоса.

— Батя, проснись! Когда вы разгуляете сон? В путь пора!

— Ась? В путь пора? Можно…

Долго и осторожно разбирали кизеки. Слегка приоткрыли дверь, — на дворе, по проулку ни души. Миновали крайний двор в станице, через леваду вышли в степь. До яра сажен сто ползли по снегу. Сзади станица с жёлтыми веснушками освещённых окон пристально смотрит в степь. По яру до казённого леса шли тихо, осторожно, словно на зверя. Звенел под ногами ледок, снег поскрипывал. Голое каменистое днище яра кое-где запруживалось сугробом, по нём — голубые петли заячьих следов.

Яр одной отножиной упирается в опушку казённого леса. Выбрались на пригорок, поглядели вокруг и не спеша потянулись к лесу.

— До Щегольского нам опасно итти не узнамши. Скоро фронт откроется — могём попасть к белым.

Яков, вбирая голову в растопыренные полы полушубка, долго высекал кресалом огонь. Сыпались огненные капли, сухо черкала сталь о кремень. Трут, натёртый подсолнечной золой, зарделся и вонюче задымил. Яков два раза затянулся, ответил отцу:

— Я так полагаю: давайте зайдём к лесничему Даниле, как он есть наш прекрасного знакомства человек. У него узнаем, как нам пройти через позиции, да кстати и Петяшку малость обогреем, а то он у нас замерзнет вчистую!..

— Мне, Яков Александрович, не дюже зябко.

— Молчи уж, не бреши, парнишка! Зипун-то твой не от холода построенный, а от солнышка.

— Трогай, Яша, трогай, сынок!.. Смотри, куда Стожары поднялись, — скоро полночь, — сказал дед.

Сажен полсотни не доходя до лесной сторожки, остановились. У лесника Данилы в окошке огонь, видно, как из трубы лениво ползет дымок. Месяц повис над лесом, неловко скособочившись.

— Должно, никого нет; пойдёмте.

Под сараем забрехала собака. Обмерзшие порожки крыльца скрипят под ногами. Постучались.

— Хозяин дома?

Из сторожки к окну прилипла чья-то борода.

— Дома, а кого Бог принёс?

— Свои, Данила Лукич, пущай за ради Христа обогреться!

В сенцах пискнула дверь, засов громыхнул. На пороге встал лесничий, из-под правой руки глядит на гостей, а в левой винтовку за спину хоронит.

— Никак ты, дед Александр?

— Он самый… Пущай переночевать-то?

— Кто его знает… ну да проходите, небось, уместимся!

В комнатушке жарко натоплено. Возле печи на разостланной полсти лежат трое, — в головах седла, в углу винтовки. Яков попятился к двери.

— Кто это у тебя, хозяин?

С полсти голос:

— Аль не узнал станишников? А мы вас со вчерашнего дня поджидаем. Думаем, всё одно им казённого леса и Даниловой сторожки не миновать… Ну, раздевайтесь, дорогие гостечки, переночуем, а завтра без пересадки направим вас на царевы качели!.. Давно по вас верёвонька плачет!..

Привстали казаки с полсти, за винтовки взялись.

— Вяжи поджигателям руки, Семён!..

IX

Двое спят на постели, третий сидит за столом, свесив голову, промеж ног у него винтовка. Лесник Данила кинул на пол дерюгу.

— Постели, дед Александра, все костям вольготнее будет!

— Смотри, жалостливый человек, как бы самому на ней спать не пришлось!.. Слышь, лесник? Возьми дерюгу!.. Они склады спалили, за такие дела и на морозе рядом с хозяйской сукой поспать не грех!..

Перед зарей запросился дед на двор:

— Пусти, сынок, сходить требуется по надобности…

— Ничего, дед, мочись в штаны, либо в валенок!.. Завтра подвесим тебя на перекладину, там просохнешь!

В окна царапался немощный зимний рассвет. Встали казаки, умылись, сели завтракать. Яков неприметно шепнул отцу и Петьке:

— Бечёвку я перетёр ночью… Как дойдём до станицы — все врозь, в леваду, а оттель в гору… в норы, откуда мы камень рыли… Там-от-ка с роду не возьмут нас!..

Шли связанные конопляной верёвкой все трое за руки. Петька припадал на раненую ногу, скрипел зубами от ноющей боли.

Вот и станица, разметавшая по краям седые космы левад, словно баба в горячке. Когда свернули в первый проулок, Яков с перекошенным побелевшим ртом рванул веревку и, виляя по снегу, кинулся в левады. Дед Александр и Петька следом. Все врозь. Сзади крик:

— Стой, стой, в заразу мать!..

Выстрелы и топот конских ног. Петька, перепрыгивая канаву, оглянулся: дед Александр упал, зарываясь простреленной головой в сугроб, и высоко взбрыкнул ногами.

Гора с верхушкой, опоясанной снегом, бежит навстречу. Глазными впадинами чернеют ямы, оттуда казаки добывали камень. Яков нырнул первым, за ним Петька.

Извиваясь, обрывая одежду, царапая до крови тело об острые уступы, ползли в сырой, придавленной темноте. Иногда Петьку больно били по голове сапоги Якова. Нора раздвоилась, поползли налево. Петькины ладони в мерзлой глине, сверху за шиворот сочится вода.

Яма под ногами. Спустились и сели рядом.

— Горе мне!.. Батю, должно, убили, — прошептал Яков.

— Упал он возле канавы…

Глохнут, будто чужие, голоса. Темь липнет на веки.

— Ну, Петька, теперь они нас измором будут брать. Пропадём мы, как хорь в норе, а впрочем, кто его знает!.. Лезть к нам они побоятся. Эти норы мы с батей рыли ещё до германской войны. Я все ходы знаю… давай полозть дальше.

Ползли. Иногда упирались в тупик. Сворачивали назад, другую тропку искали.

В густой вязкой тьме жались двое суток.

Тишина звенела в ушах. Почти не разговаривали. Спали, чутко прислушиваясь. Где-то вверху буравила землю вода. Просыпались, опять спали…

Потом, тыкаясь в стены, как слепые щенки, полезли к выходу. Долго блуждали, и внезапно больно и ярко стегнул по глазам свет.

У входа в каменную пещеру ворох серой золы, окурки, патронные гильзы, следы многих и многих человеческих ног, а когда выглянули — увидели: по

дороге к станице на лошадях с куцо подрезанными хвостами змеилась конница; серым клубом сзади валила пехота, ветер полоскал малиновое знамя и далеко нёс голоса, хохот, команду, скрип полозьев.

Выскочили. Бежали, падали. Яков махал руками и кричал высоким надорванным голоском:

— Братцы! Красненькие! Товарищи!..

Конница сгрудилась на дороге гнедой кучей лошадей.

Сзади напирала захлюстанная пехота.

Яков тряс головой, всхлипывая, кидался целовать стремена и кованые сапоги красноармейцев, а Петьку подхватили на руки, жмякнули в сани в ворох духовитого степного сена, накрыли шинелями.

Покачиваются сани. Шинели пахнут родным кислым потом, как отцова рубаха когда-то пахла…

Кружится голова у Петьки, тошнотой наливается грудь, а в сердце, как жито майское после дождя, цветет радость. Чья-то рука приподняла шинель, нагнулось к Петьке безусое обветренное лицо, улыбка ползёт по губам.

— Живой, дружище? А сухари потребляешь?

Суют Петьке в непослушный рот жеваные сухари, колючими варежками трут обмёрзшие Петькины пальцы. Хочет он что-то сказать, но во рту ржаное месиво, а в горле комом стрянут слезы.

Поймал жесткую чёрную руку и к груди прижал крепко-на-крепко.

Часть вторая

I

Дом большой, крытый жестью, на улицу — шесть весёлых окон с голубыми ставнями. Раньше станичный атаман жил, а теперь клуб ячейки РКСМ помещается. Год 1920, нахмуренный слюнявый сентябрь, ночная темень в садах и в проулках.

В клубе собрание, смрад, гул голосов. За столом секретарь ячейки Петька Кремнев, рядом член бюро Григорий Расков. Решается важный вопрос: показательная обработка земли, отведённой земотделом для ячейки.

Через полчаса — кусок протокола:

«Слушали: доклад т. Раскова об отмере земли на участке Крутеньком.

Постановили: выделить для немедленного осмотра и отмера земли т.т. Раскова и Кремнева».

Потушили лампу. Дробно застучали ногами по крыльцу. Петька постоял около угла и, глядя, как в млечной темноте покачивается белая рубаха Раскова, крикнул в гулкую тишину задремавшей станицы:

— Гришка, слышь? Люди-то пашут, про обывательскую подводу и думать забудь! Пешком пойдём!

II

Чахоточная зорька. По утрамбованной дороге недавно прошёл табун. Пыль повисла на верхушках степной полыни. На бугре пахота. На ней червями

копошатся люди, ползают запряжённые в плуги быки. Ветер крутит крики погонычей, свист и щелканье кнутов.

Ребята шагали молча. Солнце в полдень — подошли к участку. Десяток тавричанских дворов застрял в степной балке. Около плотины баба, подоткнув подол, шлёпает вальком. С той стороны в воду по пузо залезли цветные коровы. Приподняв уши, с дурацким видом долго смотрели на ребят. Передняя, чего-то испугавшись, дико задрала хвост и шарахнулась на плотину, за ней рванулся весь табун. Пронзительно защёлкал арапником седобородый пастух, подпасок, мелькая чёрными пятками, побежал заворачивать. На гумне под отрывистый стук паровой молотилки певучий девичий голос прокричал:

— Гарпишка, ходым подывимся — якись-то красни до нас пийшлы!..

До вечера искали ребята участкового председателя, ели на квартире душистые дыни, а землю порешили смотреть завтра. Хозяйка постелила им в сенцах. Григорий уснул сразу, а Петька долго ворочался, ловил под овчинной шубой блох, думал, какую землю отведёт шельмоватый хохол-председатель.

В полночь хозяин стукнул щеколдой, глянул с крыльца на звёздное небо и направился в конюшню замесить лошадям. Заскрипел колодезный журавль, в степи призывно-протяжно заржал жеребёнок. Со двора глухо доносились голоса. Петька проснулся.

Григорий во сне скрипнул зубами, поворачиваясь на другой бок, произнёс печально и внятно:

— Смерть — это, братец, не фунт изюма!..

В сенцы, стукая сапогами, вошёл председатель.

— Хлопцы, а хлопцы, чуете?

— Ну?

— Така ряда чума его знае… Зараз приихав с Вежинского хутора наш участковец, так каже, що тый хутор Махно забрав. Це треба вам, хлопцы, тикать!..

Петька буркнул спросонок:

— Ну, а земля как же? Отмерь завтра участок, тогда уж пойдём, а то штож задарма ноги бить!

Снится зарею Петьке, что он в райкоме на собрании, а по крыше кто-то тяжело ступает, и жесть, вгинаясь, ухает: гу-у-ух!.. ба-а-ах!

Проснулся — смекнул: орудийный бой. Тревожно сжалось сердце. Наспех собрались, прихватили деревянный сажень и, отмахиваясь от взбеленившихся собак, вышли за участок.

— Сколько до Вежинского вёрст? — спросил Григорий.

Вышагивал он молча, задумчиво обрывал лепестки на пунцовой головке придорожного татарника.

— Верстив около тридцати.

— Успе-е-ем!

Минуя бахчи, поднялись на пригорок. Петька уронил подсумок с патронами, обернулся поднять и ахнул: с той стороны участка стройными колоннами спускались всадники. У переднего, ветром подхваченное, как подшибленное крыло птицы, трепыхалось чёрное знамя.

— Ах, мать твою!..

— Бог любит! — подсказал Григорий, а у самого прыгнули губы, и серым налтом покрылось лицо.

Председатель уронил сажень, сам не зная для чего полез в карман за кисетом. Петька стремительно скатился в балку, Григорий за ним.

Странно путаются непослушные ноги, бег черепаший, а сердце колется на части, и зноем наливается рот. На дне водой промытой балки сыро. Пахнет илом, вязнут ноги. Петька на бегу смахнул сапоги и ловчее перехватил винтовку; у Григория зеленью покрылось лицо, губы свело, дыханье бьётся с хрипом. Упал и далеко отшвырнул винтовку.

— Бросай, Петя, поймают — убьют!..

Петьку передернуло.

— Ты с ума сошёл?!. Возьми скорее, сволочь!

Григорий вяло потянул винтовку за ремень. Минуту сверлили друг друга тяжёлыми чужими глазами.

Снова бежали. У конца балки Григорий запрокинулся на спину. Скрипнул Петька зубами, схватил под мышки сухое тело товарища и потащил волоком. Балка разветвилась, отножина с лошадиными костьми и седой полынью уперлась прямо в пахоту. Около арбы хохол запрягает в плуг лошадей.

— Лошадей до станицы!.. Махновцы догоняют!

Схватился Петька за хомут, хохол за Петьку.

— Не дам!.. Кобыла сжеребёна, куда на ней ихаты?!

Крепкий хохол, корявыми пальцами цепко прирос к стволу, и мелькнула у Петьки мысль: вырвет винтовку, убьёт за сжеребённую кобылу.

Впитал в себя страшные колючие глаза, рыжую щетину на щеках, мелкую дрожь около рта и рванул винтовку. Звонко лязгнул затвором.

— Уйди!

Нагнулся хохол за топором, что лежал около арбы, а Петька, чувствуя липкую тошноту в горле, стукнул по крутому затылку прикладом. Ноги в морщёных сапогах, как паучьи лапки, судорожно задвигались…

Григорий обрубил постромки и вскочил на кобылу. Под Петькой заплясал серый в яблоках тавричанский мерин. Поскакали пахотой на дорогу. Дружно заговорили копыта. Глянул Петька назад, а над балкой ветер пыльцу схватывает. Рассыпалась погоня — идёт во весь дух.

Верст пять смахнули, те все ближе. Видно, как передняя лошадь с задранной головой бросками кидает назад сажени, а у всадника вьётся чёрная лохматая бурка.

Кобыла под Григорием заметно сдавала ход, хрипела и коротко, отрывисто ржала.

— Жеребиться кобыла будет… Пропал я, Петя! — крикнул сквозь режущий ветер Григорий. На повороте около кургана соскочил он на ходу, лошадь упала. Петька сгоряча проскакал несколько сажен, но опомнился и круто повернул назад.

— Что же ты?! — плачущим голосом крикнул Григорий, но Петька уверенно и ловко загнал обойму, прыгнул с лошади, приложился с колена, выстрелил в чёрную надвигающуюся бурку и, выбрасывая гильзу, улыбнулся.

— Смерть — это, братец, не фунт изюма!

Выстрелил ещё раз. На дыбы встала лошадь, чёрная бурка сползла на землю, застрял сапог в стремени, и лошадь бездорожно помчалась в клубах пыли.

Проводил её Петька невидящим взглядом и, широко расставив ноги, сел на дорогу. Григорий, растирая в потных ладонях душистую головку чеборца, дико улыбался.

Петька проговорил серьёзно и тихо:

— Ну, теперь шабаш! — и лёг на землю вниз лицом.

III

Во дворе исполкома сотрудники зарывали зашитые в мешки бумаги. Председатель Яков Четвёртый на крыльце чинил заржавленный и убогий пулемёт. С утра ждали милиционеров, уехавших на разведку. В полдень Яков подозвал бежавшего мимо комсомольца Антошку Грачёва, улыбнулся глазами, сказал:

— Возьми в конюшне лошадь, какая на вид справней, и скачи на Крутенький участок; может, повстречаешь нашу разведку — передашь, чтобы вертались в станицу. Винтовка у тебя есть?

Антошка мигнул босыми пятками, крикнул на бегу:

— Винтовка есть и двадцать штук патрон!

— Ну, жарь, да поживее!

Через пять минут со двора исполкома вихрем вырвался Антошка, сверкнул на председателя серыми мышастыми глазенками и заклубился пылью.

С крыльца исполкома видно Якову равномерно покачивающуюся лошадиную шею и непокрытую курчавую голову Антошки. Постоял на порожках, вошёл в коридор, изветвлённый седой паутиной. Сотрудники и ячейка в сборе. Окинул всех усталыми глазами, сказал:

— Антошка пыхнул на разведку… — Помолчал, добавил, задумчиво барабаня пальцами: — А ребята на участке… уйдут от Махна, нет ли?

Бродили по гулким, опустелым комнатам исполкома, читали тысячу раз прочитанные частухи Демьяна Бедного на полинявших плакатах. Часа через два во двор исполкома на рысях вскочили ездившие в разведку милиционеры. Не привязывая лошадей, вбежали на крыльцо. Передний, густо измазанный пылью, крикнул:

— Где председатель?

— Вот он идёт.

— Ну, как, видали? Много их? На колокольне отсидимся?..

Милиционер безнадёжно махнул плетью.

— Мы наткнулись на их головной эскадрон… Насилу ноги унесли! Всего их тысяч десять; прут, будто галь чёрная.

Председатель, морща брови, спросил:

— Антошку не встречали?

— Мы не узнали кто это, а видно было, как за Крутым логом в степь правился один верховой. Должно, к Махну попал…

Стояли плотной кучей, перешёптывались. Председатель дернул лохматую бороду, выдавил откуда-то из серёдки:

— Ребятёнки, какие землю пошли отмерять на участок, явно пропали… Антошка тоже… Нам придётся хорониться в камыше… Против Махна мы ничтожество…

Продагент рот раззявил, хотел что-то сказать, но в двери упало тревожно и сухо:

— Ходу, товарищи! На бугре — кавалерия!..

Как ветром, сдуло людей. Были — и нету. Станица вымерла. Закрылись ставни. Над дворами расплескалась тишина, лишь в бурьяне, возле исполкомовского плетня, надсадно кудахтала потревоженная кем-то курица.

IV

Ветер хлопающим пузырем надул на Антошкиной спине рубашку. Без седла сидеть больно. Рысь у коня тряская, не шаговитая. Придержал повода, на гору из Крутого лога стал подниматься и неожиданно в версте расстояния от себя увидел сотню конных и две тачанки позади. Шарахнулась мысль: «махновцы».

Задёрнул коня, по спине колкий холодок, а конь, как назло, лениво перебирает ногами, не хочет со спокойной рыси переходить в карьер.

Его увидали, заулюлюкали, стукнули дробью выстрелов. Ветер хлещет в лицо, слёзы застилают глаза, в ушах режущий свист. Страшно повернуть назад голову. Оглянулся только тогда, когда проскакал окраинные дворы станицы. На ходу соскочил с лошади, пригинаясь, побежал к ограде. Подумал: «Если бежать через площадь — увидят, догонят… в ограду на колокольню…»

Тиская в левой руке винтовку, правой толкнул калитку, затопотал по ограде, шурша босыми ногами по усыпанной листьями земле. Церковная витая лестница. Запах ладана и затхлой ветхости, голубиный помет.

На верхней площадке остановился, лёг плашмя, прислушался. Тишина. По станице петушиные крики.

Положил рядом с собой винтовку, снял подсумок, отёр со лба липкую испарину. В голове мысли в чехарду играют: «Все равно меня убьют — буду в них стрелять… — Петька Кремнев сказал как-то: — Махно — буржуйский наёмник…»

Вспомнилось, как стреляли на прошлой неделе за речкой в арбу на сто шагов, и он, Антошка, попадал чаще, чем все ребята… В горле щекочущая боль, но сердце реже перестукивает.

Шесть всадников осторожно выехали на площадь, спешились, лошадей привязали к школьному забору.

Вновь рванулось и зачастило Антошкино сердце. Крепко сжал он зубы, унимая дрожь, прыгающими пальцами вставил обойму.

Откуда-то из проулка вырвался ещё один конный, покружился на бешено танцующей лошади и, вытянув её плетью, так же стремительно умчался назад. По небрежной ухарской посадке Антошка узнал казака; взглядом провожая зелёную гимнастерку, качавшуюся над лошадиным крупом, вздохнул.

Застрекотали тачанки, зацокали бесчисленные копыта лошадей, прогромыхала батарея. Станица, как падаль червями, закишела пехотой, улицы запрудились тачанками, зарядными ящиками, пулемётными тройками.

Антошка, чувствуя легкий озноб, пальцами холодными и чужими тронул затвор, прислушался. Наверху, среди перекладин, ворковал голубь.

— Подожду малость…

Около ограды спешенные махновцы кормили лошадей. Меж лошадьми кучами лежали они в цветных шароварах и ярких кушаках, как пёстрая, речная галька. Говор, взрывы смеха, а по дороге, по двое в ряд, тачанки катились и катились…

Решившись, Антошка поймал на мушку серую папаху пулемётчика. Гулко полыхнул выстрел, пулемётчик ткнулся головой в колени. Ещё выстрел — кучер выронил вожжи и тихо сполз под колеса. Ещё и ещё…

У коновязей взбесились лошади, с визгом лягали седоков. На дороге билась в постромках раненая пристяжная, около школы с размаху опрокинулась пулемётная тачанка, и пулемёт в белом чехле беспомощно зарылся носом в землю. Над колокольней тучей повисло конское ржанье, крики, команда, беспорядочная стрельба…

С лязгом пронеслась назад батарея. Антошку увидали. С деревянной перекладиной сочно поцеловалась пуля. Площадь опустела. На крыльце школы матрос-махновец ловко орудовал пулемётом, жалобно звенели пули, скользя по старому, позеленевшему колоколу. Одна рикошетом ударила Антошку в руку. Отполз, привстал, влипая в кирпичную колонну, выстрелил: матрос всплеснул руками, закружился и упал грудью на подгнившие кособокие ступеньки крыльца.

За станицей, около кладбища, с передка соскочила разлапистая трехдюймовка, на облупившуюся церквенку зевнула стальной пастью. Гулом взбудоражилась лицемерно притаившаяся станичонка.

Снаряд ударился под куполом, засыпал Антошку пыльной грудою кирпичей и звоном негодующим брызнул в колокола.

V

Петька лежал ничком, не двигаясь, но остро воспринимая и пряный запах чеборца, и четкий топот копыт.

Изнутри надвинулась дикая, душу выворачивающая тошнота, помотал головой и, приподнявшись, увидел около парусиновой рубашки Григория пенистую лошадиную морду, синий казацкий кафтан и раскосые калмыцкие глаза на коричневом от загара лице.

В полверсте остальные кружились около лошади, носившей за собой истерзанную бурку на истерзанном человеческом теле.

Когда Григорий заплакал, по-детски всхлипывая, захлёбываясь и ломающимся голосом что-то закричал, у Петьки дрогнуло под сердцем живое. Смотрел, не моргая, как калмык привстал на стремена и, свесившись набок, махнул белой полоской стали. Григорий неуклюже присел на корточки, руками хватился за голову, рассечённую надвое, потом с хрипом упал, и в горле у него заклокотала, и потоком вывалилась кровь.

В памяти остались подрагивающие ноги Григория и багровый шрам на облупившейся щеке калмыка. Сознание потушили острые шипы подков, вон-

зившихся в грудь, шею застегнул волосяной аркан, и всё бешено завертелось в огненных искрах и жгучем тумане.

Очнулся Петька и застонал от страшной боли, пронизывающей глаза. Тронул рукой лицо, с ужасом почувствовал, как из-под века ползет на щеку густая студенистая масса. Один глаз вытек, другой опух, слезился. Сквозь маленькую щёлку с трудом различал Петька над собой лошадиные морды и лица людей. Кто-то нагнулся близко, сказал:

— Вставай, хлопче, а то живому тебе не быть!.. В штаб группы на допрос ходим!.. Ну, встанешь? Мне все однаково могём тебя и без допроса к стенке прислонить!..

Приподнялся Петька, кругом цветное море голов, гул, конское ржанье. Провожатый в серой смушковой папахе пошёл передом. Петька, качаясь, следом.

Шея горела от волосяного аркана, на лице кровью запеклись ссадины, а всё тело полыхало болью, словно били его долго и нещадно.

Дорогой к штабу огляделся Петька по сторонам; везде, куда глаз кинет: по площади, по улицам, по сплюснутым, кривеньким переулкам — люди, кони, тачанки.

Штаб группы в поповском доме. Из распахнутых окон прыгает на улицу старческий хрип гитары, звон посуды; видно, как на кухне суетится попадья, гостей дорогих принимает и потчует.

Петькин провожатый присел на крылечке покурить, буркнул:

— Постой коло крыльца, у штабе дела делают!

Петька прислонился к скрипучему перилу, во рту спеклось, пересох язык, сказал, трудно ворочая разбитым языком:

— Напиться бы…

— А вот тебя у штабе напувают!

На крылечко вышел рябой матрос. Синий кафтан перепоясан красным кумачёвым кушаком, махры до колен висят, на голове матросская безкозырка, выцветшая от времени надпись: «Черноморский флот». У матроса в руках нарядная в лентах трёхрядка. Глянул на Петьку сверху вниз скучающими зеленоватыми глазками, замаслился улыбкой и лениво растянул гармонь:

Коммунист молодый,
На що женишься?
Приде батько Махно,
Куда денешься?..

Голос у матроса пьяный, но звучный. Повторил, не поднимая закрытых глаз:

Приде батько Махно,
Куда денешься?..

Провожатый последний раз затянулся папироской, сказал, не оборачивая головы:

— Эй, ты, косое падло, иди за мной!

Петька поднялся по крыльцу, вошёл в дом. В прихожей над стеной распластано чёрное знамя. Изломанные морщинами белые буквы: «Штаб Второй Группы» — и немного повыше: «Хай живе вильна Украйна».

VI

В поповской спальне дребезжит пишущая машинка. В раскрытые двери ползут голоса. Долго ждал Петька, мялся в полутёмной прихожей. Ноющая глухая боль костенила волю и рассудок. Думалось Петьке: порубили махновцы ребят из ячейки, сотрудников, и ему из поповской прокисшей ладаном спальни зазывно подмаргивает смерть. Но от этого страхом не холодела душа. Петькино дыханье ровно, без перебоев, глаза закрыты, лишь кровью залитая щека подрагивает, нервно дёргается.

Из спальни голоса, щелканье машинки, бабьи смешки и хрупкие перезвоны рюмок.

Мимо Петьки попадья на рысях в прихожую, следом за ней белоусый перетянутый махновец тренькает шпорами, на ходу крутит усы. В руках у попадьи графин, глазки цветут миндалем.

— Шестилетняя наливочка, приберегла для случая. Ах, если б вы знали, что за ужас жить с этими варварами!.. Постоянное преследование. Ячейка даже пианино приказала забрать. Подумайте только, у нас взять наше собственное пианино! А?

На ходу уперлась в Петьку блудливо шмыгающими глазами, брезгливо поморщилась и, угадав, шепнула махновцу:

— Вот председатель комсомольской ячейки… ярый коммунист… Вы бы его как-нибудь…

За шелестом юбок не дослышал Петька конца фразы.

Минуту спустя его позвали.

— В угловую комнату живее иди, трясцив твоей матери…

Белоусый в серебристой каракулевой папахе за столом.

— Ты комсомолец?

— Да.

— Стрелял в наших?

— Стрелял…

Махновец задумчиво покусал кончик уса, спросил, глядя выше Петькиной головы:

— Расстреляем, не обидно будет?

Петька вытер ладонью выступившую на губах кровь, твёрдо сказал:

— Всех не перестреляете.

Махновец круто повернулся на стуле, крикнул:

— Долбышев, возьми хлопца и снаряди с ним на прогулку второй взвод!..

Петьку вывели. Провожатый на крыльце ремешком связал Петькины руки, затянул узел, спросил:

— Не больно?

— Отвяжись, — сказал Петька и пошёл в ворота, нескладно махая связанными руками. Провожатый притворил за собой калитку и снял с плеча винтовку.

— Погоди, вон взводный идёт!

Петька остановился. Было нудно оттого, что нестерпимо чесался подбородок, а почесать нельзя — руки связаны.

Подошёл низенький колченогий взводный. От высоких английских гетр завоняло дёгтем. Спросил у провожатого:

— Ко мне ведёшь?

— К тебе, велели поскорее!..

Взводный поглядел на Петьку сонными глазами, сказал:

— Чудак народ… Валандаются с парнишкой, его мучают и сами мучаются…

Хмуря рыжие брови — ещё раз глянул на Петьку, выругался матерно, крикнул:

— Иди, вахлак, к сараю!.. Ну!..

— Иди, говорят тебе, и становься к стене мордой!..

На крыльцо вышел белоусый махновец из штаба, перевесившись через резные балясы, сказал:

— Взводный, чуешь?.. Не стреляй хлопца, нехай он ко мне пойдёт!..

Петька взошёл на крыльцо, встал, прислонясь к двери. Белоусый подошёл к нему вплотную, сказал, стараясь заглянуть в узенькую, окровяненную щёлку глаза:

— Крепкий ты, хлопец… Я тебя милую, запишу к батькови в войско. Служить будешь?

— Буду, — сказал Петька, закрывая глаз.

— А не утикнешь?

— Кормить будете, одевать будете — не сбегу…

Белоусый засмеялся, наморщил нос

— И хотел бы утикнуть, да не сможешь… Я за тобой глаз поставлю, — оборачиваясь к провожатому, сказал:

— Возьми, Долбышев, хлопца в свою сотню, выдай, что ему требуется, из барахла; он на твоей тачанке будет. Гляди в оба. Винтовку пока не давай!

Хлопнул Петьку по плечу и покачиваясь ушёл в дом.

Из станицы выехали на другой день в полдень. Петька сидел рядом с вислоусым Долбышевым, качался на козлах, думал тягучую, нудную думу.

Взмешенная грязь по дороге после дождя вспухла кочками. Тачанку встряхивает, раскачивает из стороны в сторону. Шагают мимо телеграфные столбы, без конца змеится дорога.

В хуторах, в посёлках — шум, мужичьи взгляды исподлобья, бабий надрывный вой…

Вторая группа откололась от армии и пошла по направлению к Миллерову; армия двигалась левей.

Перед вечером Долбышев достал из козел измятую буханку хлеба, разрезал арбуз, прожёвывая, кинул Петьке:

— Ешь, браток, ты теперь нашей веры!

Петька с жадностью съел ломоть спелого арбуза и краюху хлеба, пахнущую конским потом.

Долбышев откромсал тесаком еще ломоть, сунул Петьке.

— Только нет у меня на тебя надёжи! Так соображаю я, что сбегишь ты от нас! Порубать бы тебя — куда дело спокойнее!

— Нет, дядька, напрасно ты так думаешь. Зачем я от вас буду убегать? Может, вы за справедливость воюете…

— Ну, да, за справедливость, а ты думал как?

Петька поправил на глазу повязку и сказал:

— А ежели за справедливость, то на что ж вы народ обижаете?

— А чем мы его забижаем?

— Как чем? Всем! Вот хутор проехали, ты у мужика последний ячмень коням забрал. А у него детишкам есть нечего.

Долбышев скрутил цигарку, закурил.

— На то батьковин приказ был.

— А ежели бы он приказ дал всех мужиков вешать?

— Гм… Ишь ты куда заковырнул!..

Долбышев развешал над головой полотнища махорочного дыма — промолчал, а на ночевке Петьку позвал к себе сотенный, рябой матрос Кирюха-гармонист, — сказал, помахивая маузером:

— Ты, в гроб твою мать, так и раз-этак, если ещё раз пикнешь насчёт политики — прикажу поднять у тачанки дышло и повесить тебя, сучкинова сына, вверх ногами… Понял?

— Понял, — ответил Петька.

— Ну, метись от меня ветром, да помни, косой выволочек, чуть что — другой глаз выдолблю и повешу!..

Понял и Петька, что агитацию нужно вести осторожнее. Дня два старался загладить свой поступок: расспрашивал у Долбышева про батьку, про то, в каких краях бывали, но хохол хранил упорное молчание, глядел на Петьку подозрительным, исподлобья, взглядом, цедил сквозь сжатые зубы скупые слова. Однако Петькина услужливость и благоговение перед ним, перед Долбышевым (который родом сам не откуда-нибудь, а из Гуляй-Поля и жил с Нестером Махно прямо-таки в тесном суседстве), его растеплили, разговаривать стал он с Петькой охотнее и через день выдал ему карабин и 80 штук патрон.

В этот же день, перед вечером, сотня стала привалом неподалеку от слободы Кашары. Долбышев выпряг из тачанки коня; подавая Петьке цебарку, сказал:

— Скачи, хлопче, вон до энтих верб, там пруд, почерпни воды, кашу заварим!

Петька, стараясь сдержать прыгающее сердце, сел верхом и мелкой рысью поскакал к пруду.

«Доеду до пруда, а оттуда в гору и айда», — мелькнула мысль.

Доехал до пруда, обогнул узкую, полуразвалившуюся плотину, незаметно бросил цебарку и, ударя коня каблуками, выскочил на пригорок. Словно предупреждая, над головой взыкнула пуля, около становища хлопнул выстрел; Петька помутневшим взглядом смерил расстояние, отделявшее его от становища: было немного более полверсты.

Подумал: «Если скакать на гору, то непременно настигнет пуля». Нехотя повернул коня, поехал обратно.

Долбышев, подвесив на кончик дышла казанок с картофелем, глянул на Петьку, сказал:

— Будешь баловать — убью! Так и попомни!

VII

Ранней зарей Петьку разбудил воющий гул голосов. Проснулся, сбросил с тачанки попону, которой укрывался на ночь. В редеющей синеве осеннего дня перекатами колыхался крик.

— Дядька, что за шум?

Долбышев, стоя на козлах во весь рост, махал лохматой папахой и багровый от натуги орал:

— Батькови здравствовать!.. Ур-ра-а!..

Петька привстал, увидел, как по дороге, запряжённая четверкой вороных, катится тачанка. С лошадей белая пена комьями, кругом верховые, а сам Махно, раненый под Чернышевской, держит под мышкой костыль, морщит губы — то ли от раны, то ли от улыбки. С задка тачанки ковёр до земли свесился, пыль растрепанными космами виснет на задних колесах.

Мелькнула тачанка мимо, а через минуту только лишь пыль толпилась вдали по дороге, да таял, умолкая, гул голосов.

VIII

Прошло три дня. Вторая группа продвигалась к железной дороге. По пути не было ни одного боя. Малочисленные красные части отходили к Дону. Петька ознакомился со всей сотней: из полтораста человек шестьдесят с лишним были перебежчики-красноармейцы, остальной народ — с бору да с сосенки.

Как-то на ночевке собрались у костра, под гармошку выбивали дробного трепака. Сухо покрякивала под ногами земля, охваченная лёгоньким морозцем.

Долбышев ходил по кругу в присядку, щёлкал по пыльным голенищам ладонями и тяжело сопел, как запаленная лошадь.

Потом, расстелив шинели и кожухи, легли вокруг огня. Пулемётчик Манжуло, прикуривая от головни, сказал:

— Есть такие промеж нас разговоры: болтают, что через Шахты поведёт нас батько до румынской границы, а там кинет войско и один уйдет в Румынию.

— Брехни это! — буркнул Долбышев.

Манжуло ощетинился, обругал Долбышева матерком, тыкая в его сторону пальцем, крикнул:

— Вот он, дурочкин полюбовник! Возьми его за рубь двадцать! А ты, свиной курюк, думал, что он тебя посадит к себе на тачанку?..

— Не может он кинуть войско!.. — запальчиво крикнул Долбышев.

— Раздолба!.. Отродье Дуньки грязной!.. Ведь не пустит румынский царь на свою землю двадцать тысяч! — белея от злобы, выкрикнул пулемётчик. Его поддержали.

— Верно толкуешь!..

— В точку стрельнул, Манжуло!..

— Мы до тех пор надобны, покель кровь льём за батьку, да за его любовниц, каких он с собой возит…

— Го-го-го… Ха-ха-ха… Подсыпай ему, брательник! — понеслись над костром крики.

Долбышев встал и торопливо пошёл к тачанке сотника. Вслед ему пронзительно засвистали, заулюлюкали, кто-то кинул горящее полено.

Наушничать пошёл… Ну, ладно… подойдёт бой, мы его в затылок шлёпнем!

Петька увидал, как сотник Кирюха шагает к костру, и отодвинулся подальше от огня.

— Вы што, хлопцы? Кто из вас по петле соскучился?.. Кому охота на телеграфных столбах качаться? А ну, говорите!.

Манжуло привстал с земли, подошёл к сотнику в упор, сказал, дыша часто и отрывисто:

— Ты, Кирюха, палку не перегинай! Она о двух концах бывает!.. Прищеми свой паскудный язык!

— А ну, пойдём в штаб!

Кирюха ухватил пулемётчика за рукав, но кругом глухо загудели, привстали с земли, разом сомкнулась сзади сотника стена лохматых папах.

— Не трожь!..

— Душу вынем!..

— Тебя вместе с штабом вверх колёсами опрокинем!

Кирюху понемногу начали подталкивать, кто-то, развернувшись, звонко хлестнул его по уху. Синий кафтан сотника треснул у ворота. Брякнули затворы у винтовок. Сотник рванулся, в воздухе повис стонущий крик:

— Сполох!.. Изме…

Пулемётчик зажал ему ладонью рот, шепнул на ухо:

— Уходи, да помалкивай… Пулю в спину получишь!

Расталкивая скучившихся махновцев, провёл его до первой тачанки и вернулся к костру.

Снова загремел рокочущий хохот, пискнула гармонь, забарабанили каблуками танцоры, а около тачанки Долбышева повалили наземь, заткнули кушаком рот и долго били прикладами винтовок и ногами.

* * *

На другой день из штаба группы прискакал ординарец, передал сотнику засаленный блокнотный листик. На листике всего четыре слова набросано чернильным карандашом: «Приказываю сотне взять совхоз».

IX

С бугра виден совхоз. За белой каменной змейчатой огорожей — кирпичные постройки, высокая труба кирпичного завода.

Сотня, бросив на шляху тачанки, бездорожно, цепью пошла к совхозу.

Сотник Кирюха с лицом, перевязанным бабьим пуховым платком, ехал впереди. Вороная кобылица под ним спотыкалась, а он ежеминутно оглядывался на реденькую шеренгу людей, молча шагавших сзади.

Петька шёл седьмым на левом фланге. Почему-то казалось, что сегодня,

скоро, должно случиться что-то большое и важное, и от этого ожидания было ощущение нарастающей радости.

Когда на выстрел подошли к совхозу, сотник соскочил с лошади, крикнул:

— Ложись!

Рассыпались возле балки. Легли. Ударили по каменной огороже недружным залпом. С крыши совхоза хриповато и неуверенно заговорил пулемёт. По двору замаячили люди. Пули ложились сзади цепи, рвали над землёй комочки тающей пыли.

Три раза ходила сотня в атаку и три раза отступала до балки. Последний раз, когда бежал Петька обратно, увидел возле сурчиной норы Долбышева, лежавшего навзничь, нагнулся — под папахой на лбу у Долбышева дыра. Понял Петька, что подстрелили его свои же: выстрел почти в упор, в лицо, повыше глаза.

Четвертый раз сотник Кирюха вынул из ножен гнутую кавказскую шашку и, обводя сотню соловыми глазами, прохрипел:

— Вперёд, хлопцы!.. За мной!..

Но хлопцы, не двигаясь с места, немо загудели. Манжуло-пулемётчик выкинул из винтовки затвор, крикнул:

— На убой ведёшь? Не пойдём!..

Петька, чувствуя, как холодеют его пальцы, а тело покрывается липким потом, выкрикнул рвущимся голосом:

— Братцы!.. За што кровь льете?.. За што идёте на смерть и убиваете таких же тружеников, как и вы?..

Голоса смолкли. Петька сразу почувствовал, как вспотел у него в руках винтовочный ремень.

— Братцы!.. Давайте сложим оружие!.. У каждого из вас есть родная семья… Аль не жалко вам жён и детей? Думали ли вы об этом, што будет с ними, ежели вас перебьют?..

Сотник выдернул из кобуры маузер, но Петька предупредил его движение, вскинул винтовку, почти не целясь, выстрелил в синий распахнутый кафтан. Кирюха закружился волчком и лег на землю, зажимая руками грудь.

Петьку окружили, сзади ударили прикладом, смяли и повалили на землю. Но пулемётчик Манжуло, растопыривая руки, нагнулся над ним, заорал дурным голосом:

— Стой!.. Не убивать парня!.. Стой — нехай докажет, тогда пристукаем!..

Приподнял Петьку с земли, встряхнул:

— Говори!

У Петьки перед глазами плывёт земля и клочковатое взлохмаченное небо. Собрал в один комок всю волю, заговорил:

— Убивайте!.. Один конец!..

Сзади гаркнули:

— Громче… ничего не слыхать!

Петька вытер рукавом сбегающую с виска кровь, сказал, повышая голос:

— Обдумайте толком. Махно доведёт вас до Румынии и бросит!.. Ему вы нужны только сейчас!.. Кто хочет холопом быть — уйдёт с ним, остальных Красная армия уничтожит. А если сейчас мы сдадимся, нам ничего не будет…

В балке сыро. Тишина. Дышать всем трудно, словно не хватает воздуха…

Ветер низко над землей стелет тучи. Тишина… Тишина…

Пулемётчик потёр рукой лоб, спросил тихо:

— Ну, как, хлопцы?..

Потупленные головы. В стороне сотник Кирюха разодрал на простреленной груди рубаху, в последний раз взбрыкнул ногами и затих, мелко подрагивая.

— Кто сдаваться — отходи направо! Кто не хочет — налево! — крикнул Петька.

Пулемётчик отчаянно махнул рукой и шагнул направо, за ним хлынули торопливо и густо. Человек восемь остались на месте, помялись, помялись и подошли к остальным…

Через пять минут к совхозу шли тесной валкой. Впереди Петька и пулемётчик Манжуло. У Петьки на заржавленном штыке разорванная, вшами испятнаная белая исподняя рубаха вместо флага.

Из ворот совхоза высыпали кучей. Винтовки на изготове, смотрят недоверчиво.

Не доходя шагов триста, сотня стала. Петька и Манжуло отделились, без винтовок двинулись к совхозу. Навстречу им двое совхозцев. На полдороге сошлись. Поговорили немного. Бородатый совхозец обнял Петьку. Манжуло, утирая усы, крест на крест поцеловался с другим.

Гул одобрения с той и с другой стороны. Сотня с лязгом сваливает в одну кучу винтовки и по одному, по два, кучками идут в распахнутые ворота совхоза.

X

Из округа приехал в совхоз уполномоченный ЧеКа. Расспросил Петьку, записал показания в книжку и, пожав ему обе руки, уехал.

Часть махновцев влилась в красный кавалерийский полк, преследовавший Махно, остальные пошли в округ, в военкомат. Петька остался в совхозе.

После пережитого так хорошо без движения лежать на койке, как будто утихает режущая боль в порожней глазной впадине, будто никто с роду не волочил Петьку на аркане, не бил смертным боем… Недавнее прошлое както не помнится, не хочет Петька его вспоминать; но когда в совхозовском клубе идет мимо треснувшего зеркала, мимоходом увидит свое землистое, изуродованное лицо — горечь сводит губы и труднее становится дышать.

Во вторник, перед вечером, в комнату к Петьке вошёл секретарь совхозовской ячейки. Сел на койку рядом с Петькой, поджал свои длинные в охотничьих сапогах ноги, откашлялся:

— Приходи через час в клуб на общее собрание!

— Ладно, приду.

Посидел секретарь и ушёл. Через час Петька в клубе. Слушает доклад председателя совхоза, агронома, заведующего кирпичным заводом, ветеринара. Перед Петькой в отчётных цифрах проходит налаженная, размеренная, как часы, жизнь.

Протокол. Выработка резолюций. Пожелания.

В текущих делах слово спросил секретарь ячейки:

— Товарищи, у нас в совхозе живёт комсомолец Кремнев Пётр. Вы знаете, что ему мы обязаны тем, что сохранили совхоз от разгрома. Ячейка предлагает отправить Кремнева в округ на излечение, а потом зачислить его на освободившееся место на нашем заводе. Давайте голоснём. Кто за?

Единогласно. Воздержавшихся нет. Но Петька встал со скамьи, из порожней глазной впадины бежит у него на щёку торопливая мутная слеза. У Петьки губы сводит. Постоял, оглядел собрание прижмуренным глазом, сказал, трудно ворочая непослушным языком:

— Спасибо, но я не могу остаться у вас… Я рад бы работать с вами… Но дело в том… дело вот в чем: у вас жизнь идёт, как по шнуру, а там… в станице, откуда я… там жизнь хромает, насилу наладили дело, организовали ячейку, и теперь, может быть, многих нет… махновцы порубили,.. и я хочу туда… там сильнее нуждаются в работниках…

Все молчат. Все согласны. В клубе тишина.

XI

Провожать пошли чуть ли не всем совхозом. Пока попрощался Петька и поднялся на гору — смерклось. Над дорогой, над немым строем телеграфных столбов расплескалась темнота…

Ползёт над Доном, повыше лобастых насупленных гор, Гетманский шлях. Молча шагает Петька.

В чёрной вязкой темени, в пустой тишине спящей ночи звонко чеканятся шаги. Похрустывает под ногами иней. Ямки, вдавленные лошадиными копытами, затянуты тоненькой плёнкой льда. Лёд хрупко звенит проламываясь, хлюпает мерзнущая вода.

Из-за кургана, караулящего шлях, выполз багровый от натуги месяц. Неровные, косые плывущие тени рассыпались по степи. Шлях засеребрился глянцем, голубыми отсветами покрылся ледок.

Молча шагает Петька, раскрытым ртом жадно хлебает воздух. Увядающая придорожная полынь пахнет горечью, горьким потом…

Без конца кучерявится путь-дороженька, но Петька твёрдо шагает навстречу надвигающейся ночи, и из голубого полога неба бледно-зеленым светом мерцает ему пятиугольная звезда.

Николай Стальский

ШОЛОХОВ В «ЖУРНАЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЁЖИ»

Из книги «Друзья-писатели»

Первый номер «Журнала крестьянской молодёжи» вышел в январе 1925 года, в дни первой годовщины смерти Владимира Ильича Ленина. Заголовок его был нарисован на фоне избы-читальни, в которую идёт молодежь, а на обложке два крестьянских парня склоняли перед портретом Ленина знамя, на котором было написано: «Рабоче-крестьянская молодёжь выполнит заветы Ильича».

Ещё Тринадцатый съезд партии в резолюции о печати записал: «В качестве первоочередной задачи перед комсомолом надо выдвинуть создание литературы для масс крестьянской молодёжи». В решении съезда о работе среди молодёжи значилось: «Необходимо создание специального журнала, обслуживающего крестьянскую молодёжь».

Вокруг нового журнала стал создаваться коллектив молодых авторов. Были они, в большинстве своём, дерзкими, задиристыми ребятами. Ведь такого журнала нигде и никогда не было, ни в России до революции, ни в других странах. У «Путеводных огоньков» и «Задушевного слова» мало чему можно было научиться.

Журнал стал младшим, но далеко не последним — в многодетной семье изданий «Крестьянской газеты», рядом с самыми разнообразными, начиная с «Крестьянского журнала» (который скоро стал редактировать Фёдор Панфёров) и кончая таким, как «Сам себе агроном». На первых порах мы старались учиться у каждого из этих изданий и привлекать к «ЖКМ» (так скоро все начали называть наш журнал) всё живое и талантливое, заказывать статьи и заметки, просить стихи и рассказы. Вокруг молодой редакции скоро стали

Стальский Николай Павлович (настоящая фамилия Жайворонков), 1909-1972) — русский, советский критик, переводчик. Начинал свою литературную деятельность в Ростове-на-Дону. Один из инициаторов создания Ростовской ассоциации пролетарских писателей. Был дружен с А. Фадеевым, В. Киршоном, А. Бусыгиным. С 1925 года сотрудничал в столичных газетах. В 1937 г. был репрессирован. После реабилитации работал в столичных журналах. Автор воспоминаний об А. Фадееве, М. Шолохове, В. Киршоне и других советских писателях.

объединяться люди, желающие и умеющие писать для крестьянской молодежи, для ребят новой деревни, растущих и формирующихся в небывалых условиях советской действительности.

Когда просматриваешь сейчас подшивки «Журнала крестьянской молодёжи» сорокалетней давности, среди забытых имён мелькают вдруг фамилии, которые можно увидеть и на обложках полных собраний сочинений, и на титульных листах книг — Петра Замойского, Николая Погодина, Василия Лебедева-Кумача, Демьяна Бедного, Якова Шведова, Николая Богданова, Ивана Молчанова. Эти и многие другие писатели откликнулись на призыв редакции журнала, так сформулированный заместителем редактора Андреем Павловичем Шохиным, одним из руководящих работников Ленинского комсомола:

«Журналу надо воспитывать в крестьянской молодёжи сознание необходимости переделывать жизнь, давать сноровку, развивать активность... Журнал должен стать боевым советчиком, руководителем, помощником крестьянской молодёжи, подспорьем всей комсомольской работы в деревне».

В числе людей, которые были связаны с журналом с первых его шагов, которые были не только сотрудниками, а друзьями и советчиками журнала и, в свою очередь, пользовались его дружбой, росли и мужали вместе с ним, был молодой казачок, совсем недавно покинувший донские хутора, Михаил Шолохов. Уже во втором номере журнала был помещён его рассказ, впоследствии включённый в книгу «Донские рассказы», «Пастух».

В казачьих станицах и на хуторах война чувствовалась в каждом курене. В каждой семье война затрагивала всех без исключения. Детство Шолохова было наполнено рассказами о битвах с немцами и австрийцами, об окопной жизни, в которой для шашки и пики нет работы, о лихих казацких налётах и подвигах, когда один казак поддевал на пику четырёх врагов. При этом старые казаки улыбались себе в усы.

Семнадцатый год расколол страну, расколол и станицу. Вражда красных и белых на Дону была особенно непримиримой и беспощадной. Юность Шолохова прошла в седле. Красноармеец продовольственного отряда то мчался за неуловимой кулацкой бандой, то удирал от другой, неожиданно оказавшейся сильнее. Погони сменялись преследованием, степные старинные шляхи вели в разные стороны.

В 1924 году всем участникам белогвардейских армий и отрядов была объявлена амнистия. В Новороссийск один за другим приходили пароходы, переполненные оборванными, исхудалыми, заросшими щетиной казаками. Их рассказы о заморском гореванье, о тяжёлом житье-бытье вдали от родных степей, о последних днях белогвардейской авантюры, о том, как обманывали казака и натравливали его на своего брата, слушали повсюду. Они действовали лучше, чем слова агитаторов. Так кончилась юность.

Казачонок в барашковой папахе, сдвинутой на затылок, появился в московских редакциях. Он привёз рассказы, от которых повеяло донской горькой полынью, запахами степей и ветров. Рассказы говорили о судьбе молодёжи в революции. О путях в будущее, которые открывались перед хуторскими

и станичными хлопцами и девчатами. О вчерашнем дне, полном выстрелов и крови, о человеческом достоинстве, которого не заглушить никакими выстрелами. Сейчас эти миниатюры известны как «Донские рассказы». Тогда они отмечали первые шаги начинающего писателя в литературу.

«Из степи бурой, выжженной солнцем, с солончаков, потрескавшихся и белых, с восхода — шестнадцать суток дул горячий ветер.

Обуглилась земля, травы желтизной покоробились, у колодезей, густо просыпанных над шляхом, жилы пересохли. а хлебный колос, ещё не выметавшийся из трубки, квёло поблёк, завял, к земле нагнулся, сгорбившись по-стариковски».

С первых строчек рассказа пышет горячим дыханием выжженной земли, тревожным жаром засухи, предрекающей голод. Засуха — древняя, как эти степи, а ребята, про которых рассказ, — молодые, советские, мечтающие о том, как поедут учиться, а после «по-учёному землю зачнём обрабатывать, а то ить темень у нас тут, и народ спит...». Пастух Григорий и его сестра Дунятка, подпасок, твёрдо знают: «В городах, там власть рабочие держут, а у нас председатель станицы — кулак, и по хуторам председатели-богатеи...» Ребята знают, что Ленин сказал: «Учиться должны, которые из бедных».

Пишет пастух на кукурузных листьях корявыми буквами заметку о кулацком засилье, о неправильном переделе земли, о горькой бедняцкой судьбе. Гибнет он за эту заметку, его убивают кулаки в отместку за разоблачение. Но идёт в город сестра его Дунятка, чтобы жить так, как старался Григорий, как учил Ленин...

…«Вёрсты уходят назад. Из степных буераков вой волчий, на житьё негодующий, а Дунятка обочь дороги шагает, в город идёт, где советская власть, где учатся пролетарии для того, чтобы в будущем уметь управлять республикой. Так сказано в книжке Ленина».

Так сказано в рассказах Михаила Шолохова, в первых его произведениях, где, как в зародыше, заложены многие из тех качеств, которые сделали его творения знаменитыми, и, прежде всего, трагизм, неизбежный в классовой борьбе, и глубокая вера в победу пролетариата, в победу будущего над прошлым. Любовь к родной донской земле, к её людям, её природе. Уменье подметить и отразить особенности этой земли, передать неповторимый её аромат, несказанную прелесть. Беспощадная правдивость, верность живой жизни — и в главном, и во всех мельчайших деталях.

Рассказ маленький, четыре журнальных странички, но каждая строка такая ёмкая, такая густая и насыщенная, что хочется её перечитать ещё и ещё, осмыслить, продумать...

Через два месяца печатается другой рассказ Михаила Шолохова «Алёшка» (№ 5, 31 марта). (Сейчас — «Алёшкино сердце».) Это рассказ о беспризорном мальчике Алёшке, у которого «ни роду, ни племени, именья — одни каменья». Его приютили в заготконторе, накормили, он стал пасти лошадей в ночном. Местный богатей Иван Алексеев взял его в батраки. Вечером Алёшка бегал в комсомольский клуб. Хозяин узнал, кулаком по затылку стукнул — «малость отвыкнешь шляться!». «Ночью, из-под навеса, где спал, услышал Алёшка, как двое верховых приехали к хозяину. Уловил обрывки разговора: «Завтра,

в полночь, придём в гости… в казённом лесу все ... Перережем, ежели врасплох…»

Вместе с красноармейцами защищал Алёшка станицу от белой банды, проявил себя как стойкий боец за интересы рабоче-крестьянской власти! В комсомол его приняли. Боевая юность Алёшки, прошедшая среди выстрелов и криков, заставляет вспомнить о юности самого писателя:

«В конце широкой улицы — ругань, выстрелы, лошадиный визг. Прислушался Алёшка: над головой тягуче-нудное: тю-ю-уть...

Спустя минуту другая пуля чмокнулась в ограду на аршин повыше Алёёшкиной головы, облила его брызгами кирпича. В конце улицы редкие огоньки выстрелов и беспорядочный удаляющийся грохот лошадиных копыт».

Схватка описана так, как описал бы её участник. «У Алёшки во рту горечь и сушь, сердце не умещается в груди». На этой спешащей, задыхающейся от возбуждения боя интонации написан весь конец рассказа, в противоположность неторопливой, размеренной экспозиции.

В двадцатом номере «ЖКМ» напечатан рассказ «Кривая стёжка». Перед текстом портрет автора — молодой казак в папахе, заломленной молодецки на затылок, пристально смотрит на читателя.

В первых рассказах Шолохова как бы просвечивают начала тех конфликтов и столкновений, которые будут развёрнуты и углублены в романе, контуры своеобычных характеров, которые станут впоследствии героями «Тихого Дона».

В начале 1926 года «Журнал крестьянской молодёжи» отмечал свою первую годовщину. В статье, посвящённой итогам литературно-художественного раздела журнала, критик Михаил Беккер на первое место среди прозаиков, которых выдвинул журнал, ставит Михаила Шолохова, отмечая богатое жизненное содержание его рассказов и прекрасный образный язык, большой и свободный выбор слов — метких и выразительных. По мнению критика, отдельные части рассказа Шолохова «крепко сколочены, хорошо сшиты, взаимно дополняют друг друга».

За год редакции журнала удалось объединить дружный и слаженный коллектив талантливых писателей, во главе которого стоял сначала прозаик Георгий Шубин, потом — Василий Кудашев. Но все участники этого коллектива, все работники редакции признавали своеобразную силу таланта, первенство Михаила Шолохова, восхищались им, старались ему помочь. Николай Тришин вместе с автором собрали рассказы Шолохова в небольшой сборник и пошли с ним в издательство «Новая Москва». Так вышла первая книжка Михаила Александровича «Донские рассказы».

Шолохову не жилось в Москве в те годы. Литературная богема, среди которой волей-неволей ему приходилось вращаться, не привлекала его. Упорный и настойчивый, он стремился работать, вечеринки и пирушки только мешали ему. На московских мостовых он всерьёз тосковал по донским степям и рвался домой, в родной хутор. Несколько настоящих друзей, которых он приобрел в Москве, — среди них были прежде всего Николай Тришин, Андрей Платонов, Василий Кудашев — советовали ему работать в своей станице над воплоще-

нием тех замыслов, которыми он с ними делился. И Шолохов уехал на Дон, к родным куреням, чтобы вплотную сесть за работу над романом...

В мае 1926 года, в десятом номере «Журнала крестьянской молодёжи» появляется рассказ Михаила Шолохова «Калоши».

Последним рассказом, который Шолохов поместил в «Журнале крестьянской молодежи», стал рассказ «Жеребёнок». Строгая простота этого рассказа как бы предвосхищала лучшие страницы «Тихого Дона». Кобыла красного конника ожеребилась. Жеребёнок стал заботой всего эскадрона. Несмышлёный, он полез вслед за матерью под огонь белых. Хозяин лошади, Трофим, попытался спасти его. Погибли и Трофим, и жеребёнок. Война не знает жалости, не знает снисхождения. Где там думать о жизни лошади! Но всё-таки казакам, даже и белым, жалко коня, жалко жеребёнка, он будит в душе человеческие чувства. Как заметил один западный писатель, человек рядом с животными становится как-то человечнее.

В 1927 году ни одной строчки Шолохова не появляется в «Журнале крестьянской молодёжи». Шолохов пишет «Тихий Дон».

Михаил Александрович делился со своими друзьями замыслом романа, советовался, как справиться с бесчисленными трудностями. Тришин, у которого были друзья, имевшие доступ к эмигрантской литературе, добывал ему книги казаков, изданные за границей, записки генералов и атаманов, дневники галлиполийцев, в которых офицеры признавались в крахе белого движения, с уничтожающей критикой обрушивались на вождей добровольческой армии, разоблачали их бездарность и корыстолюбие, с безысходной горечью рассказывали об обманутых казаках, своей жизнью плативших за предательство командиров...

В квартире Кудашева в Камергерском переулке — теперь проезд МХАТ — состоялась одна из первых читок первой части романа. Он всех захватил и взволновал. Такого никто из нас ещё никогда не слыхал. В литературу входил большой писатель со своей темой, со своим голосом, со своим видением мира.

У Михаила Шолохова была одна особенность, которая проявлялась с первых шагов его литературной работы. Он не соглашался ни на какие поправки, пока его не убеждали в их необходимости. Он настаивал на каждом слове, на каждой запятой, он предпочитал брать назад свои вещи, нежели соглашаться на то, что шло против его убеждения. Мы знали об этом, скоро пришлось убедиться в его настойчивости и работникам редакции журнала «Октябрь».

Роман уже был написан. Оставалось перепечатать рукопись, отнести её в редакцию и дождаться ответа. Естественно, редакция могла предложить молодому писателю доработать рукопись, выполнить какие-нибудь рекомендации. Поэтому следовало какое-то время пожить в Москве. Но для этого нужны были деньги. Встал вопрос: где их заработать? Помогли друзья.

В «Журнале крестьянской молодёжи» оказалась свободной ставка заведующего литературным отделом. Василий Кудашев, исполнявший обязанности заведующего, охотно согласился работать под руководством Шолохова. Отдел печати ЦК комсомола утвердил приказ о его назначении.

Став сотрудником «Журнала крестьянской молодёжи», Шолохов ежедневно приходил в редакцию — большую светлую комнату на Воздвиженке, читал рукописи, сдавал материал в очередной номер, беседовал с авторами, с художниками, участвовал в совещаниях, обсуждал номера, обдумывал очередные и т. д. Словом, трудился вместе со всеми.

А год был не простой, не обычный. Юбилейный и тревожный тысяча девятьсот двадцать седьмой: одиннадцатый год советской власти. Многие государства рассчитывали, что этот год будет её последним годом. Многие старались об этом.

В обстановке развёртывающегося с каждым годом социалистического наступления, в обстановке нарастающей опасности войны разъяснить крестьянской молодёжи политические вопросы, международную обстановку, связать строительство социализма с нашей повседневной работой, с нашим мирным трудом было особенно важно. Об этом заботились все работники редакции, все коммунисты.

Придумывали, как ярче оформить политические статьи, как лучше подобрать иллюстрации, сделать монтажи. Как-то, в связи с очередной сессией Центрального Исполнительного Комитета Советов, возникла мысль:

— Дадим сравнение: английский парламент и Советский ЦИК! Покажем, как в Вестминстерский дворец идут представители английского правящего класса, а в Большой Кремлёвский дворец — рабочие и крестьяне.

Мы тогда могли покупать в Когизе старые журналы и книги из числа тех, которые были конфискованы из частных библиотек. В этих книгах мы разыскали фотографии Лондона и сделали монтаж: прекрасно одетые английские аристократы идут в Вестминстер, скромно одетые рабочие и крестьяне — в Кремль. Написали статью. Показали на очередном редакционном совещании. Всем понравилось. Только Шолохов задумался:

— Нельзя ли поострее подпись придумать? — и взял недавно вышедший номер «Правды» со стихами Демьяна Бедного, которые были тогда на языке у всех. В газете сообщалось о том, что принято решение Лиги наций о передаче королевской Румынии права на Бессарабию. Таким образом Бессарабия фактически превращалась в колонию. Зато в Китае в это время развёртывалось движение за освобождение от колониальной зависимости. Англичанам оттуда пришлось удалиться. Вот Демьян Бедный и написал, а «Правда» напечатала — «переписку» между английским дипломатом и советским. Англичанин спрашивал:

— Ну, как живём? Погода какова?
На Бессарабию утратили права?

А советский ему отвечал:

— Погодка, мистер, неплохая!
А что вам пишут из Шанхая?

Дополнение Шолохова было принято, набрать четыре строки было легко, нарисовать английского лорда и советского мужика тоже нетрудно, и задуманный разворот получился куда ярче и убедительнее! Почему-то вспомнился этот эпизод, а их было множество. Шолохов делал немалый вклад в ту борьбу, которая велась тогда повсюду.

Пока он ведал литературным отделом редакции, были напечатаны стихи Якова Шведова, Ивана Молчанова, рассказы Михаила Шошина и Андрея Платонова, Николая Погодина и Николая Москвина, стихи Степана Щипачёва и Георгия Бороздина. Многим, очень многим дал путёвку в литературу Михаил Шолохов! Но была открыта дорога в литературу и ему самому: «Тихий Дон» начал печататься в журнале «Октябрь».

В пятом номере «Журнала крестьянской молодёжи» мы перепечатали отрывки из книги с такой вступительной заметкой:

«Наши читатели знают и любят Шолохова. Его рассказы, помещённые у нас, всегда вызывали хорошие отзывы читателей. Новый роман Шолохова «Тихий Дон» начал печататься в журнале «Октябрь». Мы хотим ознакомить и наших читателей с этим произведением, которое оценивается критикой, как крупное явление в нашей художественной литературе. Мы начинаем печатать отрывки из романа, которые дадут представление об одной из основных его частей. Шолохов обрисовывает быт казачества, жизнь казаков в домашней обстановке, на военной службе, в боях, в революционные дни».

В пятом номере был напечатан отрывок из первой главы — об убийстве жены Прокофия Мелехова, турчанки. В следующем, шестом номере — свадьба Григория и, наконец, призыв в армию — отрывок из последней главы третьей части. Кусочки эти, конечно, не могли дать сколько-нибудь правильного представления о романе, многоплановом и сложном. Но они возбуждали любопытство читателей, их желание познакомиться полнее с произведением писателя, который ещё недавно в своих рассказах показывал лазоревые донские степи и выросших в этих степях молодых ребят, а теперь с эпической простотой и силой начинает повествовать о батюшке тихом Доне и его людях. Публикация фрагментов романа стала как бы прощанием журнала с писателем, выросшим и возмужавшим на его страницах.

Шолохов печатался во многих комсомольских и «взрослых» журналах — в «Комсомолии», В «Смене», в «Огоньке», В «Прожекторе», В «Крестьянском журнале», в газетах «Юношеская правда», «Молодой ленинец», «Комсомольская правда», участвовал в литературной группе «Молодая гвардия», дружил со многими её членами, вместе с ними вступил в РАПП и был участником собраний и съездов этой литературной организации. Но «Журнал крестьянской молодёжи» был особенно дорог Михаилу Александровичу. Он первый дал никому ещё неизвестному Мише Шолохову широкую всесоюзную аудиторию. В его редакции Шолохов всегда находил участие и поддержку. Его работники, в частности Тришин и Кудашев, стали его настоящими друзьями.

Славными страницами комсомольской летописи называют теперь годы, предшествовавшие первым пятилеткам. Приятно вспомнить, что в те годы вместе с создателями и руководителями первого комсомольского журнала для деревни работал Михаил Шолохов.

К 35-летию Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова

ЛИДИЯ СЛЮСАРЕНКО

Роль музея-заповедника М.А. Шолохова в сохранении культуры. Преемственность поколений

Очерк

В очерке освещается позиция М.А. Шолохова по отношению к культурным ценностям, анализируется деятельность Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова, направленная на сохранение культуры; прослеживается преемственность поколений семьи М.А. Шолохова в сфере сохранения русской культуры.

Ключевые слова: музей-заповедник, М.А. Шолохов, русская культура, казачья культура, эпистолярное наследие, научно-исследовательская работа, событийный праздник, преемственность поколений, инклюзия.

Размышляя о месте Музея-заповедника М.А. Шолохова в сфере духовного наследия России, хочется отметить характерные устойчивые черты, сложившиеся в процессе его 35-летнего развития: уникальность, аутентичность и вовлеченность в культурный диалог с самыми различными социальными институтами — не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.Это «не просто мемориальный музей писателя, а именно музей-заповедник, что наиболее полно соответствует современному представлению о музее как о многофункциональном институте социальной памяти, как о пространстве многообразных коммуникативных процессов, месте «воспитания культурой»…»[3, с. 7]. Как складывается такое представление и в чем оно проявляется? На эти и другие вопросы постараемся дать ответы в данной статье.

Говоря о миссии Музея-заповедника М.А. Шолохова в современном обществе, невозможно не сказать об ее истоках, о том, кем были заложены основные ценностные ориентиры, не теряющие своей актуальности по сей день.

Слюсаренко Лидия Михайловна, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (Ростовская обл., ст.Вёшенская, ул.Шолохова, 60), аспирант Краснодарского государственного института культуры.

Михаил Александрович Шолохов вошел в русскую и мировую литературу, культуру как художник, описавшийжизнь донского казачества в мирное и трагическое для всей страны время. В дипломе лауреата Нобелевской премии читаем: «Михаилу Александровичу Шолохову. 1965 года Нобелевская премия по литературе присуждена в знак признания художественной силы и честности, которые он проявилв своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа» [2, с. 377]. Однако роль Шолохова в целостном восприятии его как деятеля искусства далеко не ограничивается гениальными произведениями о народе — в течение всей жизни он выступал в качестве активного борца за сохранение русской культуры. Ни тяжелые 1930-е годы, ни послевоенные, ни годы «хрущевской оттепели», а впоследствии «брежневского» периода не пошатнули взглядов и позиции писателя, его стремления защитить духовные ценности казачества и всего русского народа. В 1936 году Шолохов буквально спас от разрушения храм Архистратига Михаила в станице Вёшенской, построенный еще в 1786 году и являвшийсядля казаков станицы и близлежащих хуторов важнейшим духовным оплотом. Ему удалось уговорить власти сохранить Свято-Никольскую церковь в станице Еланской, построенную в честь победы в Отечественной войне 1812 г..

Поддерживал Шолохов и сохранение песенного наследия казачества. По его инициативе в 1935 году был организован Вёшенский казачий народный хор, в состав которого вошли талантливые казаки и казачки Вёшенского района. Хор успешно выступал в не только по Ростовской области, но и во дворцах культуры г. Москвы, и даже на сцене Академического Большого театра. Хор исполнял старинные казачьи песни в их аутентичном звучании, что вызывало у зрителей восторг и одобрение [1, с. 521].

Коллектив сотрудников музея. В центре: Светлана Михайловна Шолохова — дочь писателя.

В 1936 году М. А. Шолохов стал инициатором создания первого и единственного на то время в Советском Союзе «Театра казачьей колхозной молодёжи». Собранная театральная труппа из простых тружеников станицы и хуторов Вёшенского района успешно выступала не только в самой станице, но и гастролировала по всему Югу Советского Союза.Особенно теплые отношения связывали М.А. Шолохова с Ансамблем песни и пляски донских казаков под руководством А. Н. Квасова. Анатолий Николаевичпопросил совета у писателя как знатока и почитателя донских казачьих песен, его рекомендаций по поводу репертуара. Михаил Александрович предостерегал от искажения оригинальных фольклорных текстов, давал ценные советы о методах сокращения их, наказывал беречь донскую песню, одну из жемчужин народного творчества. Он интересовался каждой мелочью работы ансамбля, вплоть до репетиций и костюмов, расспрашивал о гастролях, о хлопотах и сложностях «походной» жизни [5, с. 256].

Шолохов всеми силами способствовал продвижению русской классики, творчества писателей-современников за рубежом, а также изданиюзарубежных авторов в Советском Союзе, при этом он перечитывал огромное количество публикуемой литературы, со многими зарубежными писателями был знаком лично, они не раз обращались к нему за помощью в издании произведений.

Обширное эпистолярное наследие М.А. Шолохова — переписка с деятелями культуры, искусства, читателями со всех уголков нашей страны, зарубежья — дает богатейшую почву для формирования образа писателя как человека явно неравнодушного к сохранению народных традиций, культуры и жизненных устоев.

19 июня 1970 года писателем было отправлено письмо председателю Совета Министров РСФСР Г.И. Воронову о возможности рассмотреть вопрос о праздновании 400-летия Войска Донского и создании музея-заповедника в станице Старочеркасской, посвященного донскому казачеству: «…В отношении станицы Старочеркасской надо что-то делать. Люди окраинного уголка России, некогда населявшие его, веками стояли на рубежах Родины, и необходимо сохранить для истории и потомства хотя бы то, что осталось вопреки нашему пренебрежению к памятникам родной страны»[7, с. 411].В октябре того же года в станицу Старочеркасскую прибыла Госкомиссия, которая определила памятники и памятные места Старочеркасской и, на основании акта этой комиссии и ходатайства М.А.Шолохова, 30декабря 1970 года вышло постановление за № 726 «О создании на территории станицы Старочеркасской историко-архитектурного музея-заповедника». За 15 лет, благодаря созданию музея, были отреставрированы такие уникальные памятники, как: Войсковой Воскресенский собор с уникальным иконостасом сер. XVIII века, соборная колокольня, дворец атаманов Ефремовых, атаманская кухня, здание монастырской гостиницы, дом торговых казаков Жученковых, дом К. Булавина, церкви Петра и Павла, Донской Божией Матери и Ратненская [6]. Кто знает, было бы ли все осуществлено, если бы М.А. Шолохов не заострил внимание на сохранении этого уникального исторического места.

14 марта 1978 года М.А. Шолохов обращался в письме к Л.И. Брежневу

по проблемам развития русской культуры. Писатель открыто выступил против принижения роли русской культуры в историческом духовном процессе, искажения ее высоких гуманистических принципов, против показа русского народа духовно-немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству; против уничтожения русских архитектурных памятников. Письмо наполнено болью за современное состояние и будущее русской культуры.Опасения Шолохова были далеко не беспочвенными — многие проблемы, на которые указал Шолохов, актуальны и сейчас, хотя давно уже внашей стране нет никакого социализма «с нечеловеческим лицом». Однако, как мы знаем,в секретариате ЦК КПСС реакция на письмо была двойственной, письмо «рассмотрели внимательно» и отметили, что оно «отличается, к сожалению, односторонностью и субъективностью»[8, с. 429 — 431].

Для Шолохова вопрос сохранения культуры своего народа всегда был первостепенной значимости. В книге Михаила Михайловича Шолохова «Об отце» очень тонко переданы переживания писателя и его мысли по поводу отношения человека к своей культуре, к прошлому. Вот небольшой отрывок из книги, в котором Михаил Александрович размышлял с сыном о традициях народа, вековых устоях и вспомнил о недавней поездке в Скандинавию: «… Глянешь — обыкновенные дома, рядовые жилые дома, а на фронтонах — тысяча восемьсот… тысяча семьсот… И понимаешь, как, скажи, глаза у меня прорезались. До этого все думал, ну, почему у них люди, в подавляющем большинстве, более спокойны, чем наши, менее суетливы, более доброжелательны, неспешно-рассудительны. Больше у них самоуважения, уверенности в себе, чувства собственного достоинства, собственной значимости. Да ведь на девяносто девять процентов — от этого. Стоял этот дом, основали эту фирму триста лет тому назад. Стояли они и двести лет тому назад, и сто. Стоят и сейчас. И есть все основания считать, что и дальше будут стоять столько, сколько хозяин захочет. Понимаешь, ведь все это должно создавать какой-то здоровый общий психологический настрой, поддерживать в человеке его спокойствие, чувство защищённости и от людского произвола, и от всяких там превратностей судьбы.Да одно уже сознание того, что вот я, скажем, умру, а все это, как целое, прочное, не подверженное времени, будет жить и жить и останется такой же твёрдой почвой под ногами моего сына, внука, — одно это даст мне возможность умереть спокойно. У человека, хочет он того или нет, само собой воспитывается уважение и к предкам, и к потомкам. Потому что он знает, как он с гордостью перенял вековое дело своих отцов, так и его сын с гордостью поведет это дело дальше… Любовь к традиции воспитывается, вдумчивая осторожность к новшествам. Новое как бы врастает в старое. Старое вбирает в себя новое<…> А у нас?<...> Вместо тогочтобы совершенствовать старое, то есть что-то раз созданное, раз организованное, мы, наоборот, кажется, все делаем, чтобы его развалить, сделать нежизнеспособным, неприемлемым и в конце концов ненавистным для людей. Потом все ломаем. До основанья. А затем? А затем — все сызнова…» [9, с. 155].

Творческое наследие писателя, его активная общественная деятельность вызывали отклик и поддержку у народа всей страны, представители власти не могли игнорировать позиции писателя. По ходатайствам Шолохова были решены многие вопросы сохранения культурных ценностей русского народа.

Когда писателя не стало, был подписан Указ об увековечении его памяти и создании Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова [4, с. 10-11].Обширная деятельность музея связана с сохранением и популяризацией как творческого наследия писателя, так и культуры донского казачества. Она реализуется и с каждым годом расширяетсвои горизонты по многимнаправлениям: научно-фондовое, научно-исследовательское, научно-экспозиционное, издательское,просветительское, организация массовых событийных мероприятий, инклюзивное. При этом охватывает все возрастные группы населения, в результате взаимодействия с которыми рождается множество востребованных проектов, формируется культурный облик посетителя, идет непрерывный диалог с поколениями. Постараемся дать краткую характеристику названным направлениям, чтобы иметь представление о том, насколько музей М.А. Шолохова представляет собой сложный многокомпонентный организм.

Говоря о научно-исследовательской и просветительской работе, можно проследить достаточно длинный путь ее развития и отметить определенные результаты.

Ежегодно, в течение более 30 лет, в музее проходит Международная научно-практическая конференция «Шолоховские чтения», объединяющая исследователей творческого наследия М.А. Шолохова из самых разных уголков страны и мира — России, Беларуси, Азербайджана, Абхазии, Сербии, Литвы, Японии, Китая, США. По итогам конференции издаётся сборник научных статей «Вёшенский вестник».

С 2004 года в Музее регулярно проходит Международная научно-практическая конференция: «Музей-заповедник: экология и культура», в работе которой принимают участие руководители, научные сотрудники и специалисты музеев, музеев-заповедников, центров детского творчества, природоохранных организаций, ботанических садов, университетов, институтов и других научных учреждений России и стран ближнего зарубежья. По итогам конференции также публикуется сборник статей.

С 2013 года регулярно издается научно-просветительский общенациональный журнал «Мир Шолохова», в редакционный совет которого входят выдающиеся российские и зарубежные ученые, писатели.Среди авторов журнала — известные российские писатели, журналисты, преподаватели университетов, музейные работники, учителя, а также молодые исследователи (аспиранты, магистранты), работающие над диссертациями, посвященными творчеству М.А. Шолохова, писателей его круга, классическим традициям русской литературы (ИМЛИ, СПбУ, СФУ, МГПУ, ВГУ, УлГТУ и др. вузов).

Особое внимание уделяется участию сотрудников музея в научно-практических конференциях, посвященных сохранению казачьей культуры. Только за последнее время музей-заповедник М.А. Шолохова был участником XXV Международных рождественских образовательных чтений «1917 — 2017: уроки столетия», проходивших 26-27 января 2017 г. в г. Москве; Второй Международной научно-практической конференции «Казачье зарубежье. 1917 — 2017: уроки столетия», проходившей 18-19 февраля 2017 г. в Русском духовно-православном центре в Париже;конференций, организованных на базе Московского государственного технологического университета

им. Разумовского, Краснодарского государственного института культурыи многих других.

Кропотливая научно-фондовая работа по комплектованию собрания музея-заповедника, по изучению, сохранению, реставрации музейных предметов находит свое отражение в многочисленных изданиях, экспозициях музея, выездных выставках.

Результатами научно-экспозиционной деятельности музея-заповедника являются выставочные проекты, осуществленные частично в сотрудничестве с другими музеями страны. География выставок широка и разнообразна. Во многих уголках России от Москвы до Салехарда, от Таганрога до Калининграда посетители смогли познакомиться с интереснейшими экспонатами из музейных коллекций. Выставки из собрания музея были представлены в Москве — в Государственном литературном музее, в Государственном музее А.С. Пушкина, в Колонном зале Дома Союзов, в Государственной Думе РФ, в Туле, Оренбурге, Пензе, Волгограде, Ульяновске, Чебоксарах, усадьбе «Спасское-Лутовиново» Орловской области, п. Прохоровка Белгородской обл., с. Сростки Алтайского края, с. Константиново Рязанской обл., гг. Симферополе, Алуште (Крым), Салехарде, Ханты-Мансийске, Калининграде и др. Ряд выставок: «Михаил Шолохов. В краю Тихого Дона», М. Шолохов. Жизнь и творчество», «Дон. Шолохов. Россия» — были представлены посетителям на Кубе, в Российских центрах науки и культуры Перу, Аргентины, Дании, Испании. «Мир Шолохова» — в Индии, Китае, Австрии, Чехии. «Мир Шолохова: донское казачество» — в Сербии, Германии. Шотландии.

Говоря о событийных мероприятиях, необходимо отметить, что среди них есть как сложившиеся в течение нескольких десятилетий, так и относительно «новые», заложенные в календарь событий всего несколько лет назад, но уже пользующиеся народной любовью.

Всероссийский литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна», берущий начало в 1984 году, в первую весну после смерти М.А. Шолохова, является уникальным событийным мероприятием, получившим статус всероссийского (1987),а затем и международного праздника (1990). Это событие из года в год является центром притяжения представителей казачества со всей страны, устоявшейся в течение четвертого десятка лет народной традицией. Географию гостей этого уникального праздника можно представить по многочисленным отзывам в «Книге посетителей» объектов Музея-заповедника М.А. Шолохова. Это наши соотечественники из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Пензы, Ямало-Ненецкого АО, посетители из европейских, в том числе скандинавских стран, — Германии, Италии, Англии, Норвегии, Финляндии, стран востока — Японии, Китая, а также из стран Северной и Южной Америки.

Десять лет назад был запущен литературно-этнографический праздник «Кружилинские толоки», отличающийся своей уникальностью и аутентичностью прежде всего. Цель этого этнографического праздника — воссоздавать определенный жизненный обычай казаков, который связывал семьи, предполагал обязательное участие в общем деле, взаимную помощь, будь то сбор урожая, сенокос, или проводы на службу, сватовство, свадьба, крестины и

т.д. В 2019 году в Музее с большим размахом прошли 10-е по счету «Кружилинские толоки».

Семь лет назад заложен в календарь событий еще один массовый праздник — «Конь казаку всего дороже. Вешенские шермиции», цель которого — возрождение мастерства казачьей джигитовки, традиций донского коневодства, патриотизма с опорой на православные устои в жизни казаков.

И, наконец, «Каргинская ярмарка на Покрова» как точная реконструкция казачьих ярмарок начала прошлого века. Этот праздник собирает ремесленников из Ростовской, Тульской, Волгоградской областей, Краснодарского края. В ней также принимают участие яркие фольклорные коллективы. На Ярмаркуприезжают известные силачи, артисты, деятели культуры.

Еще одно важное направление музейной деятельности — инклюзия, создание доступной среды для посетителей с ограниченными возможностями здоровья. Это направление также реализуется посредством приобщения детей с ОВЗ к культурной жизни посредством пребывания в музее. В настоящее время программы пребывания в музее адаптированы для категории детей с РАС (расстройством аутистического спектра) и другими ментальными нарушениями, а также для лиц, передвигающихся на инвалидной коляске. В них входят интерактивные занятия и экскурсии, мастер-классы, способствующие социальной адаптации ребенка, повышению интереса к культурной среде, улучшению качества жизни семей с особенными детьми за счет их включения в активную музейную жизнь. Идет работа по адаптации музейных программ и для других категорий посетителей с особенностями развития.

Таким образом, в Музее активно развивается разносторонняя деятельность, охватывающая многие аспекты духовной сферы социума. Это далеко не предел, потому что постоянно рождаются новые проекты — выставочные, издательские, совместные с различными организациями. Важнейшей деталью, на которую хотелось бы обратить внимание, является то, что у истоков создания музея, его развития, стоят потомки писателя — его дети, внуки, а в настоящее время и правнуки. Это сыграло решающую роль в формировании концепции музейной работы — держаться тех же жизненных ориентиров, которых придерживался сам Михаил Александрович Шолохов, продолжать борьбу за идеалы, которые он отстаивал при жизни. Михаил Михайлович Шолохов (1935-2013), сын писателя, выпускник МГУ, кандидат философских наук, стал Первым атаманом Союза казаков Области войска Донского (1990-1991), являлся членом Общественной палаты при президенте РФ (2006-2008). Своей деятельностью он внес существенный вклад в сохранение культуры казачества в начале XXI века, в консолидацию сил отдельных структурных элементов возрождающийся системы казачьих войск. Работал главным консультантом Музея-заповедника М.А. Шолохова (1992-2013). В 2004 г. вышла в свет его книга «Об отце. Воспоминания разных лет». Супруга Михаила Михайловича, Валентина Исмаиловна Шолохова, заведует Мемориальным домом на Усадьбе писателя с первых дней открытия дома как музейного объекта, 19 февраля 1994 года. Она позаботилась о том, чтобы дом, став музеем, сохранил уникальную атмосферу, которая царила и при жизни хозяев, — атмосферу радушия, искренности и гостеприимства.

Более 12 лет в музее работала старшая дочь писателя Светлана Михайловна Шолохова. Имея ценнейший опыт работы журналиста, преподавателя, редактора, Светлана Михайловна как ученый секретарь музея-заповедника внесла большой вклад в развитие научно-исследовательского направления деятельности музея. Связи с исследователями, литераторами, общественными организациями, прессой, ответы на многочисленные вопросы, участие в издании сборников музея, книг о жизни и творчестве М.А. Шолохова, подготовка статей и выступлений — далеко не полный список осуществленной Светланой Михайловной деятельности. Выйдя на заслуженный отдых, Светлана Михайловна и сейчас сотрудничает с музеем, Институтом мировой литературы РАН им. А.М. Горького, дает ценные рекомендации по научной работе сотрудников, делится воспоминаниями, читает выходящие публикации.

Более 30 лет в музее работает Александр Михайлович Шолохов, сын Михаила Михайловича,внук писателя. Благодаря его активной деятельности, музей стал известен во всем мире. Для него работа в музее стала продолжением духовной миссии его отца и деда. В настоящее время Александр Михайлович защищает интересы русской культуры в Государственной Думе РФ. В «Шолохов-Центре» (г. Ростов-на-Дону) трудится сын Александра Михайловича — Петр Александрович Шолохов. Получив бесценный опыт работы в музее «Государственный Эрмитаж», музее «Исаакиевский собор», Пётр Александрович вернулся работать в музей, посвященный сохранению наследия деда и культуры родного донского края. Петр Александрович отмечает: «Как представителю молодого поколения мне очень хочется, чтобы больше моих сверстников оставались работать в родных городах и развивали культуру в них» [10].Здесь налицо прослеживается преемственность поколений, приверженность традициям семьи.

Концепция музея, названная «Романом под открытым небом» [4], несет в себе глубочайший смысл. Именно на этой земле, по праву названной многочисленными почитателями «шолоховской», создавался писателем его роман. Творчество Шолохова буквально способствовало прославлению той земли и культуры, которой оно питалось. Прекратило ли оказывать влияние творческое наследие писателя на сознание людей после ухода Михаила Александровича из жизни? Однозначно нет. Оно объективно было причислено человечеством к бессмертной классике и находит продолжение в том числе в деятельности Музея-заповедника М.А. Шолохова. Это открывает большие возможности в плане сотрудничества и сотворчества с теми, кто неравнодушен к русской культуре, к Шолохову, кто ощущает себя причастным к казачеству.

Список литературыи источников

1. Ерохин А. Вёшенские казаки в Москве // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Кн. 1 1905-1941 гг. Сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова, М. 2005. С. 521

2. Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается /Предисл. В.А. Архипова. 3-е изд, перераб. И доп. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1983. С. 377

3. Разогреева Л.П. Роман под открытым небом. Государственному музею-заповеднику М.А. Шолохова – 35 лет // «Мир Шолохова», научно-просветительский общенациональный журнал, № 1 (11) 2019. С. 7

4. Роман под открытым небом. 25 лет государственному музею-заповеднику М.А. Шолохова

/ Сост. Л.А. Акользина, О.И. Бахтиярова. Ростов-н/Д, 2009

5. Слюсаренко Л.М. «…Заменять в старинных песнях ничего нельзя» // Вёшенский вестник №13: Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: подходы, концепции, проблемы» («Шолоховские чтения-2013») и научных статей. Р-н/Д: ЗАО «Книга», 2013. С. 256

6. Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник. История. Электронный ресурс URL: https://siamz-ro.ru/about/ (дата обращения 27.02.2020)

7. Шолохов М.А. – Воронову Г.И. 19 июня 1970 г. //М.А. Шолохов. Письма. Под общей редакцией А.А. Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М. Ушакова, А.М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 411

8. Шолохов М.А. – Брежневу Л.И. 14 марта 1976 г. // М.А. Шолохов. Письма. Под общей редакцией А.А. Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М. Ушакова, А.М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 429 – 431

9. Шолохов М.М. Об отце. Воспоминания-размышления разных лет. Издание третье, дополненное. Р-н/Д: Донской издательский дом, 2015. С. 155.

10. Электронный ресурс URL: https://www.instagram.com/p/B44-ZLKo8gj/?igshid=15babgrky3u09 (дата обращения 3 марта 2020 года)

Станица Вёшенская. Главная усадьба Музея-заповедника М.А. Шолохова — вход со стороны парка

Григорий Рычнев

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ МУЗЕЯ — МУЗЕЙНЫЕ ГОДЫ

очерк

Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова основан в 1984 году. Он расположен на севере Ростовской области — в Шолоховском, Боковском и Кашарском районах с центром в станице Вёшенской.

В 2006 году включён в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Уникальность коллекции музея — в мемориальности предметов (рукописи, письма, личные вещи писателя, его произведения на языках народов мира и т.д.), восстановленных архитектурных комплексах, памятниках природы (зона охраняемого природного ландшафта составляет 38236 гектаров).

Концепция развития музея-заповедника — "Роман под открытым небом", потому что всё увиденное служит живыми иллюстрациями великого романа «Тихий Дон»,. Экспозициями и экспонатами служат хутора и станицы — исторические, культурные, этнографические составляющие жизни донского казачества, традиции и обычаи жизни и хозяйствования казаков на фоне природы донского края.

Первым директором музея был Николай Александрович Булавин. После его скоропостижной смерти коллектив музея возглавлял Виктор Алексеевич Суковатов, затем Александр Михайлович Шолохов, внук писателя, в настоящее время депутат Государственной Думы России, который много сделал в развитии музея, открытии новых объектов, благоустройстве памятных мест, связанных с жизнью и творческой деятельностью Михаила Александровича Шолохова.

Становление музея начиналось с нуля. Не было даже своего административного здания, обыкновенных стульев. Взялись за литературную выставку, но здание 1913 года постройки требовало капитального ремонта, и первые сотрудники музея (а их было первоначально не больше двух десятков вместе с директором, бухгалтерией) осваивали профессии грузчиков,каменщиков, подсобных рабочих, а в свободное время формировали фонды, собирали музейные предметы по хуторам, составляли экскурсионные маршруты и тексты.

В настоящее время в штате музея-заповедника трудится более 300 человек. Главные объекты для посещения туристов — мемориальные дома-музеи ст. Вёшенской, где жил писатель, литературная выставка, экспозиции «Народного дома», дом–музей в х. Кружилинском, где родился писатель, музейный комплекс в ст. Каргинской, с родительским домиком двадцатых годов прошлого столетия, школой, где учился юный Миша Шолохов. Тут можно посмотреть мельничное подворье с кинотеатром «Идеал», на сцене которого выступал будущий писатель. А за рекой Чир — писательский сад, посаженный по инициативе Союза писателей России; в том числе приняли активное участие в том Покровском празднике и ростовские писатели. И всё это сотрудниками музея обихаживается, сохраняется.

6 декабря в Доме Культуры ст. Вёшенской состоялись торжества, посвящённые 35-летию Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова. На торжествах 6 декабря большой группе музейщиков за добросовестный, творческий труд были вручены грамоты, подарки и конечно же цветы.

Выступления гостей и приглашённых чередовались танцами и песнями фольклорных коллективов Верхнего Дона и войскового хора «Православный Дон» из ст. Боковской.

На вечере присутствовали и поздравили с юбилеем коллектив музея депутат Государственной Думы Александр Михайлович Шолохов, директор музея-заповедника Ольга Александровна Анистратенко, бывший глава администрации Шолоховского района в те начальные 90-е годы Иван Анатольевич Солдатов, представители областного министерства культуры, администраций станицы Вёшенской и Боковского района.

Вёшенский музей-заповедник М.А. Шолохова. Место упокоения писателя и его супруги Марии Петровны.

Журнал «ДОН_новый» в разделе «Крутояр» представляет произведения победителей областного Литературного Конкурса Союза писателей России «Степные всполохи – 4», посвящённого 75-летию Победы в Великой Отечественной Войне

Возрастная категория до 40 лет. Номинация «Поэзия». Первое место

Надежда Федченко

ПАМЯТЬ

Пули хлестали без устали: жёстко, метко.
Годы обглоданы, ранами-рвами вспороты,
Взрыты воронками. В крике беззвучном вороты
Рвались. Бойцы не сдавались. И шли в разведку.

Жертвенник мира отправился в кругосветку:
Требовал крови, пока не «наелся» досыта.
Дань отдавали живые – любого возраста –
Чтобы потомкам на свет не смотреть из клеток!

Вместе держались, победою одержимы.
Молодость голодом, огненным смерчем смолота.
Люди, поднявшие алое знамя с молотом,
Смыли с планеты, сорвали завесу дыма.
.....
Время стирает фамилии с мемориалов,
Кладоискателей радует ржавь жетонов.
Сможем ли мы не забыть, как Земля пылала,
Не допустить наступления Армагеддона?

Возрастная категория старше 40 лет.
Номинация «Поэзия». Первое место

Наталья Воронина

НА МГЛИСТОЙ ПЕРЕПРАВЕ...

Здесь каждый год цветут, пылая, маки –
И боль земли ничем не погасить!..
Цена Победы под звездой отваги!..
Шаги к рассвету на пределе сил...

Товарищ деда в адовой купели
Был на одной из этих переправ.
В военных сводках– скорбные потери:
Пал смертью храбрых, без вести пропал...

...Да, эта ночь – холодная, слепая,
Их не имела права сдать врагу, –
Приказ бойцам – костров не разжигая
Ждать до зари, держась, на берегу!

Всходило солнце медленно, сурово,
Будило спящих – мёртвых и живых, –
Одним вставать, продолжив битву снова,
Другим остаться в травах ледяных...

Бросок вперед
на мглистой переправе –
И плен студёно-ломкой тишины...
Шаги к Победе по дороге Славы!..
Пути к рассвету по полям войны...

Номинация «Проза». Первое место

Анатолий Токарев

ХЛЕБ

Рассказ

Раечка шла с женщинами на менку, неся за плечами тощий мешок с вещами. Папины ботинки, хотя она и подложила рваных тряпиц в их носки, всё же болтались на ногах и были ей тяжелы. Девочка шла, а перед глазами всё ещё стояло пылающее лицо мамы.

Раечка вчера обошла весь посёлок в поисках фельдшера. А его, оказывается, забрали на фронт. И папа уже на фронте. Мамино выходное платье, розовое с оборкой, так им любимое, она несёт сейчас на обмен. Оно провисело нетронутым с самого начала войны. А как папа восхищался, когда мама его надевала и кружилась. Но кроме него уже и менять нечего. Немного старья да это платье осталось.

А от папы всё писем нет. Маньке широко, как цапля шагавшей рядом, вон уже второе письмо пришло от её отца. Она слегка гнулась под своим мешком, в котором что-то тарахтело. Манька всего на год старше, а уже не в первый раз ходила с женщинами на обмен. А Раечка вот впервые пошла. Она поёжилась. Перехваченный крест-накрест платок плохо грел.

Невесело подумала: «Почтальонша, всё мимо нас ходит. Так долго нет весточки от папы. Если б папа был рядом, может, мама и не заболела бы…» — поморщила носик. Глаза её погрустнели. Вспомнила, как уходя, накрыла своим пальтишком дрожащую от озноба маму и, перепоясавшись поверх кофточки шерстяным платком, попросила её:

— Мамочка потерпи. Я скоро тебе хлебушка принесу — и ещё пообещала, вздохнув — И сахарку принесу.

Ей не хотелось маму одну оставлять, но как же они выживут? В доме ни кусочка хлеба, а без еды больная мама может умереть. Она вот и кипяток отказалась пить. А вчера тётя Фрося её напоила морковным чаем, и ей вроде немножко легче было. А может, помогла таблетка стрептоцида, которую тётя бросила в чай.

Раечка с горечью подумала: «Был бы сахар, тогда бы мама охотнее пила кипяток и быстрее выздоровела».

Где-то вдалеке громыхнуло. Раечка вздрогнула. Уже война недалеко, хотя мама говорит, что это гром. Но гром не так бухает. А самолёты с крестами уже летают. Она же не слепая. Машинально пощупала кармашек кофточки. Часы были на месте. Папины часы. Она их, каждое утро заводила. Надеялась, а вдруг война скоро кончится, и папа вернётся, а часы его идут. Обрадуется он.

Сжала в кулачок часы: «Прости папа. Прости, ради мамы. Может, кто хлебушка за них даст?»

Опять громыхнуло. Но ей уже не так страшно было. Все шли и не обращали на этот дальний грохот внимания.

Некоторые соседи всё же уехали из посёлка. А Манькина семья не уехала. И тётя Фрося осталась. Говорит, что наши обязательно остановят немцев. Муж ей так с фронта написал.

Тётя Фрося вчера на просьбу, чтобы женщины на менку не уходили без неё, а то одной идти страшно, успокоила:

— Да разве я тебя брошу! И маму твою не бросим. И напоим, и покормим, чем богаты. Правда, Марковна?

Её сухонькая свекровь, прижав закутанную в одеяло пятилетнюю Катюшу, согласно кивнула: — Что бог дал тем и поделимся. — В комнате у них было так же холодно, как и у Раечки в доме.

Когда мама очнулась и воспалёнными глазами взглянула на неё одетую в пальтишко, то встревожилась:

— Ты куда-то собралась?

Раечка смутилась, но быстро нашлась:

— Мамочка, я к тёте Фросе сбегаю за керосином.

Мама тихо что-то прошептала, но тут же прикрыла тяжёлые веки. Её бил озноб и Раечка, сняв пальтишко, накинула его поверх одеяла.

Сегодня женщины шли за речку в дальние, и говорят, богатые хутора.

Раечка вспомнила, что они ещё прошлым летом с ребятами бегали купаться на эту речку. Хоть она и не очень близко, но зато там было весело. И с моста, они прыгали в воду. Брызги во все стороны летели, и улыбчивая радуга в них пробивалась. А теперь вот она идёт со всеми за эту помутневшую от бомбёжек речку, за хлебушком и сахаром для мамы. Надеется, что наменяет полный мешок, ну пусть полмешка, и мама, как увидит это, так обрадуется и сразу выздоровеет.

Манька, по привычке её подразнивала, за красные щёчки:

— Помидор, помидор, чем ты щёчки натираешь?

Она же не виновата, что мама её одарила такими щёчками. Она их уже и мукой припудривала. А они всё равно горят. Тётя Фрося говорит, что это красиво.

Шли уже долго, а речки всё не видно. Может Раечке показалось, что долго идут, из-за тяжёлых ботинок? Её детские ботиночки мама давно уже отдала за муку. У них тогда было очень голодно. «И почему этот голод не проходит?» — вздохнула.

Тётка Василиса всё ворчала:

— Зачем мелюзгу с собой взяли? И так, ничего не дают, ещё эти прутся с нами.

Вчера Раечка попросила у неё сахарку для мамы, но та отрезала:

— Нечего попрошайничать. А ещё пионерка.

На просьбу, чтоб женщины подождали её, если задержится с мамой, пожала плечами, и угрюмо сказала:

— Если хочешь, — иди с нами. А вообще, сидела б дома да за матерью смотрела. Тебе соплячке вообще, могут ничего не поменять.

Раечка тогда сжалась вся в комочек. Им что же с мамой от холода и голода помирать? Хотя она её особенно и не осуждала. Понимала, что эта трудная жизнь всех сделала равнодушными. У каждого своя боль и каждый в неё спрятался — ей мама так говорила.

Идти было тоскливо. Сентябрь выдался пасмурным и прохладным, но деревья в посадках ещё не сбросили листву. И трава там не была такой пожухлой, как возле дороги. Неожиданно она услышала короткий посвист синички. И в этой тоскливой осенней тишине, от незамысловатого пения птички, утро ей показалось таким спокойным и мирным. Они до войны с мамой и папой собирали грибы в посадке. Весело им было вместе. Мама заразительно смеялась и пела папе:

Прижимай к плечу плечо –
Дружба остаётся.
Если сердце горячо –
Девушка найдётся.
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денёчек,
Выше голову держи,
Вася-Василёчек!

Папа же её — Василий! Раечка и цветы васильки любила. Перекликаются они с именем папы. Правда, теперь ни одного не видать. И мама уже давно не смеётся и не поёт.

Неожиданно в раздумья вторгся нудный и зловещий гул, нарастающий, словно гудящий шмель норовил ей влететь в ухо.

Но это был не шмель. Над ними показались два самолёта с фашистскими крестами. Один полетел дальше, минуя бредущих по дороге, а другой сделал разворот и пошёл на бреющем, неумолимо приближаясь.

Женщины бросились врассыпную к посадке, чтоб укрыться среди деревьев. И Раечка бросилась за ними. Манька опередила её, и мчала вовсю, со своим тарахтящим мешком.

Тётка Василиса, бежавшая впереди, вдруг взвизгнула:

— Ложитесь.

Но Раечка, запутавшись в своих тяжёлых ботинках, уже лежала.

Все остальные сразу, будто по команде, упали. Забил пулемёт и лётчик стал поливать их сверху пулями. Пули ложились, казалось совсем близко, буравя землю. Раечка вздрагивала при каждом их ударе. Самолёт начал удаляться. Притих шум его моторов. И опять тётка Василиса крикнула:

— Скорей бежим к посадке! — Ойкнула: — Нога, проклятущая нога.

Раечка подбежала к ней:

— Тётя Василиса, что с вами?

— Тебе чего? Не видишь, подвернула ногу — простонала она и неприязненно взглянула.

А те из женщин, кто смог встать, снова побежали поближе к деревьям, надеясь на спасение. Они уже почти добежали. Но самолёт развернулся и стал их догонять. И уже без всякой команды женщины упали в траву, зарывшись в неё с головой. Раечка упала возле тётки Василисы.

Опять слышались, где-то рядом удары пуль о землю. Голову страшно было поднять. А пули всё стучали и стучали. Ей, показалось, что она целую вечность так лежит и будто уже умерла, и не пули это вовсе, а комки мёрзлой земли стучат о крышку гроба. Стучат так же гулко, как когда-то стучали о крышку гроба её умершей бабушки. И Раечку пробрал до косточек смертельный страх. Она задрожала, как листочек.

Кто-то неожиданно толкнул её в плечо.

Манька стояла над ней и хихикала:

— Ты что умерла? Самолёт уже улетел.

Но не все ещё поднялись с земли. Не только ей было страшно оторваться от неё.

А тётка Василиса, уже постанывая, ковыляла к дороге.

Раечка услышала причитания и проклятия фашистскому лётчику перепуганных женщин. Почувствовала вдруг с ужасом, какой она жуткий страх пережила, что всё у неё внутри захолонуло.

Манька не стала помогать ей подняться, а, взвалив мешок на плечо, потащилась к женщинам. И хорошо, что ушла. Раечка постепенно приходила в себя. Унялась дрожь. Она поправила платок на груди, шмыгнула носом и, вытерев рукавом кофточки повлажневшие глаза, собралась выйти к дороге. Но вдруг её ударило в жар. Раечка судорожно схватилась за кармашек и обмякла. Отцовские часы были на месте. Как они только не выпали?

Многие из женщин растерянно топтались на дороге, словно в размышлении: идти, не идти дальше. Одна женщина, была легко ранена в руку. Перевязав рану лоскутом, оторванным от платья, её повели обратно. Страх после пережитого погнал и пожилых домой. Поплелась с ними и охающая тётка Василиса.

Немецкий лётчик, наверно, не прицельно стрелял, а просто пугал женщин. Наслаждался их беспомощностью и испугом. Поиграл, пострелял и улетел. А пуля не шутила и всё же задела одну из женщин.

«А хоть бы и убила, фашисту всё равно» — вяло, как о чём-то само собой разумеющемся подумала Раечка. Она ещё не отошла от потрясения, когда и её жизнь висела всего на волоске.

Медленно и понуро пошли женщины, решившие всё-таки продолжить путь. Они шли и изредка поглядывали на небо.

Тётя Фрося у реки облегчённо произнесла:

— Слава богу, мост через речку ироды не разбили совсем.

Хотя он был наполовину всё же разрушен, но люди уже из подручных средств его подлатали. Перейти речку можно было. Передвигая тяжёлые

ботинки, Раечка шла, чуть отстав от всех, но стараясь не потерять из виду женщин. Тётя Фрося несколько раз оглядывалась и махала ей рукой, чтоб не отставала. Манька же шла не оглядываясь.

Раечка озябла и стягивала всё туже и туже свой платок, который её мало грел.

Когда дошли до первого хутора, уже сил не было идти. И она только плелась за женщинами. Но никто из людей открывших ворота, не обращал на неё внимания. Женщины бойко предлагали свои вещи для обмена. И Манька была расторопнее. Она уже на мамину кофточку, с ситцевой занавеской и каким-то старьём выменяла кусок пожелтевшего сала.

После того, как многие, закончив обмен стали уходить, никто ей, сопливой девчонке, не открыл больше ворота. Но не всем так повезло, как бойким женщинам.

Раечка и ещё несколько не обменявших ничего и вместе с ними Манька, пошли дальше, в соседний хутор. Надо было хоть малюсенький кусочек хлеба выменять.

Вчера они с мамой съели последний хлеб. Он твёрдый, зачерствевший, трудно размачивался. Берегли его на чёрный день. Вот этот день и пришёл. Мама печально смотрела и, отломленный для неё Раечкой кусочек, норовила ей всучить. Раечка под любым предлогом отказывалась. Ладно, она здоровая, а мама больная. Ей надо много сил, чтоб выздороветь. Раечка и свой бы кусочек отдала бы маме, да только при виде его живот сводило и, казалось, если она этот чёрствый хлеб не съест, то умрёт.

Ноги у Раечки разболелись, наверное, набила их, до кровавых мозолей.

Тётя Фрося стала уговаривать её вернуться и даже пообещала кусочек от ею выменянного хлеба отрезать им с мамой.

— Пошли Раечка домой. Замёрзнешь и тоже заболеешь. Кто тогда маму будет выхаживать.

— Спасибо! Нет, тётя Фрося я ещё поменяю. А меня холод не берёт. Я закалённая.

Тётя Фрося покачала головой, но настаивать не стала, ушла, сказав:

— Не волнуйся, я к маме загляну. А ты сама домой не иди. Прибейся к кому-нибудь.

Вот и второй хутор. Там все разделились. Каждый хотел свою удачу найти. Манька привязалась с ней ходить по дворам, и они вместе стучали в ворота. Раечка еле двигалась.

У Маньки остались в мешке утюг и чайник.

Раечка с сочувствием спросила:

— Как же вы будете пить чай?

— Кастрюля ещё есть — как-то весело и беспечно отозвалась Манька — А чайник сифонит. Правда, чуть-чуть. Сразу дырочку не заметят. Пока кинутся, мой след и простынет!

Наконец, у крайнего двора им повезло. Открыл ворота хозяин:

— Что голодранки, надо? Думал посолиднее бабы ходят, а тут соплячки.

Но вышла хозяйка и прикрикнула:

— Не гони. Посмотрим, что у них есть.

На Манькин почерневший небольшой утюг и не взглянула. Чайник подержала в руках:

— Не течёт?

— Не тётя, не течёт.

— Прямо не знаю: брать, не брать?

Хозяин окрикнул:

— Зачем? Свой пока цел.

— А про запас. О завтрашнем дне не думаешь. Ну, что у тебя там? — обратилась она к Раечке, отложив себе чайник.

Раечка развязала мешок.

Хозяйка порылась среди вещей.

— Чего там рыться — фыркнул хозяин и ушёл, прихрамывая — Э–э… Что может быть у сопливой девчонки, в чоботах больше себя? Только что-нибудь завалящее.

Но хозяйка уже держала в руках платье Раечкиной мамы.

У Маньки мелькнул нехороший огонёк в глазах. Она видно тайком пожелала, чтоб у неё ничего не выбрали. Во всяком случае, так Раечке показалось.

Хозяйка приложила платье к себе, залюбовалась:

— Платье красивое, но куда ж его носить. Война. Придут супостаты и отберут. Да и не молодая я уже.

Манька снисходительно улыбалась.

— Возьмите тётечка — заглядывая с надеждой в глаза хозяйке, забормотала Раечка — Это мамино. Выходное. Она у меня хворает. Ей теперь не нужно оно. Ей надо кушать, чтоб у неё были силы поправиться — и просительно протянула — Мне бы хле-ебушек и сахарок для мамы.

Выглянул с любопытством из дому мальчишка-подросток.

С порога хоть и бойко, но участливо спросил:

— Девчонки и охота вам таскаться с барахлом в такую даль. Жалко вас.

Раечка глянула с обидой на него:

— Кушать хочется — хотела ему и про маму сказать, да промолчала.

Манька только хмыкнула.

— Эй, жалостливый, спрячься, а то заболеешь — прикрикнула хозяйка.

Вышел хозяин из дому и направился к ним, прихрамывая. В руках он держал полбуханки серого хлеба.

— Хотел Полкану отдать, а то в сарае совсем замаялся кобель. Проголодал, наверно. Всё вас тут нищенок носит, а ему маета. А он злючий, — порвать может. Да вот думаю, может, вам голодранкам отдать? — и криво улыбнулся.

Хозяйка заворчала:

— Чего это ты вздумал. Я ещё ничего не выбрала. Ну что ещё у вас есть.

Раечка робко достала из кармашка кофточки отцовы часы.

— Так сразу бы и показала. Чего прятала? Семён смотри, а часики хороши. И тикают — и, бросив платье назад в мешок, приставила их к уху.

— Так есть, за что их кормить? Держите! — и хозяин между Манькой и Раечкой бросил полбуханки хлеба. Манька сразу, как коршун бросилась и вцепилась в хлеб. Раечка, тоже потянулась к хлебу, но та заверещала:

— Моё! Помидор перезрелый. Мой чайник взяли.

Раечка пролепетала:

— А часики?

Ей стало обидно. Он же, этот чайник дырявый, — это же обман, а её часики целые и так поступать не честно. Вспомнила ещё про маму, лежащую в горячке, и набросилась на Маньку, отнимая хлеб. Манька была крупнее и, держа одной рукой хлеб, другой молотила её по голове. Раечка не отступала; перед глазами её всё ещё стояло пылающее от жара лицо мамы, и она не сдавалась.

Манька ухватила её за волосы и начала таскать:

— Я тебя помидорина укокаю.

Хозяин громко покатывался со смеху:

— Га-га! Всякого ожидал, но такого зрелища не ждал. Ату! Давай и ты её за волосы тяни. Помидор, что ли… — и ржачка его с новой силой одолевала.

Хозяйка вначале оторопела от такого ужаса, что дети из-за куска хлеба насмерть бьются, а потом набросилась на мужа:

— Остолоп. Дубина! Они же голодные. Порвут друг друга. Ещё и покалечат. Нашёл над кем потешаться.

— А мне что? Жалеть их что ли? Я что должен всех кормить. Всех не нажалеешь и не прокормишь.

И тут Манька изловчилась, поставила подножку Раечке, та упала и больно ударилась о землю.

Манька схватила за край свой мешок и поволокла по земле, убегая и победно повизгивая:

— Помидорина, помидорина!

Хозяйка махнула в отчаянии рукой и ушла.

Раечка села на землю и заплакала, размазывая по лицу грязь и слёзы.

— Чего ревёшь — всё ещё хохотал хозяин — Догоняй, а то без хлеба останешься. Драться надо было, как следует. Догоняй, а то уже вечереет. Замёрзнешь пока дойдёшь домой, и волки объявились, — и напоследок хохотнул, — любят человечину.

У Раечки внутри всё от страха похолодело. Она с трудом поднялась, взяла свой мешок и поплелась по дороге прочь. Первые сумерки уже опускались на землю, недружелюбно окутывая её своей осенней знобкой прохладой.

Хозяин неожиданно окликнул:

— Подожди! Платок у тебя хоть тёплый?

–Тёп-пл-лый — сквозь слёзы выдавила она.

— Давай его сюда и жди.

Он хромая, с платком скрылся за воротами. Раечка ждала. Пригладила свои растрёпанные волосы. Вокруг всё гуще ложилась темнота. Лишь через приоткрытые ворота видно было, что в окнах дома тускло горел свет, но не было видно, чтоб кто-то по двору шёл к ней. Она глянула на темнеющую дорогу, поёжилась. Без платка ей стало совсем холодно. Неожиданно из ворот выскочила большая головастая собака. Раечка вздрогнула от испуга.

Но та поглядела мутными жёлтыми глазами, гавкнула пару раз и ушла с видом:

— Чего с тебя голытьба взять? Одни кости.

Раечка поняла, что бесполезно ждать. Пошла, тяжело переступая в совсем отяжелевших вдруг ботинках. Медленно шла и готова была снова заплакать. Но не заплакала. Ей было только очень зябко. Но и это её не так мучило. Злая человечья жестокость, словно выела из неё все слёзы. Даже собака оказалась добрее. Осталась в душе только какая-то пустота, которую нечем было заполнить. Ледяная пустота. Она в отчаянии понимала, что мама не сегодня, завтра без еды умрёт.

Тяжко вздохнула:

— А потом я умру. Забьюсь в уголок и умру. И может соседский кот, который так противно мяукает, он же бедолага тоже голодный, найдёт меня. Понюхает и полижет язычком волосы, а может, лизнёт ещё и в носик, что он редко делает, хотя я его прошу. А когда он поймёт, что больше на свете нет меня, замяукает и заплачет.

Раечка один раз видела слёзы на его глазах, когда ему прищемили лапку. Они блестели, как бусинки.

Неожиданно она услышала сзади топот. Издали было смутно видно, что за нею бежит небольшой мужичок. Раечка испугалась — отнимут сейчас и мамино платье, и неловко побежала в своих тяжёлых ботинках. И вдруг споткнулась, упала и закрыла руками голову.

— Дурёха — мальчишеский голос раздался над нею — Чего ты испугалась?

Мальчишка поднял Раечку, стряхнул с неё пыль. Она узнала его. Мальчик был с того злополучного дома, где её так сильно обидели.

— Мать послала. Ты чего не дождалась? — и он протянул ей небольшую потёртую сумочку, наполовину наполненную чем-то и её платок:

— Надень, замёрзнешь.

Она стояла, не выпуская мешка из рук, как оцепеневшая.

Мальчишка сконфуженно помялся:

— Ты на батьку не обижайся. На него бывает, находит придурь. Он в гражданскую контуженный был. И ногу ему на войне повредило. А так он ничего, терпимо. Даже приказал мне перевести тебя через речку. Чего ты застыла и дрожишь?

Раечка перевела дыхание и, взяв лишь платок, прошептала дрожащим голосом:

— А я и не обиделась. Просто озябла. Ты не беспокойся я сама дойду — и, опустив мешок на землю, повязала платок крест-накрест, задубевшими от холода пальцами.

— Не, так не пойдёт. И спрос с меня будет строгий. Да я и сам никогда не брошу девчонку ночью. Да ещё одну в незнакомом месте. А чего ты так далеко меняться зашла? — и он снова протянул ей сумку — Возьми же, это же от мамкиного жалостливого сердца. Немного там еды, но на первое время хватит. Она у меня знаешь какая! Всем тайком помогает. Это для вида она строгая.

Раечка неуверенно взяла сумку и, закинув мешок на плечо, быстро заговорила словно оправдываясь:

— Так нигде ничего не дают. Голодно стало вокруг. Вот и ходим подальше. Я сама в первый раз пошла — не то с гордостью, не то с грустью сказала и уже, когда они пошли, притихнув, проговорила — Мама болеет, а папа на войне. Не знаю, жив или нет. Третий месяц писем нет. А твой, гляжу дома.

Мальчишка вскинулся:

— Так у него вместо одной ноги — протез.

— А не видно. Хотя нет, я заметила. Он хромает.

— Приловчился он так ходить, без всякой палочки. И по дому всё делает. Я ему первый помощник. А ты жди писем. Я сводки слушаю, там такие бои идут! Некогда им писать. А, что ж ты не сказала мне, что мамка больна?

— Я сказала твоей маме. А моя уже второй день с высокой температурой лежит. То провалится в сон, то очнётся. И ни крошки в доме.

— Думаешь, хорошая еда поможет? Ей же надо лекарство!

— Не знаю. Мне кажется, что лучше еды и нет на свете лекарства. Вот увидишь, я маму выхожу. Я ещё дальше пойду, чтоб еды достать — и внезапно сникла — Как же я без неё буду жить? — слёзы набежали на глаза.

Мальчишка тронул Раечку за руку:

— Не плачь.

Они помолчали.

— Не выходишь ты мамку без лекарств — он приостановился, помялся — На! Возьми! Мне мать подарила твои часы. Может, лекарство ещё выменяешь на них.

Раечка от неожиданности застыла. Она от изумления не могла пошевелиться, не то, что руку протянуть.

— Ну что ты онемела что ли? Бери! Я от чистого сердца. Обиделась на моих. Забудь. Сейчас все люди обозлённые. Вон, как твоя подруга с тобой поступила. А чайник я проверил. Дырявый он. Давай я понесу — взял он сумочку из её рук и вложил в ладонь часы.

Раечка бережно сжала в ладошке часы:

— И вовсе она мне не подруга. А часики папины.

— Вот и хорошо, что взяла. А таких подруг, как она, нельзя близко держать возле себя — и раздумчиво сказал — Папины говоришь. Я понимаю. Жалко было тебе их менять. Отец твой сейчас Родину защищает, а я носил бы его часы. Не честно. Сейчас надо всем беспощадно врагов бить. Вовка, сосед мой уже воюет. Сын полка! У него, правда, ни отца, ни матери не осталось.

Раечка положила часы в кармашек кофточки:

— Плохо без родителей. У меня хоть мама есть. А без папы, как без рук.

Они снова пошли, вдали, словно от зарева вспыхивало небо.

— Тяжело там нашим — со вздохом прошептал мальчишка.

— Тяжело — отозвалась Раечка.

Они уже перешли речку, а он не уходил и всё провожал Раечку.

Она уже стала просить, беспокоясь:

— Ты иди, а то заругают. И ночью страшно. Волки говорят, здесь появились.

— Может, и появились в такое голодное, тревожное время. Но то отец тебя просто пуганул, чтоб до темноты успела дойти домой. В сумерках и чёрт может привидеться. А я темноты не боюсь. Привычный по ночам ходить: сторожу дом, когда все заснут. Фронт рядом. Всего-то в нескольких километрах бухает. А вдруг немцы прорвутся, предупредить надо вовремя своих. Хоть в подпол спрячемся, — и протянул руку, — давай и мешок понесу.

— Спасибо! Да он считай пустой, — и опять забеспокоилась. — Ты беги домой. Уже далеко зашли.

— Как только огоньки твоего посёлка появятся так я, и поверну назад. Далеко от железной дороги живёшь?

— Нет, почти сразу за дорогой. А по ней танки, орудия везут и столько солдат в теплушках. Всё на фронт. На помощь папе.

— Конечно, большая сила у нас. Но я видел там и раненых. Тяжело нашим с немцами биться. Силища у них. Но ничего, батька говорит, — не таким хребет ломали. Только жаль, столько у нас по улицам ходит голодных. Не перечесть. Перетерпеть надо — явно сказал как видно со слов матери — Фашиста, вот погоним, легче станет. А так ведь всё для фронта. Потому все и голодают — вздохнул, немного помолчал — Мне порой в окно глядеть страшно. Все просят хлебушка. В глаза заглядывают. Душу выворачивает от жалости.

— Да-а — согласилась печально Раечка — Выворачивает душу.

Но вот уже показались огни посёлка.

Она остановилась:

— Беги уже. Тебе отсюда далеко. И одному всё равно страшно.

— Фу. Совсем не страшно. А, как на фронте? Я тебе по секрету скажу — скоро сбегу бить фашистов. Надо помочь остановить этих гадов, чтоб до мамки, с папкой не добрались.

— А как же мама? Кто будет помогать отцу?

— Так я ж об них беспокоюсь. Мамка у меня крепкая женщина. Это не то, что у тебя болеет. А отец? От хозяйства считай ничего не осталось, кроме Полкана. Старых запасов надолго не хватит. Скоро сами будем голодать. Ну, пока! — и отдав сумочку, он, не спеша пошёл назад по дороге.

Раечка смотрела ему вслед, и ей хотелось сказать ему что-то хорошее, обнадёживающее, чтоб он шёл домой с лёгким сердцем. Но она не находила слов.

Мальчишка вдруг повернулся, словно почувствовал, что она смотрит ему вслед и громко спросил:

— Как тебя зовут?

— Раечка!

— А что она тебя всё обзывала помидором?

— У меня щёчки красные.

— Позавидовала, значит. И в горе радуется, сама не знает чему. Мать говорит — бог всё видит. И каждому по заслугам будет. А меня Иваном зовут. Слушай Раечка, перед тем, как на фронт сбегу, можно я к тебе загляну? Может, ещё чем помогу. Самой тебе не справиться, раз твоя мама больна. А сейчас такое время, что никому ни до кого нет дела.

Раечка молчала, не зная, что ответить.

— Ты хоть, скажи, где твой дом, а я сам найду.

— Второй справа, по крайней улице. Сразу, как за переезд перейдёшь, забор зелёный — и тихо поправилась — Был зелёным.

Ваня, радостно хмыкнул:

— Найду! Жди! Смотри завтра не уходи. Я соседку нашу, старую фельдшерицу приведу — сорвался с места и помчал по дороге.

Раечка, долго смотрела ему вслед, пока мальчишку полностью не поглотила темнота. Потом, словно очнувшись, заспешила домой. Заныло сердце: «Как там мама?»

Но вспомнив о сумочке с продуктами, подумала: «Вот мама обрадуется, что я такая додельная и ловкая…»

А за горизонтом всё так же, как с утра, погромыхивало.

Крутояр

Окончание

Людмила Хлыстова

ВОТ ВАМ И «WHATSAPP»!

Рассказ

Классное изобретение — WhatsApp! В любое время суток общайся с родными, с друзьями — пересылай СМС, фотки, даже целые фильмы — и ничего платить не надо!

Хоть ты за стенкой и лень с дивана чресла поднять, намекаешь жене: «А не пора ли нам чего-нибудь жевнуть?», хоть за границей — без разницы!

Можно и по телефону, и аудиозвонки, чтоб во всей красе себя показать, — пожалуйста! Только связь похуже. Ну… бывают издержки. Как говорится: «Дешёвая рыбка — поганая юшка!» Ну, это можно перетерпеть. Если разговор не важный, а так … «бла-бла-бла».

Вот с Ильёй случился такой казус. Может, «корона» виновата: сидишь целыми днями на «самоизоляции», сам себя в зеркале пугаешься, поневоле тупеешь. Только Интернет и выручает.

Звонит Илье на днях Пашка — друг детства.

— Что ты там в своей Москве, совсем закис? Собирались же на рыбалку. Когда приедешь? Границы уже открылись, пропусков не надо. Санька Горох уже неделю у меня живёт.

Горох — общий их приятель, хороший парень, но увалень такой, килограмм сто сорок весу. Он на всё готов: и на рыбалку, и пожить у Саньки в деревне на берегу пруда — чем не жизнь? Семьи у него нет. Ничем не обременённый, короче.

— Ну и как вы там?

— Да всё нормалёк! Наши давно промышляют. Никаких карантинов! Погода — что ни на есть!.. Рыбы немерено. Карась прёт, плотвичка, даже щука попадается. Санька уже нудит, чо ты застрял…

Хлыстова Людмила Александровна, прозаик, член Союза писателей России, член правления Ростовского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор литературной газеты «Донской писатель». Автор нескольких книг прозы.

Живёт и работает в Таганроге Ростовской области.

Тут в телефоне произошла какая-то заминка, и Пашка потонул в неразборчивом кряканье, но быстро прорвался:

— … приболел. От еды отказывается, грустный такой… Желудок, что ли… Я ему специальные отвары, бульончик лёгкий… Мне его так жалко, как мамка над ним!

Илья озадачился. Когда они так сблизились? Паша и Санька, конечно, друзья. Но…Как-то подозрительно даже. А Пашка продолжает:

— Я ему и клизму сделал, проглистовал…

— Ничего себе! Помогло?

— Да ни фига! Похудел на двенадцать килограммов.

Илья представил тушу Саньки Гороха, что ему те двенадцать килограмм! И говорит:

— Ну хорошо! Ему не повредит!

— Как «не повредит»! Он еле ходит, качается… Не дай Бог, что… Понимаешь, я так к нему привязался!

Не зная, что и сказать, Илья встревожено спросил:

— А врачам ты его показывал?

— Конечно, возил к ветеринару!.. Тот сам не поймёт, что с ним… Травануился чем-то.

Тут в мозгу у Ильи стало что-то проясняться, и он осторожно задал вопрос:

— А ты… это сейчас о ком рассказывал?

— О Джеське моём, о ком же ещё!

Джеська — Пашкин пёс, неизвестной породы, забавный такой!

Но это всё-таки не Санька. У Ильи отлегло от сердца, и уже другим голосом он постарался подбодрить друга:

— Да не парься! Выкарабкается! Он ещё молодой, иммунитет хороший! А я… я хоть завтра выезжаю.

Вот вам и WhatsApp! В такую историю можно попасть!..

Илья ещё долго потом рассказывал жене, покатываясь со смеху:

— Ты только представь фигуру Сани Гороха! Похудел! Я его, говорит, проглистовал… Нянчу, как мамка! — и вытирал невольные слёзы.

Дмитрий Ханин

ПРИНЯВ СМЯТЕНИЕ ПРИРОДЫ...

***

Л. Х.

Любовь – не букеты наивных цветов:
В ней больше и воли, и мощи.
Она – окрылённая звоном ветров
Зелёная дикая роща.

Непросто нам вглубь пробираться вдвоём,
С опасностью тропы граничат,
Но птицы, как листья, резвятся кругом,
И листья воркуют по-птичьи …

Оставим в прошедшем заботы и хлам,
Чтоб стать веселей и весенней.
Мы будем к ручью выходить по утрам,
Как старцы выходят к прозренью.

Продолжит куда-то струиться ручей –
Что в жизни чудесней и проще?
И мы, словно пара апрельских лучей,
Сольёмся с дыханием рощи…

***

Л.Х.

Казалось бы: вот день и он не вечен.
Вот сонный мрак, ползущий, как змея.

Ханин Дмитрий Игоревич, поэт, член Союза писателей России с 2011 года, главный редактор сайта www.donpisatel.ru. Родился в 1989 году. Выпускник факультета математики, механики и компьютерных наук Южного федерального университета, воспитанник Ростовского областного литературно-творческого объединения «Дон» (руководитель – И. Н. Кудрявцев). Лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (номинация «Русская надежда», Москва, 2012), премии имени Николая Гумилёва (Крым, 2019). Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

А вглядываюсь – нет противоречий,
Есть разные оттенки бытия.

Стоим, смеясь, и всюду видим дали…
У нас любовь огромнее весны,
Но мы с тобой – две маленьких детали
На том холсте, где истина и сны.

Не знаю я, что время нам готовит,
Прижму тебя – глазам твоим в ответ,
И в радостном пульсированьи крови
Почувствую кружение планет.

В движении всё связано друг с другом:
И стук в груди, и космоса простор –
На синем шаре, мчащемся по кругу,
Несутся вдаль моря и глыбы гор.

Поверь в наивном сумраке, что где-то
Рождается звезда, свергая тьму...
А я, пока ты думаешь об этом,
Тебя земною жизнью обниму.

***

Размыты дождями года,
Но в бурной и шумной погоде
Спокойно и тихо вода
В безмолвную землю уходит.

Наполню водой дождевой
Я чашу, как душу, – до края.
И стану глядеть на покой,
Ветра и судьбу созерцая.

Так много уже решено,
И в тучах так много повисло.
Но капли ложатся на дно
И жизнь наполняется смыслом.

Наверно, даётся печаль
Осенним раздумьям на милость,
Чтоб в сердце глубокая даль,
Как в чаше воды, отразилась.

Когда в завершении дней
И беды, и страхи миную,
Свой век, будто чашу дождей,
Я вылью на землю родную.

***

Ни к чему здесь цветы безразличные…
Мне до горечи стало родным
Возле кладбища поле пшеничное
Под безудержным ветром степным.
Огляжусь я, и сердце сжимается –
Так в природе контрасты близки:
Над землёю кресты поднимаются,
Как желтеющие колоски…
Что-то в жизни всегда недосказано,
А в душе всё светлей и светлей…
Будто дни мои с вечностью связаны
Добрым хлебом с пшеничных полей.

МОКРЫЙ СНЕГ

Озябших капель вереницы
Летят, сомненьем тяготясь,
Им тяжело определиться
Дождём ли, снегом ли упасть –

То моросят промозглой дрожью,
То мчатся, радостно клубя…
Как будто мир понять не может,
Чего он хочет от себя.

Приняв смятение природы,
Стоит печальный человек
И видит прожитые годы,
Как мимолётный мокрый снег.

Ему пока ещё не ясно,
Что всё осмысленно кругом
И что не может быть напрасным
Идущий с неба снег с дождём…

***

К наивным дням судьба нас не вернёт,
Меняют мысли форму и окраску.
Всё меньше жду чудес на Новый Год,
Всё больше ожидаю их на Пасху.

Крепись, душа, о вечном хлопочи –
Тебе так трудно истины даются!
Смотри же, как огромны куличи,
Хотя и умещаются на блюдца.

Как много нынче воздуха вдохну
У маленькой часовни белостенной,
Где чувствовать чудес величину
Я только начинаю постепенно.

Светлана Вьюгина

СТРАННЫЕ БАБУШКИ

Рассказ

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса…
Ф.Тютчев

По прочной, давно уже сложившейся семейной традиции, каждое лето мы выезжали на дачу. Мы — это бабушка, я, её внук Володя, и моя младшая сестра Аня.

После долгих суматошных сборов и укладки всего необходимого для дачной жизни мы усаживались в папину машину и с облегчением трогались в путь. Иной раз, правда, приходилось терпеть долгие автомобильные пробки на трассе, но что значили эти пробки, когда нас часа через два вдали от городского шума и смога ждал в глубине первозданного соснового бора настоящий рай земной.

Рай земной — это не преувеличение. Хорошо, уточню: рукотворный рай земной, сад-вертоград и благоухающий цветник, созданный руками влюблённой в своё творение бабушки. Какие только плодовые деревья, кусты и кустарники не произрастали в её любимом саду. В этот раз наш взгляд, только мы открыли широко калитку, поразил белый взрыв — большой цветущий куст жасмина с его тонким, совершенно неповторимым ароматом. А ведь ещё у бабушки «в стройном беспорядке» росли пионы, ирисы, гортензии. За металлическую решётку забора цеплялся своими колючими ветками усыпанными плодами созревающий крыжовник… Ах, милая бабушка-хлопотунья! И до всего у тебя доходили руки. И как ты не уставала?!..

С бабушкой на даче было всегда интересно.. Она не поучала меня с Аней надоедливыми наставлениями, считая, что воспитание детей — это святой

Вьюгина Светлана Васильевна, известный детский прозаик. член Союза писателей России, секретарь Приёмной Коллегии Союза писателей России.

Автор нескольких книг детской прозы. Постоянный автор журнала «ДОН_новый».

Живёт и работает в Москве.

долг родителей. Бабушка не запрещала нам часами сидеть за компьютерами: просто иногда вздыхала, мол, цивилизацию не остановить. Даже к чтению нас приманивала по-своему: наливала суп и пока мы его поедали, читала небольшой захватывающий отрывок из какой-нибудь приключенческой книги. На самом интересном месте останавливалась и спокойно накладывала второе и подавала компот:

— Дальше сами читайте. Если любопытно…

Вечерами перед сном бабушка рассказывала нам чудесные истории, в которых порой, явь была неотличима от вымысла. И, когда мы пошли в школу, то есть стали почти взрослыми, то тоже начали по очереди друг другу рассказывать всякие небылицы, подражая бабушке… Но мы всегда обязаны были следовать одному бабушкиному условию: любая, даже страшная история должна быть, с хорошим концом. Бабушка всю жизнь, а с возрастом — всё больше и больше верила в чудеса!.

Родители наведывались в наши лесные угодья по воскресеньям, привозили продукты-гостинцы, сидели с нами у костра, у мангала с шашлыками, но слушая чудесные завиральные рассказы, только плечами пожимали:

— Ну, ладно, дети… Но, бабушка, ты же взрослая!?

Папа с мамой не говорили бабушке, что её истории иногда производят странное впечатление потому, что они были воспитанными людьми и любили свою маму по-своему. И, конечно, ценили всегдашнюю бабушкину о нас заботу.

— Чудеса?! В наше-то время?!

И вопросы повисали в воздухе.

А бабушка на их недоумённые взгляды и вопросы не обижалась, помешивала большой деревянной ложкой клубничное варенье, а мыслями витала в своих чудесах — сочиняла для вечера очередную историю…

Дедушка первый догадался в чём дело: чудеса живут с теми, кто в них верит. И в подтверждение своей мысли приводил строчки известного современного поэта: « Мы с тобой в чудеса не верим, потому их у нас не бывает…» А вот с бабушкой всё было наоборот. Время от времени в её жизнь приходили необычные люди и необычные события… И вот эта история, случившаяся с ней, и о которой я сейчас расскажу, доказывает, что мир полон непознанного и удивительного…

В молодости наша бабушка сотрудничала с издательствами и оформляла детские книги — она была художник-акварелист.. Потом она отошла от всего этого. От издательства, но не от живописи. Время от времени доставала краски, акварели же писала только в охотку, для себя, для друзей в подарок. Она была уже на пенсии, когда её разыскал дальний родственник и попросил сделать иллюстрации к детской книге. Бабушке отказывать было неловко, да и красок подходящих на даче не оказалось — она пообещала по возвращении в город найти в своём архиве что-то подходящее и поделиться.

Осенью, вспомнив про своё обещание, стала перебирать наброски, рисунки. Выбрала три-четыре подходящих для книги и, убирая папки, одну из них уронила. Веером легли поверх рисунков — фотографии, пожелтевшие документы. После смерти своей мамы бабушка, приведя в порядок бумаги,

убрала их в укромный уголок и долгое время в них не заглядывала, и вот случай. Решила две фотографии со своими бабушками-дедушками вставить в рамочки и повесить на стенку, чтобы почаще вспоминать. Решила и сделала. Так фотографии и висят по сей день на той же самой стенке…

— Такие светлые лица, — улыбалась бабушка. — А прадедушка ваш был до революции известным композитором, жаль, молодым умер, — грустно рассказывала очередную историю бабушка.

— Ну, и где же чудесный конец? — резонно поинтересовались мы, въедливые подростки.

— Конца пока нет. После того, как я повесила фотографии в рамочках, мне приснился странный сон. Будто одна бездетная родственница перед смертью завещала приличные деньги младшему члену своей семьи, то есть вашей прабабушке… И жила эта родственница после революции то ли во Франции, то ли в Дании…

— Бабушка, это твоя очередная чудесная история?! Ты нас разыгрываешь? — мы с Аней не на шутку развеселились.

— Я ни на чём не настаиваю, это же только сон, — задумчиво проговорила бабушка.

…Все наши встречи с бабушкой теперь были посвящены разговорам о поисках возможного наследства. Скептикам — маме и папе — пока решили ничего не говорить. А чужим и подавно. Тем более, что единственными зацепками, которыми мы располагали, — были «вещий» сон и письмо Петра Ильича Чайковского, непостижимым образом сохранившееся в бабушкином архиве. Вот тут-то и пригодилась наша дружба с компьютером, умение «зависать» в Интернете и получать из сети необходимую информацию… Вечерами теперь все приключенческие истории (и с хорошим концом!) крутились около наследства и около наших предков. Дело нам казалось то пустым и гиблым, то обнадёживающим; в какой-то момент мы были готовы отказаться от нашей затеи, но тут неожиданно у бабушки и у меня произошла чудесная встреча. А дело было так…

— Рисунки-акварели надо отвезти в издательство, — как-то сказала мне бабушка. — Книга-то у родственника уже почти свёрстана. К тому же обещание…

После смерти дедушки я иногда опекал бабушку в поездках. Мы вместе с ней вызвали такси, взяли с собой Дика, прекрасной души псину; бабушка прижала к груди папку с акварелями. Мне почему-то очень жалко её стало в этот момент. Зачем она поверила в это мифическое наследство?! И нас невольно вовлекла в эту погоню за «кладом». Даже папа, прознав про наш секрет, втайне переживал, полагая наше дело безнадёжным, но вида не подавал. Он много работал и надеялся отвезти нас всех на море… Без всяких наследственных денег. На заработанные…

Ну, так вот.

В такси мы ехали спокойно минут пять, и по дороге в издательство нежданно нас накрыла жуткая метель. Водителю было трудно вести машину, к тому же у него навигатор завис. Таксист начал злиться на нас, на Дика.

— Вот дом 32, я вас высажу здесь!

— Но нам нужен дом 35, это на другой стороне… — робко пролепетала бабушка. Иногда она терялась от грубости.

Видно, это и был тот единственный случай, когда наша находчивая бабушка растерялась.

— Здесь нет разворота, — сердито сверкнув холодными злыми глазами, сказал водитель и высадил всех нас в снежную кашу.

Мы стояли на ветру, как будто не в городском пространстве, ограждённом домами. Метель просто валила с ног. Откуда эта метель в октябре?! Мы ходили кругами и не могли пройти к нужному дому. Бабушка прижимала к груди акварели, а я — Дика. Вдруг прямо из снежной круговерти вынырнула молодая стройная девушка и звонким голосом отчётливо крикнула:

— Вас ждут. Скорее...

Мы с бабушкой переглянулись и поспешили за незнакомкой. Терять нам было абсолютно нечего. Кроме акварелей, конечно. И Дика. Мы походили на трёх снеговиков. И еле ворочали ногами — так замёрзли .Через несколько минут огромная башня, в котором ютилось издательство, вынырнула из снежного водоворота. Снег стал падать медленно, а снежинки стали пушистыми и крупными и уже не хлестали по лицу, как несколько мгновений назад. Время, как будто остановилось. Незнакомка, проводив нас, неожиданно исчезла. Бабушка первой стряхнула с себя наваждение снежной стихии и юркнула за массивную стеклянную дверь. Я остался с Диком на улице, ведь мы не знали, пропустят ли нас с пёсиком через проходную. Папа позвонил и, узнав про маету с такси, обещал забрать нас с бабушкой и отвезти домой на своей машине:

— Ждите меня через десять минут

Тем временем из проходной появились две забавные старушки. Ну, не совсем старушки, это были весёлые, полненькие женщины, в тёмно-синих старомодных накидках и маленьких круглых шляпках. Они весело щебетали, всё время перебивая друг друга. Затем они вместе стали аккуратно спускаться с занесённых снегом ступенек. И тут снегопад, как по приказу, прекратился, и со ступенек потекли ручейки, моментально сделав крыльцо скользким и опасным. Дедушка всегда говорил, что нельзя просто глазеть на людей. которые попали в затруднительное положение: чем можешь — помоги. Хоть руку протяни. Я улыбнулся, вспомнив его наказ, и протянул руку той даме, которая была ко мне ближе. Вторая же рука у меня была занята поводком Дика. Но мой жест весёлые «старушки» расценили по-своему и тут же вцепились в меня сразу обе. Я не удержал равновесия, и мы втроём повалились в снег. Дик был в восторге, он прыгал, лаял, а потом принёс в зубах свалившуюся шляпку одной из дам. Я вдруг подумал, что, наверное, это артистки, возвращающиеся с какого-то концерта. Одеты они были как некоторые бабушки-москвички, нарочито старомодно, но удивительно, что лица их были гладкими и молодыми. Похоже, что они были не только артистками, но и близняшками. Просто одно лицо! Впрочем, эти секундные размышления прервала одна из них:

— Какой воспитанный мальчик, — улыбнулась первая дама.

— Какой воспитанный пёсик, — добавила другая.

— Мы хотим тебе сделать подарок, — нараспев пропели они дуэтом. И тут я поверил, что передо мной действительно актрисы.

— А вы — волшебницы? — преодолев некоторую неловкость, спросил я. Мы стояли друг против друга и отряхивались.

— Да, мы волшебницы, — весело затараторили «старушки». Они жестикулировали, махали своими сумочками перед моим лицом, поправляли крохотные шляпки и всё время перебивали друг друга. Я понимал, что это игра, но сердце забилось быстрее, я как будто становился участником какого-то необычного действа…

— Молодой человек, мы спешим, опаздываем. Но в благодарность за вашу учтивость можем ответить только на один, интересующий вас вопрос. Ответ на вопрос — наш подарок…

Вспоминая эту встречу, я задаю сам себе вопрос, почему я не спросил про маму-папу-сестру, про себя, наконец? Я спросил про бабушку:

— Бабушка найдёт то, что ищет? Всё сбудется?

Мои волшебницы по-детски всплеснули руками и засмеялись:

— Всё сбудется! Всё сбудется! Встретившись с твоей бабушкой в вестибюле, мы ей это сказали. — Можешь задать ещё вопрос! Быстрее думай, мы опаздываем, — и, развернувшись, почти побежали по дорожке прочь от меня.

У меня слегка зазвенело в голове: наверное, я всё-таки сильно ударился. Но я всё равно побежал следом и крикнул:

— Когда?

— К Новому году! — пропела одна.

— К Новому... — подхватила другая

Навстречу уже спешил папа.

Он обнял меня за плечи и с улыбкой подхватил Дика на руки:

— Пойдём выручать бабушку?! Кстати, а что тебе эти милые тёти прокричали?

«Так ты тоже их видел, папа?!» — подумал я, но мы уже входили в тёплый ярко освещённый вестибюль. Это был уже другой мир. И я не стал папе ничего рассказывать: метель осталась где-то там, за стеклом и там же, по ту сторону стекла остались странные бабушки.

С этого момента всё начало складываться самым лучшим образом, все наши дорожные передряги отступили. Нам с папой разрешили пройти вместе с Диком через проходную. В редакции нас напоили чаем с пряниками. Бабушка сидела притихшая и, как нам показалось вначале, умиротворённая: все её акварели одобрили и отправили в печать. К тому же наши друзья-издатели подарили много книг — мне и моей сестре Ане. А ещё две внушительные коробки печенья с изюмом. Так что и Дик, любитель печенья, остался доволен… Вот тут я и рассказал бабушке про встречу с актрисами-волшебницами. И деликатно, как мне показалось, спросил её:

— А тебе они не попались навстречу?

— Ты нам всё рассказала? — папа предпочитал ясность и последовательность в изложении.

Бабушка на секунду потупилась, потом, решившись, выпалила:

— Да. Я видела волшебных старушек и разговаривала с ними!

— И что?

И бабушка в двух словах обрисовала встречу.

Те же веселушки в синих накидках и синих фетровых шляпках, которых видел я на улице в метель, встретились ей в бюро пропусков.. Увидев заметённую снегом бабушку, всплеснули руками:

— Живая Метелица!

Бабушка предложила им завязать косыночки, мол, метель на улице. Они засмеялись так заразительно, как будто бабушка сказала что-то смешное. А бабушка протянула им маленькие косынки, которые несла в подарок издателям. Те, в ответ пообещали снегопад остановить, и одна из бабушек стукнула о пол своей палкой для финской ходьбы. Всё покрылось серебряными блёстками — пол, потолок, стены, будка дежурного вахтёра….

— И всё? — папа хотел разобраться, куда клонит бабушка.

— Они мне вслед пропели: «Ты найдёшь то, что ищешь. Всё сбудется!»

— Ну и хорошо, — папа не хотел никого обижать, но и в наших играх и фантазиях не собирался участвовать.

Он подал бабушке пальто и стал откланиваться. Но все, как заворожённые, смотрели на бабушку. Рукава её пальто были в серебряных блёстках!

Уже дома за вечерним чаем бабушка призналась, что историю с наследством придумала для того, чтобы заинтересовать внуков своим родословным древом …

Представляю, как бабушка была растеряна, когда старушки-волшебницы пообещали, что все фантазии её воплотятся в жизнь.

***

Долго ли коротко, но прошло некоторое время.. Бабушка написала цикл акварелей, где сквозными героями вывела волшебных «старушек», получила за цикл небольшую премию. И всю семью предложила вывезти на море. Правда, и папа немало из заработанного добавил в общую копилку. Но мы не стали об этом бабушке говорить. Пусть уж продолжает верить в чудеса.

Теперь время от времени, но уже менее скептично, папа интересуется нашими успехами в поисках наследства .

— Это — игра, — говорим мы ему.

Но почему, скажите на милость, перед каждым новым годом наши сердца начинают самым чудесным образом биться быстрее!?

ДЯДЯ ПЕТЯ

Рассказ

Город детства.
Далёкое время, когда мир казался прочным и незыблемым, а все люди добрыми и бессмертными.
Мир, увиденный широко открытыми детскими глазами…

Снег в марте не выпадал. Ну, почти совсем… Его и зимой-то не особо мно-

го видели!. Вот в тот бесснежный март мы частенько собирались вечерами на лавочке у подъезда. Вовка Евграфов, Люба Рыжая и я учились в одном классе, пятом « А», и жили в одном подъезде стандартной девятиэтажки. А ещё мы вместе ходили в лыжную секцию. В неё нас зазвал-заманил учитель физкультуры Николай Иванович. Ему надоели постоянные побеги учеников с уроков физкультуры. Так, благодаря физруку, я и полюбила лыжи! И вытянула отметку на крепкую четвёрку. Но когда снега нет, как кататься? Вот и просиживали мы свободное время у телевизоров. А когда приходили родители с работы и прогоняли нас, непутёвых чад, от теликов — то выходили во двор и рассаживались на лавочке. У нас было в то время такое поветрие — все хотели научиться играть на гитаре. А на первом этаже жил дядя Петя. Если он находился в хорошем настроении, то выходил с гитарой, в своей неизменной тельняшке, и устраивал всем желающим мастер-класс. Не поверите, но все ребята с нашего двора научились, пусть и простенько, но вполне сносно бренчать на трёх аккордах... А нам с Любой родители даже купили гитары. Я потом свою гитару Евграфову подарила, когда расхотелось учиться. Сейчас, спустя годы, благодарно поражаюсь терпению жителей тех квартир, окна которых выходили на нашу «шумную» лавочку!..

Как-то раз к дому подъехал огромный фургон, и рабочие в спецовках стали разгружать мебель. Вместо нашей добросердечной Веры Ивановны, уехавшей к сыну в Севастополь, в доме поселилась модная молодая женщина.

— Леонелла, — так кокетливо представилась она нам и дяде Пете, который не только был нашим соседом, но и после увольнения в запас с военной службы, о которой он никогда не распространялся, бессменным консьержем в нашем подъезде. Тогда эти дежурные только появлялись в округе… Нам Леонелла понравилась: красивая, высокая, она, возвращаясь с работы, иногда даже подпевала дяде Пете…

Но как говорится — «новое не всегда лучшее». Ссоры начались через несколько недель. У Леонеллы оказывается был свой пунктик — ей не нравилось, что дядя Петя кормил у подъезда птиц. Они слетались со всей округи на хлебные крошки. А может, на залихватские песни. Раньше с жильцами из-за этого никаких ссор не возникало. Ведь дядя Петя брал шланг у дворника Мурата и тщательно смывал последствия птичьего пиршества. А бывало, после изучения новых аккордов, и мы в этом помогали. Да и Мурат сначала усмехался на причуду жильца — часами кормить птиц, но вскоре влился в дружную нашу компанию — в свободную минуту он присаживался к нам на лавочку и пел грустную песню про далекую возлюбленную Изабель. А тут вдруг новая соседка объявила непримиримую войну птицам, а значит — и дяде Пете. Однажды мы увидели нашего учителя на стремянке, моющего окно строптивой соседки.

— Чего не сделаешь ради пернатых?!. — кратко, без эмоций объяснил свои действия дядя Петя, ставший и взрослым, и детям настоящим другом… Как позже выяснилось, Леонелла пожаловалась в домоуправление: мол, прикормленные дядей Петей птицы, пачкают подоконник. ..

Но и этого Леонелле показалось мало. Один раз во время нашего концерта она, открыв окно, выставила магнитофон на подоконник и включила его на полную мощность. Мол, мало птиц, так он ещё и всю ребятню под крыло собирает…

В другой раз, как самый настоящий пират, она гитариста без припасов оставила. А дело было так. В то время из-за «внезапно» напавшей на страну перестройки, в магазинах случались перебои с продуктами, например, вдруг на какое-то время пропали из продажи соль и мыло. Некоторые стали закупать впрок, создавая ненужный ажиотаж. А вот дядя Петя и в ус не дул! Припасы не делал, в очередях не стоял: сидел на лавочке и весенним солнцем наслаждался. Он много лет жил со старенькой мамой, пережившей военные тяготы — а потому и сделавшей ещё раньше внушительные запасы и соли, и мыла. И много чего ещё.

— Мало ли что, — рассуждала эта немолодая и очень достойная женщина…

Так вот после смерти мамы — дядя Петя раздавал всем на память кусочки ароматного туалетного мыла. Что было, то и раздавал. А соляных запасов — так вообще после мамы много оставалось. Поэтому пока магазины разбирались со сложившимся дефицитом, дядя Петя делился солью с каждым соседом, кто попросит. Бойкая Леонелла тоже, видимо, обратилась с просьбой. И он, добрая душа, «пустил козу» в свой соляной «огород». Вечером, сварив картошки, дядя Петя обнаружил, что солонка пуста. Полез в свой пятикилограммовый жбанчик. Тоже пуст! Но дядя Пётр не растерялся: картошку съел с солёным огурцом. А вечером попросил ребят со двора купить ему при случае, утащенные Леонеллой, «дефициты». (Ушлая соседка и всё мыло из дома прихватила — вот какая была припасливая и хозяйственная!)

— А что? Сам разрешил взять сколько нужно. А мне нужно много! Всё законно. А лоха, как говорится, грех не обуть. — Так Леонелла объяснила соседям своё «пиратство».

Вечером дядя Петя, как всегда, бодрый и весёлый, сидел в тельняшке на лавочке с гитарой. А мы около него со своими гитарами толпились. Тротуар был помыт. Мы ждали мастер-класса. Леонелла не выходила, может, капелька совести терзала её, а может, от жадности «в зобу дыханье спёрло»…

Телефон прервал нашу музыкальную репетицию. Звонил товарищ нашего дяди Пети, друг молодости и по военной службе, мол, на машине, еду мимо, прихватить ли чего для тебя в связи с надвигающимся дефицитом?.

Петя, подмигнув нам, весело так попросил: соли и мыла. Мы дружно замахали руками, чтобы тот заказал икры, вина и сыра, мы знали, что товарищ Пети трудолюбив и щедр. Его редкая по тем временам иномарка по праздникам частенько притормаживала с гостинцами у нашего подъезда… Но дядя Петя и слушать не стал:

— Соли и мыла. Больше ничего не надо.

Дядя Петя ещё не знал, что мы, рассказав родителям историю про экспроприацию соляных запасов дяди Пети, собрали все вместе «перестроечный» набор, в котором было много соли, мыла и разного другого — и собирались сегодня вечером вручить ему «дефицит». Хотели сделать сюрприз своему учителю…

Через часик подъехала серебристая машина — и из неё сначала показались коробки, которые мы со щенячьим восторгом принялись разгружать, а потом и сам хозяин — двухметровый силач с сумкой на плече.

— Там разная соль — и морская и, с зеленью. И для засолки, и так просто, ну и мыла запасец, — широко улыбнулся друг дяди Пети. — А это, — он

небрежно указал на огромную сумку, висевшую у него на плече, — всякие вкусности для будущего праздника, когда всем миром соберёмся… Твои ученики, молодцы, подсказали. Я услышал их сердечный совет. У меня знаешь, какая мощная интуиция?! — И для убедительности. дурашливо, хлопнул по своей тельняшке, точно такой же, как у дяди Пети.

На растерянные возражения дяди Пети его друг только отмахнулся:

— Твоё любимое присловье какое?

— «Да не оскудеет рука дающего… да не отсохнет рука берущего»...

Мы все притихли. Что-то происходило на наших глазах чудесное. Какой-то круговорот добра в природе. Мы подняли глаза вверх и увидели в окнах своих родителей, с улыбкой наблюдавших за происходящим.

Леонелла тоже таращилась из-за занавески на встречу друзей. И нам показалось, что она всхлипывала. Но никому не было до неё дела.

А друзья, занося продукты в подъезд, не сговариваясь, всё-таки посмотрели на её окно .И Пётр раздумчиво протянул:

— А глаза-то, оказывается, у Леонеллы, зелёные-презелёные. Я только, когда она заплакала, это увидел. Таким зелёным видел только Баренцево море после шторма.

***

Теперь, по прошествии такой немыслимой толщи времени, вижу, что и мир оказался не таким прочным и незыблемым, как казался в детстве. И люди, покорные общему закону, оказались смертными, но всё-таки так отрадно опираться на незримую руку, ведущую нас по жизни.

Молитва из дневника Крестьянкина:

Господи Боже мой!
Удостой меня быть орудием мира Твоего!
Чтобы я вносил любовь там, где ненависть.
Чтобы я прощал, где обижают.
Чтобы я соединял, где есть ссора.
Чтобы я говорил правду, где господствует заблуждение.
Чтобы я воздвигал веру, где давит сомнение.
Чтобы я возбуждал надежду, где мучает отчаяние.
Чтобы я вносил свет во тьму.
Чтобы я возбуждал радость, где горе живет.
Господи Боже мой!
Удостой!
Чтобы не меня утешали, но я утешал.
Чтобы не меня понимали, но я других понимал.
Чтобы не меня любили, но я других любил.
Ибо кто дает — тот получает.
Кто себя забывает — тот обретает.
Кто прощает — тому простится.
Кто умирает — тот просыпается к жизни вечной.
Аминь.

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ РОССИИ

Материал подготовлен Советом молодых литераторов при Союзе писателей России и председателем молодёжной секции Ростовского регионального отделения СП России Ксенией Баштовой

Елена Натальченко

БЕГИ, ПОЛИНА...

Эссе

Посвящается Быкадоровой Полине Александровне, дожившей до 92 лет. Похоронена в Ростове-на-Дону.

Рассказывая историю читателям, авторы часто прибегают к приёму кольцевой композиции, возвращаясь к месту, событию, с которого начали. Но разве это приём? Вся судьба человека может вертеться вокруг одной точки — физической или абстрактной. Лучше жизни не напишешь. Проходя мимо трёхэтажного дома неподалеку от ростовского Центрального рынка, а, может быть, специально выстраивая свой маршрут таким образом, чтобы взглянуть на это место ещё раз, я всегда вспоминаю женщину, с которой меня свёл случай в стенах двухкомнатной коммуналки. Судьба Полины Александровны, старушки небольшого роста, какими часто становятся люди на закате жизни, стала для меня ярким примером того, что место, где однажды изменился путь человеческой жизни, может стать самым сильным магнитом.

Натальченко Елена (творческий псевдоним: Елена Альмалибре – от исп. almalibre – «свободная душа»). Родилась 22.10.1986 в городе Константиновске Ростовской области. Магистр филологии. Переводчик с английского, испанского языков.

Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Лауреат конкурсов Союза писателей России «Степные всполохи-2», «Степные всполохи-3», областного литературно-творческого конкурса «365 дней с книгой» в рамках «Донского культурного марафона».

С 2020 года кандидат в члены Союза писателей России.

***

Какая она война была? У каждого своя, наверное. Больше всего о ней знают те, кто уже не может рассказать. Помню морозы ужасные, когда окопы вокруг Ростова рыли. Выкопаешь, и не знаешь, как вылезти. Ноги как приросли, хоть ложись в этот самый окоп как в могилу. Смотришь вверх, а уже ночь, ни звёзд, ни луны, всё чёрное. Потом пройдёт кто-то с фонарём, крикнешь ему осипшим голосом, вытащат, и на другой день опять по новой. Часто люди что-то рассказывают, рассказывают, а мне и неудобно даже, я почти всю войну в Германии провела.

В Ростове как было — знаешь, что немцы где-то поблизости, а нет-нет и надо за продуктами на рынок бежать, там-то и отлавливали молодых девчонок, облавы устраивали. За рынком спуск к набережной, к Дону. Все бои там были. А тут и железнодорожный вокзал рядом — в товарняки сажали и везли прямым рейсом из страны. Иду я один раз между рядами с продуктами, вдруг стрелять начали, все кругом забегали. Подумалось было: «Беги, Полина!», да поздно. А когда бьют по голове, уже спорить не получается. У нас ведь оружия никакого не было, против автоматов только крики. Так и взяли меня прямо с рынка.

— Отчего же вас не отправили в концлагерь? — спросила я Полину Александровну, разговорившись с ней в день её восьмидесятого дня рождения.

— Уж больно я понравилась какому-то их начальнику, приставили нянчить двоих немецких детей. Может, у него какие виды на меня были, да не успел, его на рубеж отправили, а я осталась при семье, жена его говорила, что я похожа на её сестру, Магду, которая в Польшу уехала жить.

— Так это ростовские морозы вам детей отшептали? — осторожно спросила я соседку.

— Нет, Наденька. Морозы бы ничего, да вот муж попался тяжёлый.

***

Я работала в ресторане, точнее, столовой, после того, как всех нас из Германии вернули в Россию — кого можно было вернуть. Долго допрашивали, подозревали, разбирались, да как-то обошло меня всё это, отпустили. Ни дома, ни денег, конечно, не было. Отправили меня в старый этот домишко двухэтажный, здесь раньше конюшня была. Почти на глазах достроили третий этаж и поселили меня почти в новостройку. На супы мои да пирожки в столовую много больших начальников приходило, в самом центре Ростова работать в общепите — и честь, и голода не видать. Я, правда, больше сорока пяти никогда не весила. Наверное, всё берегла фигуру, вдруг снова по окопам лазать придётся. Один парень из строителей часто захаживал, но не нравился он мне, уж больно резкий был, грубоватый. Но привязался он ко мне так, что прохода не было. Уговорилась я замуж за него выйти. Стали жить.

Дело нехитрое, скоро ребёночка заделали. Мне на кухню идти в столовую,

а меня рвёт — отойти не могу никуда. И Юрий мой кругом бурчит: «Надо избавляться. Если ты с кухни уйдёшь, нам есть нечего будет, я троих не прокормлю».

Идти мне было некуда, как и всем. Вот и взяла я грех на душу. Видно, не зря я у фашистов три года прожила — убила маленького русского. Как я плакала тогда. Чувствовала, наверное, что назад уже не будет ходу. Только и успокаивала себя, что Юрка, наверное, забил бы ребёночка спьяну да с грубости, если бы я его оставила.

Одно хорошо было. Строителей нужно было много, Юра часто из города уезжал с бригадой. Изменял, конечно, мне потом сороки на хвосте новости приносили. Я всё надеялась, что ему кто приглянётся по сердцу в другом месте, и он там останется. Да видно, сердца у него не было. Как бы славно было, если бы он меня с ребёночком в животе ещё бросил, может, я бы и родила, жили бы вдвоём, бегала бы из столовой кормила, бабку какую попросила с ним сидеть. Ох…

Летом в Ростове и тогда жарко было. Шла я как-то по рынку с непокрытой головой, и упала. А может, и понервничала. Как вспомню, что меня на том самом месте схватили и увезли в неизвестность, так и заходит сердце. Очнулась, а надо мной парень какой-то сидит, газетой машет, от солнца заслоняет. Увидел, что я очнулась и говорит: «Так рано только похмеляются, а не хмелеют». Я из-за Юрки и говорить боялась с кем-то. Раз в столовой одному старичку улыбнулась, так Юрка вернулся в город, ему кто-то доложил, приходилось потом мукой синяки замазывать. Довёл меня Лёня до дома, помог подняться и стал в столовую наведываться. Возьмёт лапшу, котлету с гречкой и компот, сядет за столик и сидит по часу, пока его наши девки «поганой метлой» не прогонят. Я сочинила, что у него девушка здесь работала, да померла, а он приходит и её поминает.

И вот сижу я как-то на кухне в столовой, Юрки уж третью неделю нет. И заскакивает ко мне Галочка, не сколько галка, сколько сорока, и трещит на ухо.

— Беги, Полина! Твой Юрий в больнице уже неделю лежит, венерическую лечит. Завтра выйдет, к тебе придёт, не спасёшься.

Я дёрнулась было, а куда бежать? Стала задыхаться, дай, думаю, пойду на улицу воздухом подышу. И прямо в дверях сталкиваюсь с Лёней. Он на меня посмотрел и сразу за руку хвать и потащил из столовой.

— Ты кого хоронишь? — спрашивает.

— Ой, Лёня, — реву и ничего сказать не могу.

— Так, стой тут.

Заскочил он в столовую, взял два пирожка и спросил там, чего повариха ревёт. Галочка, видно, в мою легенду про поминки не сильно верила, всё ему рассказала.

Вышел он, опять меня за руку взял, привёл домой, собрал все мои вещи,

и ушли мы к нему жить. Юрка узнал, пытался драться, да у Лёни друзья за нас заступились, перед мужской силой Юрка уже не таким смелым оказался, как дома со мной. Так и развели нас, а через несколько лет и вовсе Юры не стало. Вернулась я уже с Лёней в свою коммуналку.

***

— Доброе утро, Танечка! — бодрым голосом объявила Полина Александровна моей дочери, пока я за стеной комнатушки чуть больше десяти квадратных метров собиралась на центральный рынок.

— Да я сплю ещё… — пробурчала Танечка, протискиваясь по узкому коридору в уборную.

— Что ты прыскаешь! — возмущалась наша соседка.

— Там в холодильнике пирог, мама привезла, — уже из душа крикнула сквозь журчанье воды Танечка куда более бодрым голосом.

— Ой-ой-ой, вот спасибо! Наденька как солнышко ясное. Приедет — блеснёт, и снова нету.

***

— Наденька, а это кто?

— Это зять будущий, Полина Александровна. Вот Тане предложение сделал.

— А мужчина этот грузный кто же ему? Отец никак?

— Да, Полина Александровна, видный.

— Ох, Наденька, не отдавай Танюшу.

— Почему же?

— Задавит он её. Такой же будет. Тяжёлый, Танечке нельзя такого.

— Да кто же у меня спрашивать будет…

***

В Ростове деревья пересаживают каждый сезон. С одной улицы на другую. Русские корни на иностранные меняют, те и в рост такой не пойдут, и провода не рвут — забот администрации меньше. Только и знают, что копать на Энгельса, как мы копали. Только вижу эти лопаты, так сердце и хватает. Переехала бы к племяннице из центра вовсе, да не хочу с мужем её выпивохой жить.

— А где это — Энгельса? — спросила Танечка.

— Это Большая Садовая наша, — ответила Полина Александровна.

— А Леонид ваш давно умер?

— Давно, Танечка. Всех я схороню, никого не обделю.

— Полина Александровна, да что вы всё про похороны. Давайте вон лучше в день свадьбы вас невестой нарядим, пусть мой будущий муж понервничает. А я сбегу, вы ему потом письмо передадите, где меня искать.

— Беги, Танечка, беги.

Анжелика Салтанова (Шульженко)

БОКАЛ ЛЕТА

***

Ты видел, как в саду цветут тюльпаны,
согретые щекочущим теплом?
Сегодня я проснулась утром рано,
и, обойдя по кругу отчий дом,
заметила жемчужные росинки,
блестящие на шёлковых цветах.
И солнечные лёгкие пылинки –
пыльцой волшебной таяли в горстях.

Плыл новый день в тумане серебристом,
а старый дом ещё так сладко спал.
Шумел тихонько чёрный дуб ветвистый,
и кружева паук неспешно ткал.

***

Ты – рядом, и это сильнее несказанных слов,
забытых моментов, разорванных явью иллюзий.
Тебе посвящаю обрывки полночных стихов,
мы с разных планет, но по-своему близкие люди.

Из разных миров. Понастроили множество стен,
мне выпала роль оказаться тем маленьким принцем,
желающим странных, порою пустых перемен…
Но как различить незаметную глазу границу?

Салтанова (Шульженко) Анжелика Дмитриевна, кандидат в члены Союза писателей России, поэт. Родилась 23 февраля 1993 года в с. Покровское Неклиновского района Ростовской области. Окончила РГТЭУ по специальности «Туризм и гостиничное хозяйство». В настоящее время проживает в г. Ростове-на-Дону. Лауреат нескольких конкурсов. Участник III Всероссийского фестиваля молодых авторов Союза писателей России в городе Химки (2020).

И тянутся лентой счастливые яркие дни,
мелками цветными твой образ ночами рисую.
Прошу об одном: Ты покрепче меня обними,
я так уязвима, что двигаюсь рядом вслепую.

ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ

Я помню подарки под ёлкой, игрушки с витрин,
куранты, слова президента, салюты и блюда.
В ладошке сжимала я сочный большой мандарин,
и сердце всегда замирало в преддверии чуда.

Нам мамы кричали из окон. Мы слушались мам.
Из снега росли города под темнеющим небом,
манил «Огонёк», допоздна не спалось малышам,
весь мир был для нас и загадочен, и неизведан.

Мы дружно кричали волшебное слово: Гори!
С тобой, Дед Мороз, мы мечтали о славных полётах.
Когда зажигались бенгальские звёзды-огни, –
нам слышался звон колокольчиков в южных широтах.

На санках спускаясь с заснеженной скользкой горы,
я звонко смеялась и думала: Вот оно – счастье!
Им щедро делилась – не жалко для самых родных…
И, годы спустя, говорю тебе: Дедушка, здравствуй!

Я верю в тебя. И не спрашивай, сколько мне лет,
кем стала в итоге и есть ли монеты в карманах.
Я верю в тебя. Объяснения этому – нет.
Я выросла с верой внутри, не приемлю обмана.

ЦЕЛУЮ

Лето прошло, пролетело испуганной птицей,
поздняя осень раскрасила серые будни.
Что уготовит судьба – непременно случится.
Рано ли, поздно – уходят любимые люди.

Старость котёнком запрыгнет в усталые руки,
тихо мурлыкнет, – и выбелит волосы иней.
Вырастут дети, за ними – появятся внуки,
брызнут лучами по коже скупые морщины.

В детстве ты вслух мне читала народные сказки,
звонко смеялась, кормила меня пирожками,
дула на чай, на коленках меняла повязки,
свято хранила секреты мои между нами.

Время идёт. О тебе говорю я стихами.
Может, когда-нибудь их наберётся на книгу.
Знаю, ты будешь всегда за моими плечами…
Помню. Скучаю. Целую. Твоя Анжелика.

БОКАЛ ЛЕТА

Последний бокал – манит вкусом чудесного лета,
играет созвучием вишни и спелой клубники,
хрустит поздним яблоком светло-зелёного цвета,
царапает память шипами лесной ежевики.

В нём тихо мерцают созвездья мечтаний и ягод,
фантазии жизни искрятся бурлящим потоком.
Восторг вызывает румяного персика мякоть,
черешня в горсти истекает агатовым соком.

Последний бокал – переполнен живительным светом,
безоблачным небом и счётом весёлой кукушки,
слезинками трав и порывистым ласковым ветром.
Там тёплое солнце неспешно целует веснушки.

Таинственный лес пахнет хвоей, зовёт за грибами.
Весёлый ручей холоднее арктической льдины.
Поляны цветов расстелили ковры под ногами,
а над головою – шатры из дубов-исполинов.

Я всё еще там, улыбаюсь рассветам, закатам.
Пусть осень промозглая холодом лето истёрла.
Последний бокал я отставлю... Оставлю на завтра.
Последний глоток обожжёт на прощание горло.

ПЛОМБИР

Сегодня жарко. Дайте мне пломбир,
вот два рубля, вот пятьдесят копеек.
Что на руке? Ошпарилась. Волдырь.
Зато теперь – я капельку умнее.

А можно «Дядю Стёпу»? Три рубля?
Держите. А коленки все в зелёнке
лишь потому, что я люблю гулять
не в штаниках, а в шортах и юбчонке.

Мне Chupa-Chups и парочку Love is,
которые красивые, не Турбо.
А палец я порезала о лист
и расшатала три молочных зуба,
но не сама. Брала у вас «Кис-Кис»
и палочки. Вон те, из кукурузы.
Сегодня трижды выпал «Сектор Приз»,
на ярмарке купили мы арбузы…

Мне двадцать семь. В тени – плюс двадцать пять,
пломбир за пятьдесят, как в детстве, тает.
Но рядом смех совсем других ребят,
и лица незнакомые в трамвае.

ГЛАЗА

Смотри на меня, мой друг,
не слушай слова, не надо.
Как сети плетёт паук,
так я извлекаю правду.

Ты видишь, внутри – горит
огонь. Он пылает ярко,
и сердца неровный ритм
под рёбра стучится жалко.

Невольная дрожь ресниц.
Осталась одна минута…
Из тысячи бледных лиц
узнаю тебя… Иуда.

Смотри на меня, мой Брут, –
глаза никогда не лгут.

Алина Осокина

СВЯТЫЕ УГОДНИКИ

Рассказ

Телефон в квартире Ольги Ивановны молчал много лет. Лишь иногда раздавались протяжные оглушительные звонки, и она спешила к аппарату в надежде, что услышит что-то очень важное, но всякий раз страшно огорчалась, когда понимала, что кто-то просто ошибся номером. Спрашивали библиотеку, химчистку и пару раз почту, а вот одинокой старой женщиной не интересовался никто.

Соседка давным-давно советовала отключить стационарный телефон:

— Чего зря переплачивать, всё равно ведь не пользуешься?

Ольга Ивановна молча соглашалась и послушно кивала в ответ, но всё равно телефон не отключала, чтобы не пропустить важный звонок.

Самые дурные вести, как и самые долгожданные всегда приходят внезапно. Ольга Ивановна уже готовилась ко сну, как вдруг тишину квартиры разрушил резкий, визгливый звонок телефона. Женщина торопливо подняла трубку:

— Алло.

— Алло! Зотова Ольга Ивановна? — прохрипел в трубке грубый мужской голос. — Меня зовут Михаил, я вам из Красноярска звоню. Ваш сын, Игорь Зотов, нашёлся…

Игорь вернулся из армии в начале девяностых. Государство, в котором он вырос, к этому моменту перестало существовать. Вместо него в их маленький городок пришёл могучий исполин, пожирающий на своём пути то одно, то другое предприятие. По телевизору объясняли, что это новая экономическая модель, что скоро все заживут по-другому. Действительно, их семья скоро зажила иначе. Отца, проработавшего на заводе без малого тридцать лет, сократили. Только благодаря старым знакомствам, ему удалось устроиться в ЖЭК электриком, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Ольге Ивановне в школе зарплату постоянно задерживали, и она подолгу стояла у прилавка магазина, пытаясь прикинуть в уме, что же из продуктов она сможет сегодня купить. А тут ещё Игорь вернулся. Здоровенный, сильный парень, такому бы только дать точку опоры, и он весь мир сможет перевернуть. Вроде бы только жить начал, а тут бац: ни работы, ни денег, никаких перспектив.

Две недели Игорь болтался без дела, потом друг помог ему устроиться на завод работягой. Три месяца проработал он в цехе и не получил ни копейки. Руководство завода без конца обещало, что скоро всё будет. Только Игорь

Осокина Алина Андреевна, родилась в Ульяновске в 1991 году в семье инженеров-авиастроителей. Окончила исторический факультет УлГПУ им. И. Н. Ульянова. Работала школьным учителем. В настоящее время библиотекарь в Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина. Лауреат Ульяновского областного конкурса «Первая роса». Участник Всероссийского литературного фестиваля имени Михаила Анищенко (г. Самара), совещания молодых писателей Союза писателей Москвы, всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России «На Родине Гончарова» (г. Ульяновск). Финалист конкурса «Хрустальный родник». Публиковалась в журналах «Симбирск» и «Кольцо А».

уже никому не верил. В один из дней он просто не вышел на работу, даже трудовую книжку не стал забирать.

Отец страшно сердился, что такой лоб вымахал, а всё на их с матерью шее сидит. Игорь обижался, уходил, пропадал днями и ночами. А однажды заявил, что уезжает «на севера» на заработки. Какой-то приятель его туда потянул, поманил большими деньгами. Игорь хвалился, что скоро заработает столько, что хватит и на новую квартиру, и на машину отцу, и матери на шубу. Ольга Ивановна пыталась ему втолковать, что никакая шуба ей не нужна, да и машина с квартирой — это всё дело наживное. Для неё-то важнее, чтобы он был рядом. Но Игорь упёрся: уеду и всё. Отец не стал его отговаривать:

— Пусть едет, раз такой умный. Пусти его, мать.

И Ольга Ивановна отступила. Пусть едет, может правда, всё у него там сложится, что уж мешать.

Последний раз видела она его на вокзале, когда провожала на поезд. Таким он и впечатался ей в память: молодым, красивым, с крохотным детским шрамиком возле левого глаза.

Каждый день Ольга Ивановна ждала хоть звонок, хоть короткую телеграмму: «До места добрался. Всё хорошо». Но никакой весточки от сына не приходило.

Отец молчал и насупившись смотрел телевизор, вдруг там про Игоря что-то покажут. Но в новостях передавали только разные ужасы, которые творились теперь не только в их городе, но и по всей стране.

Ждать Ольга Ивановна больше не могла. Собравшись с духом, она пошла в милицию. Молоденький лейтенант, который принимал у неё заявление, всё расспрашивал:

— Куда ваш сын поехал? Зачем?

Она отвечала:

— На севера. На заработки.

А где уж были эти севера, она не знала. Лейтенант помешал ложкой сахар в чае и ответил:

— Посмотрим. Может, и найдётся.

Он отхлебнул из стакана и сморщился. Чай давно уже остыл.

— Ну что тебе в милиции сказали? — спросил отец, когда Ольга Ивановна вернулась домой.

— Будут искать, — устало ответила она.

— Как же, — усмехнулся отец. — Нужен им наш балбес.

Она прекрасно знала, что всё это он говорит не со зла, что внутри-то всё у него болит.

Каждый день Ольга Ивановна, как самая прилежная ученица, проверяла почтовый ящик, но там ничего не было. Она вздрагивала от каждого телефонного звонка, надеясь услышать голос Игоря или хотя бы что-то узнать о нём. Но в телефонной трубке звучали совсем другие голоса, и об Игоре они ничего не знали.

В беспокойном ожидании провела она несколько лет, пока не пришло официальное письмо из милиции о том, что Игорь Зотов пропал без вести на одном из золотых приисков Красноярского края.

Молоденький лейтенант, который принимал у неё заявление, уже в милиции не работал. Теперь с ней разговаривал пожилой капитан, у которого она пыталась добиться, что же значит «пропал без вести».

— А то и значит, — отвечал капитан. — Может, жив ещё, а может, и нет. Вы, мамаша, лучше не ждите его. Люди на этих приисках лихие. Могут ни за грош человека убить.

Ольга Ивановна хотела спросить у капитана, есть ли у него дети, но передумала. И так понятно, что работа в милиции не сахар, станешь тут чёрствым, как прошлогодний сухарь.

На следующий день умер отец. Упал прямо на улице, не дойдя всего каких-то пару метров до своего подъезда. В морге выдали заключение, в графе причина смерти значилось короткое слово — инфаркт. Соседка, пришедшая вечером поддержать Ольгу Ивановну, вертела в руках документ и всё причитала:

— Ну надо же, ведь ещё не старый был. Держал всё в себе, вот сердце и не выдержало.

Не думала Ольга Ивановна, что так скоро останется одна. Она свою жизнь представляла так: вот Игорь вернётся из армии, устроится на работу, женится, там детишки пойдут, и будут они с отцом с ними нянчиться. А вышло совсем иначе. Сын сгинул вдалеке от дома, муж умер, не выдержав такой вести. Удавиться можно от такой жизни. Держала Ольгу Ивановну на этом свете только одна простая мысль, что мёртвым Игоря никто не видел, а значит, надежда отыскать его слабым огоньком тлела в её душе.

Через два года появилась передача «Жди меня». Соседка надоумила Ольгу Ивановну написать туда письмо:

— Что там милиция, им лишь бы отделаться. Может, они никого и не искали. А тут люди, действительно, пропавших родственников находят.

Ольга Ивановна купила на почте конверт, вырвала из старой тетради лист и написала всё, как было. Каждый день она проверяла почтовый ящик, дежурила у телефонной трубки, но ответа не было. «Видимо, письмо не дошло», — решила Ольга Ивановна и ждать перестала.

Скоро в их школу пришёл новый директор. Молодой, энергичный, из «новых». Он вызвал её к себе в кабинет и объявил:

— Пора бы вам, дорогая Ольга Ивановна, на пенсию. Вы, безусловно, педагог опытный, но времена меняются. Сейчас столько новых методик, а вы, как привыкли тридцать лет повторять одно и то же, так и не можете свернуть с проторенной дороги. Да и ваш внешний вид оставляет желать лучшего. Учитель должен сиять, а вы ходите, как в воду опущенная.

Спорить Ольга Ивановна не стала. Что может знать этот человек о её горе? Что он успел пережить? Она сама прекрасно понимала, что совсем запустила себя, но жить по-прежнему просто не было сил.

Ольга Ивановна добровольно стала пленницей собственной квартиры. На улицу она выходила пару раз в неделю, изредка к ней заглядывала соседка «поболтать о том, о сём». Ольга Ивановна делала вид, что внимательно её слушает, пыталась поддерживать разговор, отвечая наугад. Соседка быстро заметила перемены в её поведении и посоветовала обратиться к врачу. Ольга Ивановна только рукой махнула:

— Какие уж тут врачи, разве придумали такое лекарство, которое могло бы вернуть мне сына.

Но соседка не унималась:

— Я недавно в церковь начала ходить. Сейчас все туда ходят. Там такой батюшка хороший, он тебе всё объяснит.

Ольга Ивановна знала, что Бог где-то есть, но верить в него не умела, не знала, как это делается. Соседка чуть ли не силой притащила её в церковь, объяснила, как креститься, как свечки ставить. Ольга Ивановна дрожащими пальцами воткнула одну свечу в песок за упокой души мужа, а вот что делать со второй не знала. Кто теперь скажет, где её сын? Жив ли он, или нет его уже на этом свете?

Она искала глазами, у кого бы спросить совета. Но соседка была далеко, а беспокоить других прихожан, занятых своими молитвами, она не решалась. Большой, как гора, батюшка с чёрной густой бородой и такими же густыми, как у филина, бровями сам подошёл к ней.

— За здравие можно свечу поставить у любой иконы, — пробасил он.

Ольга Ивановна вздрогнула и испуганно пролепетала:

— Я не знаю, жив или нет мой сын. Он без вести пропал.

— Тогда нужно молиться Николаю Угоднику. Он обязательно поможет.

Батюшка наклонился к ней, и женщина заметила, что несмотря на грозный вид глаза-то у него добрые, как у щенка.

Ольга Ивановна зажгла свечу и поставила перед иконой святого.

Ночью ей приснился Игорь. Он был таким же молодым и красивым, каким вернулся из армии. Он улыбался и шептал ей: «Мама, у меня всё хорошо. Я скоро вернусь. Ты только дождись меня».

Утром Ольга Ивановна мчалась в церковь поделиться с батюшкой-горой своим маленьким счастьем. Тот улыбнулся, выслушав её, и строго добавил:

— Нужно поставить у себя дома иконы и молиться утром и вечером Господу нашему и Его святым угодникам.

С тех пор в квартире Ольги Ивановны стали появляться изображения святых. Сначала она приобрела складень с ликами Господа, Богородицы и Николая Чудотворца. Потом поставила рядом на полку маленькую деревянную иконку Матроны Московской. И так продолжалось до тех пор, пока все святые угодники не собрались вместе.

Ольга Ивановна купила в церковной лавке молитвослов и книгу с описанием жития святых. Каждое утро она заботливо протирала угодников тряпочкой и читала каждому из них молитву, потом она садилась за книгу. Ольга Ивановна с интересом перечитывала раз за разом жизнеописания святых. Вот уж у кого, действительно, была тяжёлая судьба.

Вечером она снова протирала тряпочкой святых и читала молитвы. Игорь ей больше не снился, зато вера в то, что он жив и вернётся к ней, росла день от дня. Ольга Ивановна точно знала, что нужно ждать, ведь святые угодники теперь её не оставят.

Каждый день она проверяла почтовый ящик, в котором давно ничего не водилось кроме рекламных листовок, и дежурила у телефона…

Игорь жив! Он нашёлся!

Ольга Ивановна кинулась к святым угодникам, принялась целовать и

благодарить их. Она роняла иконы и быстро поднимала их, снова целовала и благодарила. Закончив странный обряд, она побежала делиться радостью с соседкой.

— Неужели нашёлся? — удивилась та. — Сколько лет прошло. А кто этот Михаил?

— Я и не поняла, — ответила Ольга Ивановна. — Вроде, они с Игорем работали вместе.

— А что же с ним случилось? Почему он только сейчас нашёлся?

— Михаил сказал мне, что Игорь память потерял после травмы, а сейчас вспоминать начал, кто он и откуда. Разве это важно сейчас, главное, что живой.

— Что ещё тебе этот Михаил сказал? — допытывалась соседка.

— Игорь домой вернуться хочет, только у него денег нет. Нужно выслать. Вот, Михаил мне телефон свой и номер счёта в банке оставил, — Ольга Ивановна достала для убедительности из кармана сложенный листок с цифрами.

— Ну так давай позвоним ему, пусть он видео или фотографию Игоря хотя бы пришлёт, — настаивала соседка. — А то, знаешь, сколько мошенников сейчас развелось, сдерут деньги и обманут. Ищи их потом.

— Да что ты, — замахала руками Ольга Ивановна. — Разве с такими вещами шутят.

Соседка забрала у неё листок, сама позвонила Михаилу и в ультимативной форме потребовала прислать доказательство того, что найденный мужчина — это настоящий Игорь. Спустя полчаса они рассматривали фотографию бородатого немолодого мужчины, в котором просто невозможно было узнать того юного красивого парня. Ольга Ивановна долго вглядывалась, пытаясь найти что-то знакомое и родное. Ей хотелось, чтобы это был Игорь, она просто не могла не узнать его. Наконец, она заметила слабую белую полоску возле левого глаза. Нет, ей не показалось. Это детский шрамик, который за столько лет стал почти незаметным.

— Точно Игорь? Я бы вот его в жизни не узнала, — сказала соседка, снова разглядывая фотографию. — Я никакого шрама не вижу. Может, это вообще блик.

Ольга Ивановна больше не сомневалась. Это был он, её сын.

— Ты бы всё равно в полицию что ли обратилась, — советовала соседка. — Не дураки ведь там работают, разберутся: настоящий Игорь или нет. Да и денег у тебя таких, какие они просят, всё равно нет.

Полиции Ольга Ивановна больше не верила, они ведь и не искали толком, прислали ей отписку «пропал без вести», а ведь нашёлся же он спустя столько лет. Спасибо добрым людям и, конечно, святым угодникам. А деньги она найдёт, придумает что-нибудь.

Михаил всё ей подробно объяснил. Нужно было купить Игорю одежду приличную, билет на самолёт из Красноярска до Москвы, в Москве его должны были встретить надёжные люди и посадить на поезд домой. Сумма набегала приличная.

Ольга Ивановна достала скромную заначку, которую откладывала на похороны, но этих денег оказалось слишком мало. Тогда она пошла просить о помощи соседей, но все соседи давно сменились, и никто из них не знал

Игоря, и давать в долг женщине, которую считали полусумасшедшей, не спешили. Кто-то в сердцах бросил ей: «Возьми кредит!» И Ольга Ивановна поспешила в банк.

Молодая девушка в белой блузке долго что-то искала в компьютере, искоса поглядывая на странную женщину, и в конце заключила, что выдать кредит банк ей не может. Ольга Ивановна недоверчиво спросила:

— И что же совсем ничего нельзя сделать?

Но девушка только поджала губы и покачала головой.

Ольга Ивановна вышла на улицу и побрела то ли домой, то ли совсем в противоположную сторону. Все её мысли занимал лишь один вопрос: где достать деньги для Игоря? Она шептала про себя молитвы и просила святых угодников последний раз помочь ей. Пусть только найдутся эти проклятые деньги, пусть Игорь вернётся, и больше она не будет беспокоить святых своими просьбами, ведь у них и без неё столько забот.

Белая вывеска с красными буквами «Кредит за пять минут» сама бросилась ей в глаза. Святые угодники и в этот раз не подвели. Ольга Ивановна поспешила в скромный офис, который скрывался за этой вывеской. Там ей быстро оформили все необходимые бумаги, которые она подписала не глядя. Получив недостающую сумму, Ольга Ивановна снова отправилась в банк. Там уже другая девушка помогла ей перевести эти деньги на счёт Михаила.

Вечером он сообщил, когда и в каком вагоне приедет Игорь. Ольга Ивановна принялась загибать пальцы, считая дни до встречи с сыном. Радость бурным потоком била в ней и давала силы. К приезду Игоря столько всего нужно было успеть: сделать уборку, приготовить что-нибудь вкусное. Кажется, раньше он любил борщ.

Утром Ольга Ивановна поспешила на рынок, потом принялась наводить порядок в квартире, даже люстру вымыла и ковёр выбила. К вечеру она так умаялась, что рухнула на кровать, даже забыв попрощаться со святыми угодниками.

За хлопотами время пролетело незаметно, да и что значат несколько дней в сравнении с годами ожидания. Ольга Ивановна надела самое красивое платье, пусть не новое, но ещё очень приличное, собрала седые волосы гребешком и отправилась на вокзал. Единственное, что беспокоило её: вспомнит ли её Игорь, узнает ли?

Женский голос из хрипящего динамика объявил о прибытии московского поезда. Сердце Ольги Ивановны замерло, ещё совсем чуть-чуть и она увидит сына. Огромный, шумный состав остановился, из вагонов начали выходить пассажиры. Сквозь нарастающую толпу она помчалась к тому вагону, в котором должен был ехать Игорь. Она вглядывалась в лица, пытаясь отыскать его. Последним из вагона вышел мужчина в синей куртке, что-то подсказывало Ольге Ивановне, что это он. Она пошла за ним, пытаясь догнать, но её всё время кто-то толкал, пихал локтями.

— Игорь! — кричала она, пытаясь прорваться сквозь толпу. — Сынок! Родной!

Но тот ничего не слышал.

— Ну пустите же, пустите меня к нему, — задыхаясь, кричала Ольга Ивановна.

Вдруг толпа расступилась, женщина сделала последний трудный рывок и схватила мужчину за рукав. Тот остановился и повернулся.

— Что вам от меня нужно? — спросил незнакомец.

Нет, это не Игорь. Ольга Ивановна отпустила его, что-то промямлив в ответ, извинилась и вернулась к вагону.

— Родная, милая, — Ольга Ивановна кинулась к проводнице. — Дочка, скажи, пожалуйста, был у тебя в вагоне Игорь Зотов?

— Не помню такого, — ответила проводница. — Сейчас посмотрю. — Она перебрала какие-то бумаги и уже уверенно продолжила. — Нет, точно не было.

— Может, он в другом вагоне.

— Откуда я знаю, я вам не справочная.

Проводница хотела подняться обратно в вагон, но Ольга Ивановна с чудовищной силой вцепилась в её руку.

— Скажи, где мой сын! Где он? Мой мальчик, мой сынок!

— Женщина, отцепитесь от меня! Сумасшедшая! — проводница пыталась вырваться, но Ольга Ивановна только сильнее сжимала её руку.

— Где мой ребёнок? Почему он не приехал? — как полоумная вопила Ольга Ивановна.

— Полиция! На помощь! — закричала проводница.

Кто-то схватил Ольгу Ивановну сзади, и обе женщины упали на перрон.

Она пришла в себя только в полицейском участке. Молодой мужчина в сером свитере устало массировал виски.

— Что же вы Ольга Ивановна хулиганите, — произнёс он. — А ещё учительница, приличная, вроде, женщина. Брата моего старшего выучили.

— Я же не хотела, я ведь Игоря встречала... — пыталась она оправдаться.

— Вы мне всё это уже по которому кругу рассказываете. Проверили мы списки пассажиров, не было там вашего сына. Может, вы напутали что-то?

— Нет, мне Михаил сказал, что Игорь этим поездом приедет. Может, ему билета просто не хватило? — внезапно оживилась Ольга Ивановна. — Может, он на другом поезде приедет?

— Да проверили уже, — молодой человек сбросил звонок мобильного телефона. — В ближайшие дни на имя Игоря Зотова не покупались билеты ни на самолёт, ни на поезд. Как вам ещё объяснить? А этого Михаила ещё пробить нужно, что за фрукт такой.

— Он же сам нашёл меня, он же обещал, — не унималась Ольга Ивановна.

— Ну вы же разумная женщина, сами должны понимать, столько мошенников сейчас развелось, что никому верить нельзя. Если за столько лет ваш сын не объявился, то уж вряд ли стоит ждать. Чудес ведь не бывает. Идите-ка лучше домой.

Ольга Ивановна вышла на улицу. Она устало брела домой, бормоча про себя одни те же слова: «Игорь вернётся. Что они все знают? Святые угодники меня не оставят».

Артём Горшенин

СТЕКЛЯННЫЙ МИР

***

Реанимация. Вместе с врачами
Смотрел на лежащее туловище.
Врачи друг на друга почти кричали,
Фыркали негодующе.

Медсёстры боялись в их спор вмешаться,
Чуть в стороне держась.
Шла речь о том, что почти нет шансов,
И нужен ли этот шанс.

О том, что питаться уже не сможет
Без посторонней помощи.
О том, что родным будет очень сложно,
Что-то ещё про овощи.

Но вот один крикнул: «К чему болтовня –
Смерть хуже любых костылей!»
И твёрдым шагом пошёл на меня,
Лежащего на столе.

«Вера Андреевна, брейте налысо.
Катя, подайте зажим»
А я кричу: «Не надо, пожалуйста!
Что это будет за жизнь?..»

Глаза открываю в собственной спальне,
Сон такой лучше забыть.
На кухне врач объясняет маме,
Как меня правильно мыть.

Горшенин Артём, член Союза писателей России, родился 7 мая 1989г. в г. Димитровграде Ульяновской области. С отличием закончил Ульяновский государственный технический университет. С 2012 года проживает в Санкт-Петербурге.

Публиковался в журналах «Мономах» и «Карамзинский сад» (оба - г. Ульяновск), «Сура» (г. Пенза), «Подъём» (г. Воронеж) и других.

Лауреат Международной премии им. Есенина "О, Русь, взмахни крылами!», премии «Молодой Петебург» в номинации «Поэзия» и Всероссийского фестиваля им. Лермонтова «Мцыри». Участник Всероссийского литературного форума «Липки», Московская область. Участник ЛитО «Молодой Петербург» при Союзе писателей России.

***

В детстве любил залезать на чердак,
Я часто играл там один.
Люлька, сундук, самовар, кочерга,
Книги, журналы, корыто, рога
Застыли в цепях паутин.

Вещи прабабушки, деда с отцом,
Деревни размеренный быт –
Всё на чердак относилось потом.
Что я оставить смогу на своём?
И кто же его посетит?

***

Стеклянный мир. Стеклянные солдаты
Звенящим маршем следуют на фронт,
Где множество осколочных снарядов
Тела их на осколки разобьёт.

А жёны ждут бойцов в домах стеклянных
И по ночам, вглядевшись в темноту,
Всё молятся, надеясь, что мужьям их
Поможет Всемогущий Стеклодув.

***

Что ж ты ночью летней, душной
Смотришь в глотку звёздной бездне
С крыши дома? Друг, послушай,
Ведь не встретиться тебе с ней!

Долететь к звезде ближайшей
Десяти не хватит жизней.
Ни к чему слать экипажи
В эту тьму. Друг, завяжи с ней!

В нашем мире в моде войны,
Служба в храмах, книги древних.
Верой в скорый рай довольны,
А пришельцев нет. Не верь в них!

К небу вновь глаза поднимет
Друг и молча улыбнётся.
Россыпь звёздная над ними –
Где-то там и наше Солнце.

***

Нашёл в шкафу у деда свитер шерстяной,
Он крупной вязки, с воротом высоким.
Надел и вижу: снежное веретено,
Лес и пятно рассвета на востоке.

А рядом дед на лыжах, веки опустив,
Прислушивался к тишины звучанью.
Срываю свитер, голос мамы позади:
«Я тоже очень по нему скучаю».

***

Старый механический будильник –
Жук железный, ржавая душа –
В солнечных лучах, как в паутине,
Корчился, отчаянно жужжа.

Много лет стоял незаведённым,
Не влияя ни на чей режим.
Что-то важное сказать ведь он нам
Этим воскрешением решил.

Только вот советских лет посланник
Для каких нас будит важных дел?
Он не в той стране, да и не с нами,
Кажется, увидеться хотел.

***

Зашёл как-то в лифт, возвращаясь домой,
Там дед, первый раз его вижу.
Спросил у него я, мол, вам на какой?
А тот улыбнулся: «Мне выше».

Ну, думаю, что ж, на последний и мне.
Поднялись до самого верха,
Но вышел один я. И дрожь по спине –
Лифт медленно выше поехал.

Алина Гребешкова

ЭЛЛИ-БЭЛЛИ

Маленькая повесть

— Жиляк — ягода.

— Жиляк.

— Окно — тярязя.

Айгуль лежит на огромной кровати, задрала ноги на стену и изучает рыжий от заката потолок. Тени деревьев, продираясь сквозь занавески, стелются по комнате причудливыми узорами и фантастическими животными. Крест окна дрожит от ветра.

— А как будет небо?

— Небо — это кюк. А Луна — ай. Знаешь, как твое имя переводится? Лунный цветок. Всё, балакаем, спать пора. Солнце тоже пошло спать.

— Ещё немножко, нэнэй. Расскажи мне сказку, ну пожалуйста.

— Какую сказку, Айгуль? Ты же уже большая, — смеётся нэнэй.

— Любую, какую захочешь, — девочка обнимает бабушку. — Ты же их столько знаешь!

— Тогда ложись удобнее и накрывайся одеялом, закрывай глазки и слушай. Однажды Солнце позвало в гости Луну. Долго думала небесная красавица, чем порадовать друга, с пустыми руками идти нельзя, надо хороший подарок. Посмотрела вокруг и выбрала самые красивые и яркие звезды, положила их на серебряный поднос. Солнцу понравился кучтанач. Они весело провели время, обсудили новости и попрощались. На следующий день Луна пригласила в гости Солнце. Долго думал царь света чем порадовать в ответ? Пошёл к самому лучшему портному и попросил сшить платье из самых мягких облаков, чтобы подчеркнуть красоту Луны. Но портной отказался:

— Ни один мастер не возьмётся за такое дело. Луна каждый день выглядит по-разному. Сегодня она полная, как шар, а потом начинает худеть, глядишь и вот уже тоненькая, как серп. Как угодишь такой красавице?!

Расстроилось Солнце и отправилось к Луне без подарка. Встретила его небесная красавица с почестями, напоила, накормила. Настало время прощаться. Царь света стал собираться домой. Поняла Луна, что нет для неё подарка, и расстроилась.

— Я хотел подарить тебе платье из самых мягких и воздушных облаков,

---

Гребешкова Алина, родилась в Башкирии в 1990 году. Автор книг: «Заповеди newандертальцев» (Уфа, 2010), «Память рыб» (СПб, 2019). Публикации в журналах и газетах: «Русское эхо», «Лед и пламень», «Литсреда», «Бельские просторы», интернет-журнал «Книжный ларек», портал «Мегалит». Обладатель Гран-при Шестого фестиваля молодёжной поэзии «Мяуфест – 2014» (Уфа). Участница Международного литературного фестиваля «Горящая гора» (Уфа, 2015), Всероссийского литературного фестиваля им. М. Анищенко (Самара, 2015-2019), Межрегионального совещания молодых писателей «Стилисты добра» (Челябинск, 2018, третье место в номинации проза), участник Школы молодых писателей (журнал «Октябрь», 2018), Всероссийского совещания молодых литераторов «Драматургия слова» (Уфа, 2018); финалист национальной премии «Русское слово» (2018), участник Слёта молодых литераторов (Б. Болдино, Нижегородская обл., 2019).

но портной отказался. Трудно тебе угодить. Ты то полная, то худая. Но чтобы ты не обижалась, я разрешаю тебе собирать мои яркие лучи. Из них ты сможешь сшить по своему вкусу любое платье.

Промолчала Луна, на этом они с царем света распрощались. Небесная красавица так расстроилась, что побледнела. С тех пор перестали дружить Луна и Солнце, а небесная красавица, как только увидит бывшего друга, тут же спешит уйти, чтобы не встретиться с ним. Вот такая история давным-давно произошла, Айгуль.

Девочка уже не слышит, мягкий нараспев голос бабушки усыпляет быстрее любой колыбельной, укачивает лучше любой люльки.

Солнце ещё не проснулось, когда картатай загремел на кухне посудой. Завтракает он до первых лучей, ужинает, когда царь света уходит, а на его месте появляется обиженная небесная красавица. В семь часов включает радио. Каждое утро и летом, и зимой в одно время.

— Уфтанма, уфтанма, уфтанма, — тянет певец.

Раздражающее радио вещает на непонятном для Айгуль языке. Звуки гармони навевают тоску, а голоса исполнителей сливаются в одну протяжную песню. Летние просыпания похожи друг на друга, только солнце то бывает, то не выглядывает неделю, тогда над посёлком низко стелется серое небо, а это значит, что в огород не идти, за ягодами тоже, но и на улицу не выпустят. Только если пообещать нэнэй что-то сделать, например, помыть полы или почистить минтай, а руки потом в мозолях от неудобно большого ножа и не отмываются — пахнут рыбой целый день до вечернего мытья посуды, которой набирается в раковине до потолка. Это тоже обязанность семилетней Айгуль. Но, если всё-таки улизнуть из дома, то свобода: можно залезть в школьный сад и хрустеть неспелым крыжовником или ранетками, так, что сводит язык и живот, а потом убегать от сторожа — старой женщины с распухшими ногами, ей никогда не догнать их. Можно шлёпать по лужам в красных резиновых сапогах, кто не прыгает в море — тот трус! За грязную куртку и штаны заругают, но наказание будет потом. А если же дождь разойдётся, то можно пережидать в подъезде непогоду с друзьями, которых тоже под честное слово выпустили из дома. Сядут на ступеньки в ржавых пятнах старой краски и будут шёпотом рассказывать страшилки про чёрный город, гроб на колёсиках, Пиковую даму и гнома-матерщинника. Девочки постарше обязательно схватят в самый волнительный момент кого-нибудь за ногу. Крик, смех поднимется такой, что недовольные жильцы выгонят всех на улицу. Только бы бабушкам не нажаловались!

В основном дети, как и Айгуль, в посёлок приезжают на каникулы, многих родители отправляют на всё лето, год за годом. Вот и придумывают ребята себе развлечение, не всегда безопасные. Например, карбид, который мальчишки кидают в лужи и разбегаются, или поджечь тополиный пух. Но больше всего бабушки ругаются за бездомных котят, еда для них воруется со стола и холодильника, как повезёт: от кусочков мяса и молока, до конфет и ягод, которые съедают сами спасатели, да и не едят кошки сладкое. Но коробки-домики выкидываются, миски с водой переворачиваются, а животные куда-то пропадают. В этой борьбе у детей нет союзников. Бабушки кричат на весь двор одно и тоже: «Глисты и лишай, да мало ли чем они болеют, а ты всё из дома еще тащишь! Расскажу твоим родителям, пусть сами воспитывают».

Пока же картатай ворчит, а нэнэй медленно помешивает манную кашу:

— Когда им ещё спать, как не в детстве?

— Неженок воспитываете и лентяев. Поднимай их, на картошку сегодня поедем.

Айгуль горестно вздыхает. «На картошку» — это огромное поле, простирающееся до горизонта, с вонючими жуками и личинками. Нэнэй наливает на дно консервных банок керосин, насекомые, попавшие туда первыми, складывают лапки и подыхают, другие же — упрямая, но обречённая армия — цепляются, ползут вверх по трупам собратьев и по склону банки, пытаются расправить крылья. Девочке их не жалко, она скидывает палочкой насекомых обратно: «Уф, картошку всю пожрёте», — говорит с интонацией нэнэй. Нужно собрать всех до вечера, иначе картатай будет ругаться, а потом ещё и лук прополоть. Дядя Дамир как-то поехал с ними и шутил: «Ты почему их не ешь? Белок же, самый чистейший. Ты нанайку попроси, пусть пирожков нажарит из них». От воспоминаний Айгуль тошнит.

— Вставайте, солнышко уже проснулось. Блины готовы. Горячие, ух. Каша манная. Умывайтесь и за стол. Сегодня на поле поедем.

— Ещё минуточку, — Айгуль пытается натянуть одеяло на голову, но нэнэй ловким и сильным движением скидывает его.

Блины. Толстые и тонкие. На молоке и кефире. С маслом и вареньем. Такие блины получаются только у нэнэй. Воздушные, будто паруса, в которых Айгуль прогрызает дырочки, а пироги! С изюмом и рисом, картошкой, мясом, яблоками, с золотистой корочкой и узорами по толстым бокам, ломящимся от начинки. Чтобы приготовить лакомство, нэнэй встает до солнца. Пока в огромной кастрюле бродят дрожжи, чистит, режет, варит, а потом взбивает, месит, подкидывает и стучит по белоснежному от муки полотну. Заплетает толстую косу себе и на тесте выкладывает такие же косички.

Айгуль любит просыпаться от густого запаха блинов или пирога, кажется, будто вся мебель, одежда и кожа пропитываются им, такой аромат нельзя смывать в горячей бане — жалко. Почему-то мама никогда не готовит ничего подобного. Огород. Через несколько часов работы на воздухе любой перекус становится долгожданным и по-особому вкусным: солёное сало с хлебом, варёная колбаса и яйца, зелёный лук. «Ничек эшлясян, шулай ашарсын », — говорит нэнэй, вгрызаясь зубами в огурец.

Сад Айгуль любит больше, там растут смородина, клубника, фруктовые деревья и овощи, а картатай на зависть соседям выращивает маленькие дыни, арбузики и абрикосы. Туда они ездят поливать, париться в бане, в домике стоят кровать, газовая плитка, там можно спрятаться от солнца, это не огромное картофельное поле, будто с километровыми грядками лука и моркови по краям. Нэнэй в саду выращивает цветы, пока поливает, ласково гладит белоснежные и бордовые пушистые пионы — запах лета — зарыться бы в них с головой, будто шмель или пчела собирать густой нектар. Но нужно таскать воду в огромных ведрах, царапающих ноги, или бороться с колючими сорняками, которые оставляют несмываемые ядовито-жёлтые следы. Баню Айгуль не любит, после горячего дня приятнее прыгнуть в бочку с прохладной водой.

А если нэнэй сварит на плитке зелёный суп из крапивы, то ехать домой,

несмотря на тошноту от усталости, уже и не хочется. Тут же забывается жара, ноющая спина, обгоревшие плечи, чёрные от грязи пятки, которые станут белыми только к осени. Лечь бы в тени яблонь и тёрна, чтобы вечер никогда не заканчивался. После бани нэнэй, с распущенными чёрными волосами до пояса, перебегает легкой поступью через лужи воды, смеётся и делает вид, что ругается: «Ох, Айгуль, какие реки ты разлила, не экономишь воду!»

Девочка завидует её волосам, тому, как нэнэй легко управляется на кухне и даже непонятному тянущемуся: «Алла бирса». «Вот почему я на мальчика похожа? Вот почему?!», — думает Айгуль, разглядывая короткие рыжевато-пшеничные волосы, смотрит в обрубок садового зеркала и шипит голосом матери: «Вот вырастишь, делай что хочешь, а сейчас по моим правилам живёшь». Показывает язык. До школы ещё два летних месяца, может, и коса отрастёт за это время. Как у нэнэй. А мама посмотрит и передумает стричь, обнимет и скажет: «Какая ты у меня красивая, дочка».

Артурка. В то лето дядя Дамир привёз его из столицы на летние каникулы и сказал: «Знакомься, это твой двоюродный брат». А какой он брат, если его Айгуль никогда и не видела до этого? Артурка старше на год, ходит в школу, поэтому считает себя взрослым и задирается: «Я когда вырасту, мне папа машину купит. А у вас есть машина?» Автомобиля в семье Айгуль никогда не было, в огород ходили пешком, а в посёлок к нэнэй и картатай добирались с мамой на автобусе около получаса. Потом мама оставляла её и уезжала обратно в город. А брат-то из столицы и хвалится: и цирк у них есть, и парки аттракционов, и зоопарк, а в зоопарке — верблюд, лисы, медведи и даже волк, который бегает кругами по маленькой клетке.

— Я, — говорит, — ни на капельку не испугался, а у него зубы, знаешь, какие! — и руками в стороны разводит.

— Врёшь ты всё! Не бывает таких зубов, да и любой испугается волка и убежит, — возмущается Айгуль.

— А ты волка вживую видела?

— Нет, — волков девочка видела только в детской энциклопедии, там было написано, что это прадедушка собаки и живут волки семьями, как и люди.

— Вот не видела и не говори. Я самый смелый в классе, а ты — девчонка и малявка. — Артурка задирает голову. Разговор закончен.

— Уже подружились? — спрашивает дядя Дамир. — Играйте, играйте.

Дядя Дамир месяц бывает в посёлке, месяц на Севере. У него дубленка с отрубленными лапками песца, которые пугают Айгуль. Когда вечером дядя уходит гулять, он сильно брызгается одеколоном, говорит, что такой аромат тётям нравится, а вот девочку тошнит от запаха, который ещё долго витает по всей квартире. Дома дядя ночует редко. Когда он возвращается, нэнэй говорит ему: «Арыдым синнян, Дамир. Никакого уважения». Он что-то бормочет в ответ, но из-за закрытых дверей спальни девочка не может разобрать.

Картатай радуется приезду внука. Он пододвигает ближе к Артурке тарелку с вареной говядиной и картошкой, расспрашивает про школу и смеётся. А потом Айгуль моет посуду, а все смотрят телевизор в зале. Показывают комедию, это девочка понимает по хохоту. Ей кажется, что смеются над ней. Слёзы падают в тазик с мыльным раствором. Нэнэй просила, чтобы Артурка

помог с посудой, но дядя Дамир сказал: «Он — мужчина, непригоже ему женскую работу делать. Доставай лучше рюмки, отметим с отцом событие».

Картатай пил редко, после двух рюмок его и без того суровое лицо наполнялось злобой. Айгуль пряталась на балконе, где летом можно было переждать грозу, а вот зимой далеко не убежишь. В тот вечер удар кулаком по столу застал за ужином, картатай вернулся из гостей навеселе:

— Ты такая же сволочь, как и твой папашка. Что глаза опустила? Полы иди мой, неряха! Не реви мне тут, инан батаге!

Айгуль — дочь от нелюбимого русского зятя, который ещё и пьёт, но с мамой они уже несколько лет живут вдвоем, а папа заваливается иногда в стельку и угрожает или же дарит кукол. Мама кричит ему: «Лучше бы денег принёс, скотина, обуви у ребёнка нет!» Тот мычит что-то.

Папа ненавидит чувашей, татар и башкир. Картатай ненавидит чувашей, башкир и русских. О чём они высказываются вслух, не стесняясь в выражениях. Но почему картатай не любит её, Айгуль не понимает, ведь она тоже ненавидит папу, но скучает по нему. От обиды слёзы текут сами по себе, как девочка не пытается их сдержать.

— Авызны яб, хайван, — кричит нэнэй. — Алладан курык, и Рамадан собрался держать. Какой ты мусульманин, — говорит с горечью, — если ты дитя малое обижаешь?! В чём она виновата?

Когда нэнэй злится или волнуется, то всегда переходит на татарский язык, может, делает это специально, чтобы дети не понимали. Но картатай от её слов съеживается и будто уменьшается в размерах, молча допивает рюмку и уходит, пошатываясь, спать.

— Это злой алкоголь в нём говорит, кызым. Не слушай его. Тыныч йокы! Хочешь, я тебе сказку расскажу? Ты же любишь сказки?

Айгуль кивает головой и вытирает слёзы.

— Тогда умывайся и ложись. Сегодня на балконе постелю, жара стоит такая, а там хотя бы ветерок дует.

Спать на балконе летом — это блаженство. А можно не спать и смотреть на чёрное небо, где живут Луна и звёзды. Нэнэй стелет толстый матрас и накрывает Айгуль тёплым одеялом, чтобы злые комары не кусались, которых в посёлке, стоящем на болоте, полчища. Слышно, как где-то вдалеке гудит поезд, и переругиваются лягушки.

— Давным-давно в одной деревне, — начинает свой рассказ нэнэй, — жили бабушка с дедушкой. Было у них трое детей, да выросли и уехали в город учиться и работать, приезжали редко и начали забывать родной язык. Смирился с этим картатай. Но одного простить не мог — старшая дочь не послушалась и вышла замуж за человека другой национальности. Как его не уговаривала нэнэй простить дочь, тот ни в какую. «Не бывать ей и её детям в нашем доме». Смирилась нэнэй, да и с мужем спорить нельзя. Прошёл год, у старшей дочери родилась девочка, прислала она родителям письмо с приглашением. «Не поедем», — заупрямился картатай. Не выдержало сердце матери. «Ты, как хочешь, а я хочу детей повидать!» Накормила скотину, наготовила еды для картатая, собрала гостинцы и двинула в путь. Заехала

сначала к младшему сыну, тот учился в университете на инженера. Встретил он её со словами: «Эни, ты зачем приехала? Нет у меня времени, учиться надо, да и постелить тебе негде». Ничего не сказала нэнэй, оставила кущтанащ и отправилась к среднему сыну. Тот тоже не обрадовался её внезапному приезду: «Эни, мне нужно на работу бежать, у меня дела, езжай к сестре, она всё равно дома с ребёнком сидит». И тут ничего нэнэй не сказала, отдала деревенские гостинцы и поехала к старшей дочери. Та встретила её с маленькой девочкой на руках, которая громко голосила, будто стая собак на луну. Обнялись женщины, поплакали, ведь давно не видели друг друга. А внучка схватила бабушка за косу пальчиками, не отпускает, крепко держит. Посмеялись: «Наша порода — упрямая».

— Что же ты не написала? — спросила дочь. — Мне тебя и угощать нечем. Денег дома нет, муж на заработки уехал. Только дочку кормлю, а сама почти на сухом пайке сижу. Подожди, сейчас к соседке сбегаю, займу у неё немного денег и приготовлю ужин.

— Не переживай, кызым, неголодная, я сначала к братьям твоим заехала, радушно встретили, да и я не с пустыми руками к тебе. Вот казылык, эремсек, соления и курочка, сварим бульон, лапшу нарежем — вот и праздник нам. Только думаю, оставаться мне здесь или в деревню ехать?

— Мама, куда ты поедешь? Живи, сколько хочешь, мы столько не виделись! Я тебе на кровати постелю, сама на диван лягу с малюткой. Как папа? Всё злится?

— Ты же знаешь, упрямец он. Время ему нужно, чтобы остыть.

Так за долгим разговором провели они вечер и легли спать. Но не может сомкнуть глаз нэнэй, ворочается. Разбередилось сердце, обидно стало, что сыновья так с ней поступили. Всегда правде их учила, уважению старших и традиций, а уехали в город и всё забыли. Но что поделаешь, как яблоню растишь, такие плоды потом и съешь. Решила она любым способом помирить картатая с дочерью. Погостила несколько дней в городе и поехала обратно. Скотину-то надолго не оставишь. Встретил картатай её хмуро, вопросов не задаёт, а нэнэй улыбается и молчит. Не выдержал, спрашивает:

— К сыновьям ездила?

— Ездила, — говорю. — Плохие деревья мы вырастили — без корней. А вот дочь хорошо встретила. Привет тебе передавала. А внучка-то, знаешь, на кого похожа? Да тебе не интересно, пойду грядки полью.

Наступил вечер, картатай ходит из угла в угол, видно, что мучает его что-то. Нэнэй молчит и вопросов не задаёт. Легли спать. Тут уже сон начал приходить.

— Так на кого похожа-то? — среди ночи раздаётся. — Не мучай меня. Если на зятя нашего, то пусть не приезжают никогда.

— На тебя похожа, — рассмеялась нэнэй. — Такая же упрямая порода.

Так и помирилась семья.

Нэнэй заканчивает рассказ и поправляет одеяло, произносит чуть слышно, чтобы не разбудить Айгуль, которая уже давно спит: «Наша порода. Эх, кызым, если бы всё было так, как в сказке. Видимо, не простил до конца. Алла бирса, вырасти счастливой за нас всех».

— А что такое поле? — спрашивает Артурка за завтраком. Он ещё ни разу там не был.

— Поле — это двенадцать соток земли, там растёт картошка, морковь и лук, чтобы зимой было что кушать, — объясняет нэнэй. — Ты же уже сильный мальчик? Поможешь нам?

Артурку раздувает как индюка: «Конечно, я же ещё на каратэ хожу».

— Вот и молодец, малай, — улыбается нэнэй, — большой помощник в семье — гордость для любой мамы, — смотрит на дядю, но тот отворачивается в сторону. Спрашивает:

— А у тебя какие планы на сегодня? Картошку надо окучивать, мы с картатаем не справимся в одиночку, да и ноги в последнее время у меня побаливают, думала лук прополоть, там хоть сидя можно.

— Дела у меня, — огрызается дядя. Допивает чай и уходит.

«Придёт, как всегда, к ужину, — злится Айгуль, — Даже чашку со стола никогда не уберёт. Хайван». В незнакомое слово девочка вкладывает всю свою обиду.

На поле едут на старом «запорожце», доживающем свой век. Так говорит нэнэй, а Айгуль думает, как же обидно умереть в маленьком посёлке, где из развлечений — мечеть, куда её не берут, но молитву слышно даже в квартире, будто в громкоговоритель; и рынок, где всегда шумно и пахнет специями, молоком и жареными пирожками, бабушки продают зелень и ягоду. Свинину нэнэй никогда не покупает, а вот мама редко, но готовит из неё вкусное рагу, а из ножек — дрожащий холодец. Об этом думает Айгуль, пока они трясутся по пыльной дороге, дождя не видно, значит, опять вонючие жуки и обжигающее плечи и затылок солнце. Артурке же всё интересно, он сидит на переднем сидении и задаёт вопросы: «А это что? А там?»

Дядя Дамир развёлся со своей женой, в посёлке он был давно. Айгуль смутно помнила его, когда они приезжали, тогда ещё всей семьёй, на юбилей картатая. Может, она бы и стёрла тот день и Артурку, но они подрались из-за плюшевого мишки. Айгуль ударила его головой об стол, одержала победу, но родственники посчитали, что её награда — стоять в углу и остаться без праздничного торта. Её игрушку тоже подарили ему, чтобы он не ревел. Плакса. Как такое забудешь?

Солнце ещё не прогрелось, а они уже приступают к работе. «Сколько ни собирай этих жуков, а они лезут и лезут», — думает Айгуль удрученно, куда ни глянь — бескрайнее поле картошки. Она выпрямляет спину, это тут же замечает картатай и говорит: «Кто не работает, тот не ест. Кто управится быстрее и соберет больше, тот пойдёт вечером гулять. Проигравший — сидит дома».

Айгуль быстро складывает жуков в консервную банку, краем глаза наблюдает за противником. Тот не сдаётся — идёт по соседнему ряду. От жары и запаха керосина кружится голова. Движения становятся такими же сонными, как у пойманных насекомых.

— Перерыв, — говорит нэнэй. — Скоро и обед уже, потерпите.

Айгуль садится кучу выдранных сорняков, лучи не успели их пригреть, и

корни ещё хранят прохладу земли. Тени здесь не найдёшь, поэтому и называют его «полем». После перерыва, а затем и обеда, тянет в сон. Но проиграть — остаться без игр во дворе, и Айгуль вновь отправляется на сражение. К ним присоединяется нэнэй, ближе к вечеру делит свою добычу пополам, между двумя внуками. Значит, гулять на улицу идут оба. Хотя Айгуль хочется, чтобы Артурка остался дома и ревел.

После работы в поле нэнэй украдкой даёт деньги на мороженое, чтобы картатай не видел — баловство же. «Балалар, держите, заработали», — шутит. И они несутся к киоску с мороженым. Шоколадное эскимо, на обёртке которого скачет Салават Юлаев. Артурка рассказывает, что это национальный башкирский герой, огромный памятник которому стоит над Белой рекой. Выбор сложный: ванильное мороженое в вафельном стаканчике или фруктовый лёд — дыня, яблоко, апельсин.

— Ты что возьмёшь? — спрашивает Артурка.

— Я в стаканчике возьму. Давай его? Тогда ещё на «Буратино» останется, — отвечает Айгуль.

— Не, мне папа монетки оставил. Много. Плюс ещё нэнэй добавила. Я три эскимо возьму, а ты бери, на что хватит. Одно сегодня съем, а другое — тоже сегодня, а может, завтра. А третье…

Он задумывается.

— А третье выкину, или, может, тебе отдать? Хотя, нет, не заслужила, — он смеётся. — Хотя, что мне мороженое? Я на велосипед двухколесный коплю. Немного осталось. Если нэнэй будет давать помаленьку… Если не покупать мороженое. Слушай, а может, ты все деньги мне отдашь? Я куплю велосипед, а ты приедешь в гости, я тебя покатаю. Давай так и сделаем!

— Нет, я мороженое хочу, — отвечает Айгуль, чувствуя подвох.

— Давай тогда возьмём фруктовый лёд, а сдачу я пока у себя сохраню. Так надёжнее, — не сдаётся Артурка.

— Купим три мороженого, — уверенно говорит Айгуль. — Одно отдадим нэнэй. Ты добавишь, и как раз хватит. А папа тебе и так велосипед подарит.

— А бабушки мороженое не едят! — возмущается мальчик. — Зачем ей? Деньги же нам дали, мы заработали. Она, если захочет, ящик купит себе. С тобой не договоришься! Отдавай мою половину.

Айгуль покупает два мороженого в стаканчике, девочка точно знает, что нэнэй любит его, но почему-то никогда себе не берёт. Артурка же из вредности покупает три эскимо и тут же съедает. На следующий день падает с ангиной. Нэнэй поит его горячим барсучьим жиром и чаем с матрёшкой. «Нечего было жадничать. Вот пусть теперь сидит дома. В лес за ягодами его не возьмём», — думает девочка и почему-то вспоминает, как она прошлой зимой везла свою маленькую нэнэй на санках, а та заливисто смеялась и сваливалась в сугроб, домой они пришли в снегу. Картатай ругал обеих.

У Айгуль есть и русская бабушка Таня. Но её она видит редко, мама не отпускает в деревню одну, а сама туда не ездит. «Нечего там делать», — говорит. За семь лет виделись пару раз. Каждую встречу бабушка Таня подслеповато жмурится и спрашивает: «Это кто приехал?» Ей отвечают: «Айгулька — внучка твоя». Та радостно бросается обнимать, плачет. Быстро дети растут. В углу деревянного дома над столом стоят иконы. Бабушка объясняет: «Это красный угол. Здесь Христос с Богородицей и Святая Троица. Они хранят нас, дочка». Она смиренно наклоняется и крестится: «Спаси и сохрани, спаси и сохрани…»

Русская бабушка другая. Если нэнэй худая и с чёрной косой, быстро перемещающаяся в пространстве квартиры, то эта — вся кругленькая: живот, голова в белом платочке, она медленно катится от прялки к печке, и всё время говорит о Боге: «Он везде: в лесу, в речке, в молоке и воде, в хлебе и на небе. Следит за нашими делами и направляет».

— Бабушка, а Аллах тогда — это кто? — спрашивает Айгуль.

— Аллах, внученька, это Бог мусульманов. Они его так называют. Имен у него много, и каждый видит его по-своему. Но Бог един. А теперь иди и поиграй с Чёрным. Я ужином пока займусь, скоро и мама твоя из гостей вернётся.

Живности у бабушки много: куры и петухи, корова с телёнком, пёс Чёрный и кошка Мурка. Чёрный виляет хвостом, когда Айгуль выносит ему хлеб, облизывает руки и радостно прыгает, потом лезет целоваться. Язык у него шершавый и длинный.

— Всё, Чёрный, — смеётся девочка, — пойдём гулять по деревне.

Пёс важно бежит впереди, разгоняет шипящих гусей и лает на проезжающие с диким рёвом мотоциклы. С ним не пропадёшь. Спускаются к тоненькой речке, берега которой поросли дикой высокой травой. Всё цветёт и пахнет. На дереве в дупле пчёлы устроили гнездо, жужжат и возмущаются приходу незнакомцев. Чёрный тянет Айгуль за платье в сторону дома. Опасно! Возвращаться надо!

В доме роятся и перемешиваются между собой запахи молока, зелёного лука и ещё чего-то очень вкусного. Бабушка открывает печку и достаёт чугунок.

— А вот и картошка подоспела к твоему приходу. Садись за стол. Сейчас будем трапезничать.

От картошки валит густой ароматный пар. Ждать, пока остынет, у Айгуль не хватает терпения, от запаха кружится голова, закидывает одну ложку и обжигается.

— Клади сметанку-то-о. Быстрее остынет, — бабушка смешно тянет букву «о» и улыбается.

— Бабушка, а почему ты к нам в гости никогда не приезжаешь?

— Да куда я поеду, скотины видела сколько? Их ни на один день не оставишь. Лучше ты почаще приезжай и на подольше.

На следующий день Айгуль с мамой уезжают. Прощаясь, бабушка плачет

и крестится: «Ох, помру скоро, больше не увидимся с внучкой». Айгуль бросается к ней и обнимает: «Ты жди, бабушка, я к тебе зимой приеду». Но ни в этот, ни на следующий год мама в деревню не отпустила, а отправила в посёлок к своим родителям.

— За ягодами сегодня не едем, — заходя в комнату, говорит нэнэй. — Доброе утро, засони. Будем готовить кыстыбый . Мне ваша помощь понадобится. Артур, ты как себя чувствуешь?

— Ой, нэнэй, — потягиваясь, отвечает мальчик. — Как же всё болит. Можно я ещё посплю?

— А ну-ка, давай температуру тебе померяем, а потом барсучий жир выпьешь.

— Мне уже лучше, — пугается хитрец. — Как я могу тебе помочь?

После завтрака нэнэй даёт внукам задание почистить картошку и лук, а сама берётся за тесто. Возле раковины не хватает места, и дети толкаются. Артурка исподтишка щипает сестрёнку.

— Нэнэй, он меня обижает, — жалуется Айгуль.

— Быстро перестали баловаться, а кто будет жаловаться, пойдёт полы мыть, — сурово говорит картатай. — Завтра, если погода позволит, за ягодами поедем.

Картошка варится на огне, потом нэнэй делает пюре. Тесто вздувается на раскалённой сковороде. Как только лепёшка готова, нэнэй подхватывает её и бросает на тарелку, на лепёшку кладет пюре и складывает пополам. У Айгуль ответственное задание — нужно смазывать кыстыбый расплавленным золотистым маслом, пока лепёшка не высохла. Артурка крутится рядом, но есть пока нельзя, только когда они сядут за стол, нальют свежезаваренный чай со зверобоем и мятой, но перед этим на стол ставится душистый токмач с говядиной и зеленью. Бульон уже готов. Нэнэй учит Айгуль: «Вытаскиваем мясо, варим картофель крупными дольками, морковь режем колечками, лапшу я готовлю заранее. На дно тарелки кладем зелень, наливаем бульон с лапшой. А овощи с мясом подаём на одной тарелке, кому сколько надо, столько и возьмёт. Поняла?» Айгуль кивает головой. Девочки должны уметь готовить и убираться, иначе замуж никто не возьмёт. От запаха кружится голова, нэнэй, будто волшебница, летает по кухне, ощущение, что у неё множество рук: одной помешивает бульон, другой режет зелень, третьей переворачивает лепёшки. Всё у неё получается быстро и вкусно, дома мама никогда так не готовит. Топлёное масло стекает по губам и рукам, а мягкое пюре тает во рту. После такого обеда тянет в сон. Картатай не съел ни ложки, говорит, что держит священный пост. «Может, он такой злой, потому что голодный?», — думает Айгуль.

Утром выглядывает солнце. Айгуль и Артурка надевают резиновые сапожки и курточки. Садятся в «запорожец», пока доедут, земля уже просохнет. День будет жаркий. Картатай раздаёт каждому по корзинке. «Ягоды

нужно собирать аккуратно и без веточек. В рот не клади — не есть пришли. Что ворон ловишь? Бабочек никогда не видела? Уф алла каем!» — каждую минуту раздаётся в сторону Айгуль, Артурку же картатай наоборот хвалит: «Какой молодец растёт! Вот с кого нужно пример брать и не лениться». Девочке обидно. «Нужно собрать больше, чем он», — решает Айгуль. Но как удержаться? Маленькие ягодки так и просятся сами в рот, кисло-сладкие, пахнущие лесом и полем. Пока картатай не видит, нэнэй берёт большую горсть из своего ведра и перекладывает в корзинку Айгуль: «Много не ешь, животик заболит».

Дома выкладывают на пол газеты, а на них — ягоды, теперь нужно перебрать от жучков и травинок, а потом нэнэй сделает пастилу и варенье. Паучки пытаются сбежать под диван, но Айгуль выслеживает их, потом аккуратно стряхивает с балкона на четвертом этаже. Убивать их нельзя — дождь пойдёт. А дождя не хочется, опять дома сидеть с Артуркой, а на улице такое солнышко! Горячий июль так и манит пробежаться по пыльным улицам, залезть в кусты сирени, построить штабик подальше от вечно недовольных бабушек, сидящих на скамейке. Айгулька как-то спросила у нэнэй, почему та никогда не болтает во дворе с подружками:

— Я бы на твоём месте гуляла бы и гуляла на улице. Тебе же не нужно отпрашиваться.

— Уф¸ балакаем, что мне делать с этими лентяйками, у меня ужин не готов, полы помыть, варенье поставить. Дел полно, а у них одна забота — косточки перемыть соседкам. Ты с ними много не болтай. А никак в прошлый раз, помнишь?

— Ну, нэнэй, это же уже давно было.

— Давно, ага, прошлым летом. Они ещё полгода сплетничали. Не болтай лишнего, я прошу тебя, кызым !

Айгуль вспоминает, как встретила бабушку во дворе, поздоровалась и собиралась бежать дальше за мячиком, но та предложила присесть на скамейку «поговорить со старшими, уважить». Нэнэй тогда впервые кричала на Айгуль:

— Нельзя, понимаешь, нельзя каждому встречному рассказывать о жизни. Ты зачем сказала, что родители в разводе, потому что папа пьет?

— Так они же в разводе.

— А про картатая, что он сторожем подрабатывает?! Какая им разница? Молодец, услужила. Кому от этого хорошо? Злым языкам только!

Айгуль не понимала, разве честность — это плохо? Сами же учат, что врать нехорошо и нужно правду всегда говорить.

— Я тебе запрещаю с ними общаться. Поздоровалась и дальше пошла. А если вопросы начнут задавать, отвечай: «Мне нэнэй запрещает с чужими разговаривать». Всё, не реви, держи пастилу.

Яблочная, смородиновая, облепиховая. Густая и тягучая, застревающая в зубах. Пастила. Пока сушится на солнце, так и хочется оторвать кусочек, откусить, убежать с ним в тёмный уголок, пока никто не видит, нюхать, вдыхать аромат, облизывать, а потом долго жевать кислый кусочек солнца.

На следующий день после завтрака нэнэй и картатай собираются в огород морить жуков. Детей не берут. Мама рассказывала Айгуль, что у картатая папа умер, когда надышался отравы, а так бы жил до ста лет. Нэнэй успокаивает ревущую от страха девочку: «Ничего с нами не случится, посидите дома одни, не шалите».

Сначала играют в домино, но быстро надоедает, находят старые фотографии.

— Смотри, это ты, — говорит Артурка, — тыкая пальцем на девочку в шортиках, — а это тогда кто?

— Это картатай и моя мама. Когда-то он был молодой и красивый и, наверное, мало ругался. А это, наверное, твой папа! — Айгуль переворачивает фотографию и читает надпись, — да, дядя Дамир. Ты его часто видишь?

— Нет, мама не очень любит, когда он приезжает.

— Я тоже своего редко вижу, а если приходит, то пьяный. Взрослые говорят, что алкоголь разрушает семьи, а сами пьют. Вырастишь, поймешь. А может, я уже выросла! — возмущается Айгуль.

— Давай мяч пинать, — предлагает Артурка, — в футбол тут, конечно, не поиграешь. А на улицу нам нельзя.

— Нэнэй, если узнает, ругаться будет, — сопротивляется Айгуль, но недолго, — они и не узнают, если мы не скажем. Тащи!

Мяч пахнет резиной, Айгуль подбрасывает его. Тяжёлый.

— Смотри, правила такие: один стоит на воротах — вот это кресло, а другой пинает. Я начну, если поймаешь, твоя очередь, — объясняет мальчик. — Но ты же девчонка и малявка… — злорадно шипит он.

Айгуль злится, что он опять над ней смеётся, злится на себя, что согласилась с ним играть, но отступать некуда: позади — кресло, впереди — Артурка. Он легко разбегается, девочка падает на палас. Ура! Мяч у неё.

— Теперь ты вставай на ворота. Посмотришь, как мастер будет играть, — говорит девочка.

Артурка недоволен, но что делать, сам правила придумывал. Айгуль кладёт мяч на пол, думает, как ударить, чтобы он не поймал, чтобы проиграл, чтобы перестал смеяться, чтобы плакал. Она бьёт, а мяч устремляется вверх и летит в стену, на которой висят часы — подарок нэнэй на юбилей от Айгуль и мамы. Они были единственные в магазине, когда девочка увидела их, то уже не могла отойти и заворожённо смотрела на резные фигурки, будто парящих над циферблатом, золотистых коней, копытами держащих планету. Столкновение неизбежно. Они закрывают глаза.

— Если найдём клей, то никто ничего не заметит, — неуверенно успокаивает Артурка.

— К-к-ко-о-о-о-они-и-и-и-и, — задыхается Айгуль. — Они отвалились.

— Они же пластиковые, конечно, как иначе. Ты с такой силой пнула, я испугался, что мне в голову попадёшь, — Артурка нервно смеётся. Глядя на

него, начинает смеяться и девочка. — Может, тебе в футбол пойти, удар-то сильный, — продолжает он.

Они падают на палас и не могут остановиться — смех переходит в рыдания, приступы икоты, слёзы и опять смех. «Будь, что будет», — решает Айгуль. Они возвращают часы на место, ставят сверху коней и договариваются ничего не говорить нэнэй и картатай.

— Смотри-ка, часы остановились, — говорит картатай на следующий вечер, когда все домочадцы сидят за телевизором.

Сердце Айгуль замирает: «Сейчас всё раскроется. Картатай будет ругаться, вновь вспомнит папу и вообще выгонит из дому». Картатай надевает очки и идёт на кухню за стулом. Айгуль и Артур смотрят друг на друга исподлобья, будто незнакомцы.

— Так, а это что такое? — спрашивает картатай, в его руках — отломленные фигурки коней. — Это что такое, я спрашиваю?!

Айгуль и Артурка молчат.

— Сюда! Оба! — ревёт пожилой мужчина. — Мы для вас стараемся, а вы, как чучка, гадите, где живёте. Кто разбил часы?

Айгуль и Артурка молчат.

— Если виновный не признается, накажу обоих. Будете дома сидеть, пока родители за вами не приедут.

— Это я.

— Ты?

— Я это сделал, — выдаёт на одном дыхании Артур, — мячом нечаянно попал. Айгуль меня отговаривала играть, а я не послушался.

Айгуль смотрит на брата, она хочет признаться, но тот смотрит на неё в упор и повторяет: «Я это сделал».

— Хорошо, что сказал, — говорит картатай. — Нужно уметь брать ответственность. Это мужской поступок. Но без наказания я это не оставлю. Будешь женщинам по дому помогать.

Перед сном нэнэй вычёсывает длинные чёрные волосы деревянным гребешком, они похожи на волны вспаханной земли, на которой она выросла, чью силу впитала.

— Нэнэй, это я часы разбила, — шепотом говорит Айгуль. — Артур сказал, что он, я его не просила.

— Я знаю, кызым. У тебя же всё на лице было написано, — нэнэй гладит по голове Айгуль, немного помолчав, продолжает:

— На то они и братья, чтобы в сложную минуту прийти на помощь. А часы… Не переживай, это всего лишь часы, их в жизни каждого много бывает. А вот любовь заслужить надо. Это самая тяжёлая битва. А теперь спи. Тыныч йокы. Пойду посмотрю, как там Артур.

— Нэнэй, ты меня прощаешь? — Айгуль хватает её за руку. — Извини, пожалуйста, я не хотела, правда-правда. Я, когда вырасту, заработаю много

денег и куплю тебе самые лучшие часы в мире! И мороженое! И всё, что захочешь!

— Я не злюсь, балакаем. Обещай, что вы дома больше не будете играть, — нэнэй улыбается. — Вырастишь и купишь, а я ждать буду. Закрывай глазки, кызым.

Тихо, почти шёпотом, она затягивает песню. Её голос стирает все страхи, рисует образы полей, лесные ягоды, вот нэнэй перебегает ручейки воды в саду, парит берёзовым веником Айгуль в бане, мыло щиплет глаза, нэнэй заливисто смеётся:

Әлли-бәлли, йом күзеңне, балам,
Йокыңда чәчәкле дала.
Әлли-бәлли, балам йоклап ятыр,
Таң нуры сине уятыр.
Йокла, балам, йокла …

Айгуль не понимает слов, они прорастают вглубь неё лесными травами и пионами. Они лежат вдвоём на кровати. Крест окна дрожит от ветра, а по стенам, рыжим от заката, разбегаются фантастические кони. Нэнэй учит Айгуль:

— Повторяй. Я тебя люблю — мин сине яратам.

— Я тебя люблю, нэнэй .

Марина Перова

СОТКАННЫЙ ИЗ МЫСЛЕЙ

***

Когда весна врывается в Курган
И обнажает ямы на асфальте,
Я становлюсь безудержен и рван,
Каким бывает небо в марте.
Ручьями из-под ног – вода,
И снег теряет твёрдость и обочины.
Во мне как будто тянут провода –
Забыли обесточить.
И я искрюсь.
Не понимаю, кто
Живет во мне, и есть ли я на деле,
Или пустое серое пальто
Гуляет по весне неделями.

***

Я человек.
И когда опущусь на кровать –
Не любовное ложе –
На строгие смертные простыни,
До последнего мига
Любовью и жизнью опростанный,
Я пойму, как мне дорого
Каждое слово моё,
Даже если
Оно было ложью,
Каждый выдох и вдох,
Каждый шорох неслышный,
Касание пальца о палец
И тяжесть ступней на полу.
И что бы мне ни говорили
О будущей жизни –
О рае, о перерождении,
О воскрешении –
Я знаю,
Что если умру,
Умрёт целый мир,

Перова Марина Андреевна родилась в 1991 году в селе Старые Байдары в Курганской области. Окончила исторический факультет Курганского государственного университета. Аспирант КГУ, редактор газеты «Курганский университет». Финалист Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов «Мцыри» в Москве (2016), победитель литературного конкурса «Стилисты добра» в Челябинске в номинации «Поэзия» (2017). Живёт в Кургане.

Сотканный из мыслей и ощущений.
Я не проснусь – молод и бодр,
Потому что не будет «Я».
А значит, не будет мамы,
Моего кота и моего дома –
Ничего моего.
И небо я не назову небом,
И оно перестанет существовать.
Страшно быть человеком.

***

Горячая истома в животе
Меня опять отправила из дома
В слепую ночь и взорвань бурелома.
Бровей недоуменные изломы
Свои вершины тянут к высоте,
И кажется, что нету сил терпеть.
И тает снег от жара под ногами,
И плавится доверчивая твердь.
А я уже близка к ядру земному –
Сама заговоренное ядро.
Сосуд священный, полное ведро.
Земная оболочка и нутро.
Сама себе страшна и незнакома.

Я буду целомудренно пуста.
Не подарю начало новой жизни
И не отдам за сына живота,
А живота его не дам отчизне.
Я в мертвом море мертвая вода.
Я не создам Ионы для кита.
И соль моя останется моей:
Одна не-мать средь тысяч матерей.

Когда во власти похотливых мечт
Я волосы отбрасывала с плеч,
Тебя надеясь свергнуть и привлечь –
Я опускала голову под меч.
И жизнь моя плясала от минут
Когда меня обнимут и возьмут,
И в черной и горячей глубине
Возникнет мир невидимый во мне.
Я только миг, отброшенная тень.
За мной – вчера, за ним – грядущий день.
Он будет из меня, но не моим.
Теперь не я, а он боготворим.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Редактор отдела поэзии
Дмитрий Ханин

Редактор отдела прозы
Ксения Баштовая

Редактор отдела поэзии
Клавдия Павленко

Редактор отдела прозы
Владимир Шевченко

Редактор отдела публицистики
Вячеслав Зименко

Корректор
Ольга Лозбенева

Вёрстка
Виктория Анистратова

Директор издательства «Донской писатель»
Алексей Береговой

ББК 96(2Рос-Рус)85
Д-213
ISBN 978-5-87612-108-6
© ООО «Издательство «Донской писатель».
Литературно-художественный и общественно-политический журнал «ДОН_новый» № 1-2, июнь 2020 г.
Издатель: ООО «Издательство «Донской писатель»
Главный редактор Галина Студеникина
Над выпуском работали:
Анистратова В.В., Баштовая К.Н. Береговой А.Г., Зименко В.А. Лозбенева О.В., Павленко К.И., Ханин Д.И. Шевченко В.В.
Фотографии – открытые интернет-источники
Директор издательства Береговой А.Г.
Тираж 990 экз. т/ф. 8-918-599-67-51; 8-918-591-10-75.
e-mail: don_new@rambler.ru / donpisatel@yandex.ru